

ISSN 2524-0285

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Б
**Гуманитарные
науки**

3/2017

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки»**

Ответственный редактор – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**.

Заместитель ответственного редактора – д. филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**

Члены редколлегии: д. филос. н., проф. **Т.А. Андреева**, д. филос. н., доц. **Е.В. Андриенко**, д. н. по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д. филол. н., проф. **Ш.Р. Басыров**, д. и. н., проф. **А.В. Бредихин**, д. пед. н., проф. **А.И. Дзундза**, д. филол. н., проф. **И.И. Дяговец**, д. филос. н., проф. **Н.Н. Емельянова**, д. пед. н., проф. **Е.Г. Евсеева**, д. филол. н., проф. **В.Д. Калиущенко**, д. и. н., проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д. пед. н., проф. **М.Г. Коляда**, д. филол. н., проф. **О.А. Кравченко**, д. филол. н., проф. **С.Е. Кремзикова**, д. и. н., проф. **Е.Ф. Криנקо** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д. полит. н., проф. **Т.И. Мармазова**, д. филос. н., проф. **Д.Е. Муза**, д. и. н., проф. **В.Н. Никольский**, д. филол. н., проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), д. филол. н., проф. **Л.А. Петрова** (Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация), д. пед. н., проф. **П.В. Плотников**, д. пед. н., проф. **Е.И. Скафа**, д. филол. н., проф. **В.В. Федоров**, д. филол. н., проф. **А.Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация), д. и. н., доц. **Л.Г. Шепко**, д. филол. н., проф. **Л.Н. Ягупова**

Editorial Board of the journal “Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of History, Associate Prof. **V.V. Razumnyi**

Members of the Editorial Board: Doctor of Philosophy, Prof. **T.A. Andreeva**, Doctor of Philosophy, Associate Prof. **Ye.V. Andrienko**, Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Doctor of History **A.V. Bredikhin**, Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Philology, Prof. **I.I. Dyagovets**, Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko**, Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Political Sciences, Prof. **T.I. Marmazova**, Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **V.N. Nikolskiy**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **L.A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Prof. **P.V. Plotnikov**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Philology, Professor **A.L. Faktorovich** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of History, Associate Prof. **L.G. Shepko**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: terkulov@rambler.ru, razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (приказ МОН ДНР № 1134 от 01.11.2016 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.01.00 – Литературоведение; 10.02.00 – Языкознание; 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 13.00.00 – Педагогические науки.

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 8 от 21.11.2017 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2017

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Б. Гуманитарные науки

№ 3/2017

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Белоконь С. А.</i> Особенности функционирования триады «автор-герой-читатель» в концепции М.М. Гиршмана	5
<i>Воробьёва О. С.</i> Пространственная семантика английского постпозитива <i>out</i> и русской приставки <i>вы-</i>	10
<i>Гурина Н. Е.</i> Автобиографическая основа образа повествовательницы в романе И.Н. Полянской «Прохождение тени»: проблема фактической и нравственно-психологической достоверности	20
<i>Даренский В. Ю.</i> Песенная поэтика М. Матусовского: опыт характеристики	26
<i>Скляр Н. В.</i> Новейшая немецкая автобиография в контексте постмодернизма	34
<i>Филатова Е. В., Филатов В. А.</i> Слово или синтагма: минимальная речевая единица и её морфологическая природа (на материале книги М. Веллера «Великий последний шанс»)	40
<i>Герасименко Е. Е.</i> Интермедиаальный аспект художественного портрета и образа в романе Дж. Конрада «Лорд Джим»	49
<i>Минина Е. В.</i> Периферийные разряды поэтонимикона дилогии Кена Фоллетта «Столпы Земли» и «Мир без конца»	55
<i>Морозенко Е. А.</i> Развитие семантики оценочных прилагательных со значением «угрюмость» и «жестокость» в английском языке	59
<i>Осташова О. И.</i> Способы выражения структурных компонентов оценочных высказываний в англоязычном художественном дискурсе	67
<i>Повторуха Н. В.</i> Метонимия в системе метрологической лексики на материале немецкого и украинского языков	74
<i>Русенко Т. И.</i> Существительные в структуре лексико-семантического поля «запах»: состав, семантика, типология	79
<i>Симонова И. В.</i> Жанр баллады в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»	86
<i>Стерхов А. А.</i> Мифологизм в образе Миранды – героини романа Дж. Фаулза «Коллекционер»	90

<i>Юрьева Е.В.</i> Пресуппозиция как средство воздействия на дестинатора рекламного сообщения (на примере русскоязычных слоганов социальной рекламы)	101
<i>Ткаченко С.Г.</i> Типы объекта градуирования в семантике английских фразеологических единиц	108

Педагогика

<i>Андросова А.П.</i> Контроль уровня физической подготовленности учащихся по спортивному направлению «Плавание» в профильном обучении	114
<i>Мерхелевич Г.В.</i> Психолого-методологические основы опережающего формирования иноязычных разговорно-познавательных навыков школьника	122
<i>Милушкина Е.А.</i> Особенности понимания дошкольниками литературных произведений разных жанров	129
<i>Новоградская-Морская Н.А.</i> Психологические механизмы и факторы успешности восприятия иноязычной профессионально значимой информации	133
<i>Самохина Н.Н.</i> Особенности творческой самореализации младших школьников в системе дополнительного образования	139

История

<i>Тягливая О.А.</i> Формирование законодательной основы франко-американских политических отношений в 1950-е гг.	145
<i>Ширма Е.Ю.</i> Великобритания и Франция в процессе интеграции в Европе в 1970-х гг.	149
Правила для авторов	159

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series B. Humanities

№ 3/2017

CONTENTS

Philology

- Belokon S.A.*. Peculiarities of functioning of the triad “the author – the character – the reader” in M.M.Girshman’s conception 5
- Vorobyova O.S.*. Spatial semantics of the English postpositive *out* and the Russian prefix *вн-* 10
- Gurina N.Ye.*. Autobiographical basis of the narrator image in the novel “Passing shadows” by I. N. Polyanskaya: the problem of actual, moral and psychological credibility 20
- Darenskiy V.Yu.*. Song poetics by M. Matusovskiy: characterization experience 26
- Sklyar N.V.*. Latest German autobiography in the context of postmodernism 34
- Filatova Ye.V., Filatov V.A.*. A word or a syntagm: a minimal speech unit and its morphological nature (based on the book “The Great Last Chance” by M. Veller) 40
- Gerasimenko Ye. Ye.*. Intermedial aspect of artistic portraiture and image in the novel “Lord Jim” by Joseph Conrad 49
- Minina Ye.V.*. Peripheral classes of poetonymicon in Ken Follett’s dilogy “The Pillars of the Earth” and “World without End” 55
- Morozenko Ye.A.*. Semantic development of evaluative adjectives with the meaning “cruelty” and “sullenness” in English 59
- Ostashova O.I.*. Ways of expressing structural components of evaluative utterances in the English fictional discourse 67
- Povtorukha N.V.*. Metonymy in the system of metrological lexis in German and Ukrainian 74
- Rusenko T.I.*. Nouns in the lexical-semantic field of scent: structure, meaning, typology 79
- Simonova I.V.*. Genre of ballad in A.S. Gribodedov’s comedy “Woe from wit” 86

<i>Sterkhov A.A.</i> Mythologism in the image of Miranda – the character of the novel "The Collector" by John Fowles	90
<i>Yureva Ye.V.</i> Pragmatic aspect of using presuppositions in PSAs slogans	101
<i>Tkachenko S.G.</i> Types of object of grading in the semantics of the english phraseological units	108

Pedagogy

<i>Androsova A.P.</i> Control of students' physical efficiency level at swimming in profile training	114
<i>Merkhelevich G.V.</i> Psychological and methodological principles of first-graders' preparation for their further integration into the international information network	122
<i>Milushkina E.A.</i> Peculiarities of preschoolers' perception and understanding of literary works of different genres	129
<i>Novogradskaya-Morskaya N.A.</i> Psychological mechanisms and factors of successful listening comprehension of foreign professionally relevant information	133
<i>Samokhina N.N.</i> Features of junior students' creative self-realization in a system of additional musical education	139

History

<i>Tyaglivaya O.A.</i> Formation of the legislative basis of the Franco-American political relations in the 1950-s.	145
<i>Shirma Ye.Yu.</i> Britain and France in the process of integration in Europe in the 1970 s.	149
Guidelines for authors	159

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82-25 “20”

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРИАДЫ «АВТОР – ГЕРОЙ – ЧИТАТЕЛЬ» В КОНЦЕПЦИИ М. М. ГИРШМАНА

© 2017. С. А. Белоконь

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

В статье рассматривается триада «автор – герой – читатель» и ее место в теории художественной целостности М. М. Гиршмана. Особое внимание уделено связи этого триединства с категорией стиля. Рассмотрена также специфика понимания М. М. Гиршманом отношений «автор – читатель», «читатель – герой».

Ключевые слова: автор, герой, читатель, теория художественной целостности, стиль.

*Памяти Учителя посвящается
(к 80-летию со дня рождения профессора М. М. Гиршмана)*

Объектом нашего анализа была специфика взглядов М. М. Гиршмана на триаду «автор – герой – читатель», представленная в монографии «Литературное произведение: Теория художественной целостности» [1]. В частности, были рассмотрены работы: «Становление понятия “художественная целостность” и его современное значение» [2], «Стиль литературного произведения» [3], «От ритмики стихотворного языка к ритмической композиции поэтического произведения» [4], «Путь к объективности» [5], «Литературное произведение в свете философии и филологии диалога (Вместо заключения)» [6].

В статье «Становление понятия “художественная целостность” и его современное значение» М. М. Гиршман говорит о специфике триады «автор – герой – читатель», но характерно, что эта триада появляется уже в завершающей (шестой) части этой статьи, как одно из финальных, резюмирующих утверждений: «Автор – герой – читатель, пожалуй, с наибольшей отчетливостью представляют единую целостность в трех целых, равнодостоинных, равно и взаимно необходимых, несводимых друг к другу, образующих поле интенсивно развертывающихся взаимодействий. Такой подход позволяет на единой основе объяснить и развить в специальных исследованиях систему уникальных свойств-отношений автора – героя – читателя. Во-первых, это сочетание единой сущности и триединой личности, не сводимой ни к одному и тому же личностному содержанию, ни к трем разным индивидам, – это единство человечества, народа и уникальной индивидуальности в превышающей все их отдельные реализации внутренней, личностной взаимосвязи. Во-вторых, необходимо осмыслить сочетание совместного и нераздельного существования автора – героя – читателя с обособлением и взаимодействием их внутренне разделяющихся и обращенных друг к другу позиций, образующих субъектную организацию литературного произведения» [2, с. 47].

Отметим, что здесь подчеркивается такая основная характеристика отношений внутри анализируемого триединства как «единая целостность», которая сопровождается следующими признаками:

- 1) «интенсивно развертывающиеся взаимодействия»;
- 2) «система уникальных свойств-отношений автора – героя – читателя»;
- 3) «сочетание единой сущности и триединой личности»;
- 4) «нераздельное существование автора – героя – читателя».

Об особом значении этого фрагмента статьи в рамках концепции М. М. Гиршмана свидетельствует тот факт, что именно процитированный выше отрывок был выбран А. А. Кораблевым для иллюстрации понятия «автор – герой – читатель» в книге «Тезаурус идей и понятий Донецкой филологической школы» [7, с. 119-120].

Ниже в этой же статье М. М. Гиршман отмечает: «Также требует к себе исследовательского внимания конкретизация основных характеристик художественной целостности в структурно-композиционном строении литературного произведения, например в “ромбической” модели отношений его слоев или уровней: от первоначального единства ритма к обособлению фабулы и сюжета, изображаемых событий и их субъектов, а также событий и субъектов их словесного изображения, а затем к преобразению этой множественности в личностное единство (или триединство) автора – героя – читателя с их суверенной совместностью, взаимообращенностью и глубинной неделимостью» [2, с. 52].

Таким образом, триада «автор – герой – читатель» обладает также такими свойствами как «суверенная совместность», «взаимообращенность», «глубинная неделимость». Роль и значение этого «триединства» подчеркивается тем, что она является результатом «преобразования» множественности всех элементов структурно-композиционного строения литературного произведения.

Триединство «автор – герой – читатель» согласно концепции М. М. Гиршмана имеет не только непосредственную связь с категорией «художественная целостность», но и с категорией «стиль». В статье «Стиль литературного произведения» одним из двух направлений рассмотрения стиля является: «Реализация в стиле диалектической связи между внутренней структурой и субъектной организацией литературного произведения, системой отношений автор – герой – читатель» [3, с. 71].

Актуальной в свете анализа проблем стиля литературного произведения для М. М. Гиршмана оказывается и категория «художественный мир». Эта категория в концепции литературоведа тесно связана с категориями автора и стиля, а последние две категории неразрывно связаны между собой и именно их тесная и продуктивная взаимосвязь приводит к осуществлению произведения как художественной целостности: «Художественный мир является «человечески завершенным», и здесь особенно отчетливо проявляется как личностный характер художественной целостности, так и диалектическая связь всеобщего и индивидуально-особенного в творческом субъекте. Рассматриваемое с этой субъектной точки зрения единство общей идеи и организующего принципа созидания художественного целого приводит к понятию *автора*... стиль выступает как «свое другое» по отношению к понятию «автор» и может быть определен как наиболее непосредственное, зримое и осязаемое выражение авторского присутствия в каждом элементе, материально воплощенный и творчески постигаемый «след» авторской активности, образующей и организующей художественную целостность [3, с. 80-81].

В контексте рассмотрения категории «стиль» актуализируются такие понятия как «авторское присутствие» и «авторская активность», которые в свою очередь выражаются через стиль.

Согласно концепции М. М. Гиршмана роль стиля относительно автора, который «предстает в системе отношений трех своих ипостасей – субъекта, объекта и адресата

художественного высказывания» [3, с. 96] в том, что стиль «будучи непосредственным выявлением авторского присутствия в каждом моменте целого, динамически объединяет эти три его компонента, препятствуя как их аморфному смешению, так и обособлению каждого из них» [3, с. 96].

Вторая часть статьи «Стиль литературного произведения» полностью посвящена проблемам специфики субъектной организации художественного целого. Так, в начале раздела говорится: «Художественный мир литературного произведения потому и является *миром*, что включает в себя, внутренне объединяет и субъекта высказывания, и объекты высказывания, и адресата высказывания – «читателя» как одного из неявных, но неизменных компонентов произведения» [3, с. 94].

В этом фрагменте триединство «автор – герой – читатель» трансформируется в триаду «субъект высказывания (автор) – объекты высказывания (герои) – адресат высказывания (читатель)». Именно эти три неразделимых и неслиянных фигуры и наполняют собой художественный мир.

Особое внимание М. М. Гиршман уделил проблеме читателя, точнее необходимости правильного понимания специфики читателя литературного произведения: «Следует сразу же со всей определенностью подчеркнуть, что речь идет, конечно, не об эмпирическом читателе, а об особом творчески создаваемом образе восприятия, о закрепляемой в художественном целом позиции воспринимающего субъекта. И именно потому, что позиция эта материализована, так или иначе воплощена в произведении, будучи обращенной к реальному множеству эмпирических читательских восприятий, она служит одним из важнейших оснований их творческого объединения» [3, с. 94].

Читательская позиция таким образом предстает как «особый творчески создаваемый образ восприятия», она существует не отвлеченно, не сама по себе, а обусловлена наличием творческого создателя целого произведения, то есть автора.

Продолжая свои рассуждения о специфике общения автора и читателя посредством сотворенного первым из них художественного целого М. М. Гиршман отмечает: «Да, художник не мог предвидеть всех наших вопросов и всех особенностей художественного восприятия. Но ведь какие-то принципиальные особенности он не просто предвидел, но закрепил в целостности произведения, в той *художественной* постановке вопросов, которая позволяет в конкретном и даже злободневном увидеть и удержать зерно общечеловеческих проблем и столь же общечеловеческие пути творческого поиска, а не готовые ответы» [3, с. 96].

Необходимым условием «восприятия и толкования художественного произведения» по Гиршману является наличие «точек пересечения этих поставленных в художественном целом и *наших* вопросов... Во всяком случае, лишь на *границе* этих двух человеческих содержаний, в точках их встречи, пересечения и глубинного родства происходит подлинная жизнь художественного произведения – там же находится источник и его адекватного восприятия, и понимания» [3, с. 96].

Важность продуктивного «взаимодействия субъекта, объекта и адресата художественного высказывания» М. М. Гиршман подчеркивает неоднократно, при этом такое взаимодействие должно быть трехслойным и соотноситься с трехслойностью формирования позиции читателя, как завершающего звена этого триединства: «Конкретным выражением взаимосвязи субъектной организации и внутренней структуры художественного целого является переход тех трех структурных слоев, о которых говорилось в первом разделе, в соответствующую трехслойность взаимодействия субъекта, объекта и адресата художественного высказывания, в трехслойность формирования читательской позиции» [3, с. 101].

Отношения в паре «автор – читатель» по Гиршману не однолинейны, не однонаправлены, в них нет доминирующего начала, они построены на принципах творческого равноправия: «Именно как живущие общей – дарованной друг другу – жизнью, равнодостоинные субъекты этого «абсолютного движения становления», этого развития жизненной целостности пребывают в художественном мире автор и читатель» [4, с. 174]. Важно здесь подчеркнуть очень удачно найденный литературоведом эпитет, относящийся к жизни автора и читателя, она не просто у них общая, она уникальная, так как «дарована друг другу». То есть существование и реализация одного из субъектов просто не мыслима без существования другого.

Связь автора и читателя предстает как «реализуемая искусством связь людей и времен в развивающейся целостности человеческой жизни» [4, с. 174], при этом они формируют «единство, из которого они разворачиваются: в нем и автор, и читатель, – не элементы, а целые, особые, но не абсолютно обособленные» [4, с. 174], т. е. и не полностью слитые, и в то же время не мыслимые друг без друга величины, не компоненты, не составляющие, а равноправные участники субъектной организации художественного целого.

В статье «Путь к объективности» М. М. Гиршман отмечает: «И в теоретических и в практических разделах этой книги (*монографии «Литературное произведение: Теория художественной целостности» – С.Б.*) я стремился показать, что автор не просто предполагает, но и, что особенно важно, «строит», формирует принципиальные особенности читательского восприятия как неотъемлемую часть художественного мира литературного произведения» [6, с. 535].

Сложными и проблематичными предстают и отношения второй пары (первой мы считаем пару «автор – читатель»), которая вычленяется из триады «автор – герой – читатель», это пара «читатель – герой», в которой, по мнению Гиршмана, нередки случаи попыток идентификации читателя с героем. При этом сверхзадачей читателя является путь через самоидентификацию себя с героем достичь «восхождения к авторской вершине художественного целого»: «Идентификация, конечно же, сочетается с противостоянием, со структурно закрепленным отношением к герою как к «другому», и в этой системе личностных взаимодействий осуществляется восхождение к авторской вершине художественного целого, вернее, к тому творческому центру, который, как внутренняя необходимость, проникает собой каждый составной элемент, так что становление стилевого единства произведения оказывается в то же время становлением качественно новой формы человеческого бытия, творчески осуществленного в художественном мире» [3, с. 101–102].

Таким образом, даже при ситуативной редукции и превращении триединства в пару (не имеет принципиального значения какую: «автор – читатель», «читатель – герой», «автор – герой») система стремиться к самовозобновлению, к достраиванию себя до исходной модели «автор – герой – читатель», на которой и основывается возможность плодотворного существования художественной целостности в целом и ее конкретной реализации – художественного целого литературного произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гиршман М. М. Литературное произведение: Теория художественной целостности. / М. М. Гиршман – 2-е изд., доп. – М., 2007 – 560 с.
2. Гиршман М. М. Становление понятия “художественная целостность” и его современное значение // Литературное произведение: Теория художественной целостности / М. М. Гиршман – 2-е изд., доп. – М., 2007. – С. 20–56.

3. Гиршман М. М. Стиль литературного произведения // Литературное произведение: Теория художественной целостности / М. М. Гиршман – 2-е изд., доп. – М., 2007. – С. 71–114.
4. Гиршман М. М. От ритмики стихотворного языка к ритмической композиции поэтического произведения // Литературное произведение: Теория художественной целостности. / М. М. Гиршман – 2-е изд., доп. – М., 2007. – С. 151–175.
5. Гиршман М. М. Путь к объективности // Литературное произведение: Теория художественной целостности. / М. М. Гиршман – 2-е изд., доп. – М., 2007. – С. 533–538.
6. Гиршман М. М. Литературное произведение в свете философии и филологии диалога (Вместо заключения) // Литературное произведение: Теория художественной целостности / М. М. Гиршман – 2-е изд., доп. – М., 2007. – С. 538–545.
7. Тезаурус идей и понятий Донецкой филологической школы : учеб. пособие / Донец. нац. ун-т ; [сост. А. А. Кораблев]. – Донецк: ДонНУ, 2012. – 330 с.

Поступила в редакцию 27.08.2017 г.

PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF THE TRIAD «THE AUTHOR – THE CHARACTER– THE READER» IN M.M. GIRSHMAN'S CONCEPTION

S.A. Belokon

The article addresses the triad “the author – the character – the reader” and its place in the theory of art integrity of M. M. Girshman. A special attention is paid to the interrelation of this triad with the category of style. A specific view by M. M. Girshman on the correlation “the author – the reader”, “the reader – the character” is also discussed.

Key words: author, character, reader, theory of art integrity, style.

Белоконь Светлана Александровна

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк.

E-mail: clairsv@mail.ru

Belokon Svetlana Alexandrovna

Candidate of Philology.

Donetsk National University.

E-mail: clairsv@mail.ru

УДК 81'37'367.625

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКОГО ПОСТПОЗИТИВА *OUT* И РУССКОЙ ПРИСТАВКИ *ВЫ-*

© 2017. О. С. Воробьева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Статья посвящена сопоставительному изучению семантики постпозитива и префикса в составе английского фразового и русского приставочного глаголов. Анализ семантической структуры указанных единиц осуществляется на материале английского постпозитивного компонента *out* и русской приставки *-вы*, объединенных первичным пространственным значением «наружу». В ходе исследования устанавливается и описывается парадигма прямых конкретно-пространственных значений постпозитива *out* и префикса *вы-*, реализуемых в структуре фразового и приставочного глаголов, определяются изоморфные и алломорфные черты в организации их пространственной семантики; намечаются основные направления развития переносной семантики рассматриваемых единиц.

Ключевые слова: постпозитивный компонент/постпозитив, приставка/префикс, фразовый глагол, приставочный/префиксный глагол, семантическая структура.

1. Вводные замечания. Среди основных проблем, касающихся изучения семантики языковых единиц, в том числе и производных, выделяются, главным образом, их многоплановость и плотное переплетение языковых значений разных типов. Наряду с лексическими и грамматическими значениями большинство лингвистов выделяют еще и словообразовательные (деривационные) значения. Хотя среди дериватологов еще не существует единой точки зрения относительно интерпретации последнего типа значения, главные его признаки в наиболее общем виде уже определены. В этом исследовании мы, вслед за Е. С. Кубряковой, рассматриваем словообразовательные значения как «обобщенные (типовые категориальные значения), имеющие специальное выражение, но не являющиеся обязательными» [1, с. 357]. Словообразовательные значения, по ее мнению, не столько выделяют самостоятельные значения, сколько подчеркивают связь одних понятий с другими [1].

Деривационное значение в аффиксальном словообразовании является неотделимым от аффикса (форманта). Хотя это значение и является в целом результатом взаимодействия семантики исходной основы и общего значения аффикса, носителем его выступает только аффикс [2, с. 13].

Словообразовательное значение не является элементарным значением. В нем более или менее четко можно выделить следующие три компонента:

- 1) категориальное значение производных единиц, то есть значение части речи или семантического класса, к которым производная единица относится;
- 2) указание на характер связи понятия, обозначаемого дериватом, с понятием, выражаемым исходной основой (реляционный компонент);
- 3) обобщенное значение исходных основ [2, с. 14].

В глагольной таксономии синтетических языков, в частности, русского языка, носителем словообразовательного значения глагола часто выступает приставка. Кроме своей формообразующей роли, т.е. участия в образовании видовой оппозиции русского глагола, формировании его совершенного вида, ср.: *есть – съест*, приставки русского языка могут выполнять и словообразующую функцию – присоединяясь к глагольной основе, могут модифицировать ее значение в направлении пространственной

ориентации действия, ср.: *ходить* – *выходить*, результативности, исчерпанности действия, ср.: *есть* – *выест* и т.п. [3].

Существование у глагольных приставок самостоятельного (словообразовательного) значения может быть доказано благодаря следующему набору факторов:

– наличие у глаголов с одной приставкой разных значений при одной производящей основе, ср.: *выстроить* 1) ‘построить, возвести (напр., дом)’; 2) ‘мысленно создать (напр., планы)’; 3) ‘организовать (напр., тактику, систему)’;

– возможности образования от одной основы глаголов с разными приставками и, соответственно, разными значениями, ср.: *делать* → *подделать*, *переделать*, *заделать*, *выделать* и т.д.;

– возможности окказионального образования приставочных глаголов по продуктивной модели «префикс с определенным значением + производящая основа», которая может приобретать более конкретные формы выражения, напр.: «префикс *под-* + глагол движения → префиксный глагол со значением приближения», ср.: *подойти*, *подбрести*, *подмаршировать*;

– возможности использования приставок в качестве текстообразующего элемента (см. ниже фрагмент из стихотворения В. Ходасевича, который можно использовать в качестве эпиграфа для всех без исключения исследований по глагольной префиксации русского языка – *Перешагни, перескачи, / Перелети, пере- что хочешь...*) [4].

Интересной в отношении семантики глагольных приставок является точка зрения И. Г. Милославского о том, что значение префикса, может представлять собой: 1) простую разность значений производного глагола и его исходной основы; 2) значение, дублирующее или интенсифицирующее семантику беспрефиксного глагола; 3) новое дополнительное значение, отсутствующее в других компонентах производного слова [5].

В английском языке, который по своей морфологической структуре относится к аналитическим языкам, функцию словообразовательных формантов, подобных префиксам, могут выполнять так называемые «постпозитивные компоненты» («постпозитивы») [6], вторые компоненты глагольных комплексов, получивших в научной литературе название «фразовые глаголы» (ФГ). Сложные по форме, они образуются от монологических глаголов с помощью особых послеглагольных компонентов, имеющих комплексную наречно-предложную природу [7, с. 10], и могут иметь как прямые (пространственные), напр.: *to get out* ‘выходить’, так и переносные значения, ср.: *to count out* ‘исключать (из совместной деятельности)».

Несмотря на существование разных точек зрения на определение постпозитивного компонента (его также называют «адвербиальным послелогом» [8, 9], «наречной частицей» [10], «постпозитивной частицей/префиксом» [11]), большинство ученых, занимавшихся данной проблемой, сходятся в одном: в английском языке второй компонент рассматриваемых сочетаний используется как основное средство внутреннего глагольного словообразования в противоположность другим индоевропейским языкам, которые в таком случае используют префиксацию. В современном английском языке постпозитивные компоненты выполняют в значительной степени те же функции, что префиксы в русском и украинском языках и отделяемые приставки в немецком языке [7, с. 10-11].

В парадигме современных исследований английских фразовых глаголов особое внимание уделяется следующим аспектам их изучения: семантическим и деривационным особенностям фразовых глаголов с определенными постпозитивными

компонентами [7, 12, 13]; семантике постпозитивного компонента в структуре фразового глагола [14], лексико-семантическим и функциональным особенностям взаимодействия компонентов фразовых глаголов [15]; роли постпозитивов и префиксов в формировании первичных (пространственных) и вторичных (отпространственных) значений английских фразовых и русских приставочных глаголов [16–19].

Несмотря на разную структурную соотнесенность постпозитивов и префиксов с их исходными глагольными основами (ср. раздельнооформленность английского фразового глагола, расположение постпозитива в постпозиции к исходному монолексемному глаголу и неразрывное препозиционное примыкание к глагольной основе русской приставки), данные словообразовательные элементы сближаются в своей деривационной и семантической направленности. Это обусловлено следующими факторами:

- 1) происхождением английских постпозитивов от древнеанглийских префиксов, которые ушли в постпозицию к глаголу в ходе анализа английского языка;
- 2) их сходной природой (приставки имеют предложную природу, а постпозитивы – комплексную наречно-предложную);
- 3) вытекающей из первых двух пунктов возможностью постпозитивов и префиксов модифицировать глагольную основу дополнительными адвербиальными, квалификативными и аспектуальными характеристиками.

Эта работа представляет собой фрагмент исследования, посвященного изучению изоморфных и алломорфных признаков в словообразовательной и семантической системах английских фразовых и русских приставочных глаголов (ПГ) на материале оппозиционных пар рассматриваемых глагольных единиц, имеющих первичные пространственные значения «внутри» и «наружу», а именно, фразовых глаголов с компонентами *in* и *out* и русских глаголов с приставками *-в* и *-вы*.

В данном исследовании предполагается решить следующие задачи: выявить и описать семантические корреляции между значениями постпозитивных компонентов в английском языке и приставок в русском языке, определить механизм формирования семантической структуры рассматриваемых элементов, объяснить и проиллюстрировать роль данных формантов в образовании семантической парадигмы рассматриваемых глагольных единиц; выявить сходные и отличительные черты в семантической организации постпозитивов и префиксов, а также фразовых и приставочных глаголов, в состав которых они входят.

В качестве материала для этой статьи были отобраны объединенные первичным пространственным значением «наружу» постпозитивный компонент *out* и приставка *вы-* в английском и русском языках соответственно. Выбор этих единиц в качестве эмпирического материала исследования обусловлен, в частности, их высокой деривационной и речевой продуктивностью в сопоставляемых языках.

Для исследования семантической организации указанных единиц особый интерес представляет работа «Семантическая структура постпозитивного компонента *up* в составе фразовых глаголов» А. С. Джанумова [20], идеи которого о закономерном метафорическом характере образования семантики фразовых глаголов и об организации значений постпозитива *up* по принципу теории радиально-цепочечной полисемии Ю. Д. Апресяна нашли свое отражение и в этой работе.

2. Пространственная семантика английского постпозитива *out* и русского префикса *вы-* в составе английских фразовых и русских приставочных глаголов. Рассматриваемые в данной статье постпозитив и префикс, в силу объединения их семантических структур прототипическим пространственным значением «наружу», проявляют следующий семантический изоморфизм – парадигма их значений

формируется в направлении спецификации первичного значения для прямых значений данных единиц и метафорического переосмысления первичного значения для их переносных значений. При этом отнесенность сопоставляемых единиц к языкам разных структурных типов, определенные различия в природе и категориальном статусе исследуемых постпозитива и префикса обуславливают наличие в их семантических системах и алломорфных характеристик, которые, наряду с представленными выше в наиболее общем виде изоморфными свойствами, будут рассмотрены ниже.

Структура данной работы, в силу ее ограниченного объема, предполагает одновременное описание семантических систем анализируемых постпозитива *out* и приставки *вы-*, а также особенностей их функционирования в составе английских фразовых и русских приставочных глаголов с параллельным представлением сходных и отличительных характеристик исследуемых единиц. Детальному анализу в данной статье подвергается пространственная семантика обозначенных единиц. Что же касается переносных значений исследуемых фразовых и приставочных глаголов, а также переносной семантики постпозитива *out* и префикса *вы-* в их составе, то в рамках этой работы будут сформулированы лишь основные идеи и наблюдения, которые планируется подробно рассмотреть в последующих работах.

2.1. Анализ семантической структуры словообразовательных формантов *out* и *вы-* в соответствующих ФГ английского языка и ПГ русского языка позволяет выделить в их составе определенный набор совпадающих и отличающихся пространственных значений.

2.1.1 Базовым прямым значением постпозитива *out* является значение ‘за пределами объекта локативной семантики’, в котором он может сочетаться с локативными глаголами, обозначающими собственно нахождение в пространстве типа *to be* ‘быть, находиться (где-либо)’, *to stay* ‘оставаться, пребывать (где-либо)’ или каузацию нахождения в пространстве типа *to keep* ‘держат, хранить (что-либо где-либо)’, и образовывать с ними фразовые глаголы, относящиеся к разряду собственно локативных, напр.: *to stay out* ‘отсутствовать, задерживаться; не возвращаться (домой)’ или каузативных локативных глаголов, напр.: *to keep out* ‘держат снаружи, не впускать (кого-либо/что-либо куда-либо)’.

В значениях представленных выше фразовых глаголов наречная природа постпозитива преобладает над предложной, в связи с чем объект локативной семантики имплицитно контекстом, а не выражается эксплицитно, а переходность или непереходность рассматриваемых ФГ определяется переходностью/непереходностью их исходных глаголов (ср.: *to stay* – непереходный глагол, *to keep* – переходный). Ср. также текстовые примеры ниже.

(1) *She stays out late at nights* [21, с. 730] ‘Она задерживается допоздна по вечерам’.

(2) *Shut the door to keep the wind out* [21, с. 730] ‘Закрой дверь, чтобы не задувал ветер (досл. ‘чтобы держать ветер снаружи, не впускать его’)’.

В семантической структуре приставки *вы-* данное значение обнаружено не было в связи с тем, что русские приставки, в отличие от английских постпозитивов, имеющих возможность проявлять чисто наречное значение, таким свойством не обладают.

2.1.2 Статичное локативное значение постпозитива *out* ‘за пределами объекта локативной семантики’ трансформируется в динамичное значение ‘за пределы объекта локативной семантики’ в случае присоединения *out* к глаголам, обозначающим перемещение в пространстве типа *to go* ‘идти’, *to fly* ‘лететь’, *to crawl* ‘ползти’ и т.п., а общее значение фразовых глаголов с *out* (ФГ-*out*), образованных в результате такого

семантического взаимодействия моноксемного исходного глагола (ИГ) и постпозитива, может быть сформулировано как ‘перемещаться за пределы объекта локативной семантики’, напр.: *to run out* ‘выбегать’, *to creep out* ‘выползть’ и др. Как видно из переводческих соответствий, представленных ФГ, префикс *вы-* в сочетании с глагольными основами с семантикой движения также образует приставочные глаголы движения, имеющие с указанными ФГ-*out* совпадающее общее значение перемещения за пределы объекта локативной семантики. В составе таких приставочных глаголов префикс *вы-* аналогичным с постпозитивом *out* образом выражает динамичное локативное значение ‘за пределы объекта локативной семантики’.

Следует отметить, что набор подобного рода фразовых глаголов с постпозитивом *out* может быть логически расширен за счет функционирования в данном случае достаточно продуктивной словообразовательной модели «ИГ перемещения + постпозитив *out* со значением ‘за пределы объекта локативной семантики’ → ФГ-*out* со значением ‘перемещение за пределы объекта локативной семантики способом, обозначаемым ИГ’», ср. также *to drive out* ‘выезжать на автомобиле’ ← *to drive* ‘ехать, перемещаться на автомобиле’, *to stalk out* ‘незаметно, крадучись выходить из какого-либо места’ ← *to stalk* ‘идти крадучись, подкрадываться’. В системе сопоставляемых с данными ФГ глаголов с приставкой *вы-* эта тенденция также наблюдается, но является менее ярко выраженной, что обусловлено синтетизмом русского языка – английский язык в силу своей аналитической природы дает больше возможностей постпозитиву сочетаться с неограниченным количеством моноксемных глаголов узкой семантики, в том числе и глаголов движения. Это видно, в частности, при рассмотрении упомянутых выше ФГ *to drive out* ‘выезжать на автомобиле’ и *to stalk out* ‘незаметно, крадучись выходить из какого-либо места’, которые переводятся на русский язык глагольно-адвербиальными фразами, основанными на глаголах с приставкой *вы-*, имеющих более широкие, чем их английские эквиваленты, значения (ср. ‘выезжать...’, ‘выходить...’).

Перечисленные выше ФГ-*out* являются непереходными глаголами. В случае необходимости эксплицировать локативный объект, из которого осуществляется перемещение, добавляются предложно-субстантивные фразы типа *of the room (house, building, town, country, etc.)* ‘из комнаты (дома, здания, города, страны и т.д.)’, в которых эти объекты могут быть объединены гиперо-гипонимическими отношениями (ср. комната – дом, город – страна).

(3) *He dashed out (of the room) without saying a word* [22] ‘Он **выскочил** (бросился вон из комнаты), не сказав ни слова’.

(4) *Residents crowded out (of the town under siege)* [22] ‘Местные жители толпами покидали охваченный войной город (досл. ‘город в осаде’)’.

Как и английские ФГ-*out*, русские глаголы, образованные с помощью приставки *вы-*, также относятся к разряду непереходных глаголов, но они в большей степени, чем их английские соответствия, требуют экспликации локативного объекта, за пределы которого осуществляется перемещение, предположительно, по причине предложной природы префиксов в русском языке.

При образовании ФГ-*out* со значением перемещения за пределы объекта локативной семантики в качестве их деривационной базы (т.е. исходных глаголов) могут использоваться не только глаголы перемещения, как в указанных выше примерах, но и глаголы, относящиеся к другим семантическим типам. Это могут быть глаголы, обозначающие физическое воздействие на предмет или лицо типа *to wring* ‘скручивать, сжимать’, *to knock* ‘бить, ударять’, и тогда ФГ-*out*, образованные от них, приобретают общее толкование ‘перемещать за пределы объекта локативной семантики’.

(предмет или субстанцию) способом, обозначенным ИГ', напр.: *to wring out* 'выжимать (напр., воду из ткани и т.п.)' ← *to wring* 'скручивать, сжимать'; *to knock out* 'выбивать (напр., пыль из ковра)' ← *to knock* 'бить, ударять'. В отличие от представленных ранее в рамках этой группы непереходных ФГ-*out* типа *to go out* 'выходить, выезжать', *to rush out* 'выбегать', обозначающих собственно перемещение за пределы локативных объектов, данные ФГ относятся к разряду переходных глаголов и выражают каузацию перемещения (предмета или субстанции) за пределы локативного объекта.

(5) "Could you *squeeze out a little more toothpaste?*" [22] "Можешь **выдавить еще немного зубной пасты?**"

В системе префиксных глаголов с *вы-* наблюдается аналогичная тенденция. Она также ярко выражена в русском, как и в английском языке (см., в частности, перевод соответствующих ФГ-*out*), в силу деривационной прозрачности проиллюстрированной выше словообразовательной модели, которая характерна и для приставочных глаголов с *вы-*, а также благодаря примерно равному в обоих языках количеству бесприставочных глаголов, обозначающих физическое воздействие на лицо или предмет.

В качестве исходных глаголов / исходных основ для фразовых глаголов с *out* и приставочных глаголов с *вы-*, имеющих общее значение 'перемещать (предмет или субстанцию) за пределы объекта локативной семантики', могут также выступать каузативные и посессивные глаголы (ср.: *to let* 'позволять' → *to let out* 'выпускать (кого-либо)', *to take* 'брать' → *to take out* 'вынимать (что-либо)'). В таких случаях идея пространственности выражается исключительно постпозитивом / префиксом, а исходные глаголы выражают иные, не пространственные, смыслы, например, значение каузации, ср.:

(6) *She opened the cage and let the bird out* [22] 'Она открыла клетку и **выпустила птицу**' (т.е. досл. 'позволила (птице) переместиться за пределы клетки как локативного объекта').

2.1.3 Локативный объект, за пределы которого осуществляется движение в описанных ранее ФГ-*out* (см. 2.1.2), может модифицироваться и означать 'целое', из которого осуществляется движение 'части', напр.: *to feel out* 'выпускать щупальца (о животном)', *to flick out* 'быстро вытаскивать (напр., язык (о ящерице))'. Субъектная и/или объектная валентность данных ФГ, как видно из примеров, ограничена наименованиями животных и частей их тела.

(7) *This species of Pacific jellyfishes usually feel out their tentacles in case of danger* [22] 'Представители этого вида тихоокеанских медуз обычно **выпускают щупальца** в момент опасности'.

(8) *The snake's tongue flicked in and out* [22] 'Змея очень быстрыми движениями **вытаскивала свой язык** и прятала его обратно (досл. 'Язык змеи быстро вытаскивался...').

Данное значение постпозитива не является продуктивным в семантике ФГ-*out*, ограничиваясь несколькими, в том числе указанными выше, словоупотреблениями.

В семантической и синтаксической реализации приставочных глаголов, проявляющих в своей семантике аналогичное значение префикса *вы-*, а также в степени их продуктивности прослеживается изоморфизм с соответствующими ФГ, ср. также рус.: *выбрасывать* (чернила (напр., о каракатице)), *высовывать* (язык и т.п.), *выпучивать* (глаза).

2.1.4 Локативный объект в семантике постпозитива *out* может трансформироваться в объект, обозначающий предмет (напр., доска, кусок ткани и т.п.)

или субстанцию (напр., земля, фруктовый сок и т.п.), когда анализу подвергаются фразовые глаголы с *out* типа *to cut out* ‘вырезать’, *to screw out* ‘выкручивать (напр., пробку из бутылки)’. Для таких ФГ-*out* характерно наличие двойной объектной валентности – один объект выражается эксплицитно и часто обозначает часть того предмета, который подвергается воздействию, а второй объект, т.е. тот, из которого осуществляется перемещение наружу, часто является ‘целым’ по отношению к этой ‘извлекаемой части’, не вербализуется, а имплицитруется контекстом.

(9) *Slice the avocado in half and cut out the stone* [23, p. 116] ‘Разрежьте авокадо пополам и **выньте косточку**’.

При возникновении необходимости в экспликации второго объекта, постпозитивный компонент превращается в комплексный предлог *out of* ‘из’, ср.:

(10) *Slice the avocado in half and cut the stone out of it* [23, p. 116] ‘Разрежьте авокадо пополам и **выньте из него косточку**’.

Следует отметить, что такое перемещение ‘части’ за пределы ‘целого’ сопровождается разрывом посессивных отношений между ними.

Деривационную базу данных ФГ-*out* составляют глаголы физического воздействия (см. *to cut* ‘резать (что-либо)’, *to twist* ‘крутить (что-либо)’), которые обычно обозначают способ перемещения за пределы предметного объекта/субстанции.

Представленные выше семантические и деривационные особенности ФГ-*out* и входящего в их состав постпозитива *out* находят свое отражение и в семантике ПГ с приставкой *вы-*, ср. указанные выше рус. *вынимать*, *вырезать*, *выкручивать*, также с *высверливать*, *выскабливать*, *вывязывать* и т.п.

Что же касается текстовой реализации рассматриваемых русских ПГ, то, в силу преобладания в семантике русских приставок предложной природы, они в большей степени, чем английские ФГ-*out*, нуждаются в экспликации второго (предметного) объекта, за пределы которого осуществляется перемещение. Эта экспликация обычно выражается посредством предложно-субстантивной или предложно-местоименной фразы с предлогом *из*, ср.:

(11) *Кому приходилось **высверливать** круг из какой-нибудь древесно-волокнутой плиты, тот знает, какое это веселое занятие, какой при этом аромат и как горит сверло* [24].

2.1.5 Еще одним значением постпозитива *out*, семантически производным от предыдущего значения ‘за пределы объекта предметной семантики/субстанции’, является значение ‘за пределы группы предметов, лиц или символов одинаковой или сходной семантики’, в котором постпозитив *out* образует с исходными глаголами непереходные ФГ типа *to fall out* 1) ‘выпадать (о волосах, зубах)’, 2) ‘выходить из строя (о солдатах), расходиться (о людях)’ (Ср. также: “**Fall out!**” [22] “Разойдись!”) и переходные ФГ-*out* типа *to edit out* ‘вычеркивать (напр., слова, знаки препинания) при редактировании’, *to cull out* ‘отбраковывать (предметы, товары)’.

В семантической структуре приставки *вы-* данное значение также представлено, однако является менее продуктивным по сравнению с постпозитивом *out*, ср.: *вырываться* (напр., из потока машин), *вылавливать* (разг.) (напр., человека из толпы), а также см. переводы ФГ выше. Интересным наблюдением здесь является то, что наравне с ПГ с префиксом *вы-*, английским ФГ-*out* в рамках данной семантической группы могут соответствовать глаголы с другими приставками, ср.: *отбраковывать*, *отделять*, *расходиться*, *разбегаться*.

2.2. Развитие у постпозитива *out* и приставки *вы-* парадигмы переносных значений осуществляется по пути переосмысления общего для обоих

словообразовательных формантов первичного пространственного значения ‘за пределы объекта локативной семантики’ (см. 2.1.2) или производного от него прямого значения ‘за пределы объекта предметной семантики’ (см. 2.1.4). Данные физические характеристики могут трансформироваться в абстрактные *релятивные* (значение *out* и *вы-* ‘за пределы межперсонального взаимодействия’, ср.: англ.: *to force out* ‘вынуждать выходить в отставку’, рус.: *выдворять* (напр., из армии, университета и т.п.), *кваликативные* (значение *out* и *вы-* ‘за пределы формы, нормы, свойства, качества’, ср.: англ.: *to draw out* ‘затягиваться (напр., о речи, представлении и т. п.), рус.: *вытанцовывать*), *посессивные* (общее для *out* и *вы-* значение ‘за пределы владения’, реализуемое в глаголах типа (англ.) *to fork out* (австр. сленг) ‘неохотно платить, выкладывать деньги’, (рус.) *выделять* (материальные средства), *выплачивать* (зарплату, долг)) и другие переносные значения, которые будут детально рассмотрены на предмет изоморфизма и алломорфизма в семантической структуре постпозитива *out* и приставки *вы-* в следующей статье.

3. Выводы. Исследование пространственной семантики рассматриваемых постпозитива и префикса в комплексной лексеме английского фразового и русского приставочного глаголов позволяет сделать определенные выводы и обобщения.

3.1. В процессе формирования прямой семантики постпозитива *out* и префикса *вы-* и отражении ее в семантической структуре соответствующих фразовых и приставочных глаголов данные компоненты проявляют значительный изоморфизм, который заключается в наличии в их составе четырех из пяти аналогичных значений (см. 2.1.2 – 2.1.5).

3.2. Производность этих общих значений, их выводимость друг из друга может быть представлена в виде следующих пар значений, состоящих из семантически исходного и семантически выводимого значений: ‘за пределы объекта локативной семантики’ → ‘за пределы локативного объекта-целого (для части)’; ‘за пределы объекта локативной семантики’ → ‘за пределы объекта предметной семантики / субстанции’; ‘за пределы объекта предметной семантики / субстанции’ → ‘за пределы группы предметов, лиц или символов одинаковой или сходной семантики’.

3.3. Алломорфизм в системе исследуемых единиц проявляется в наличии одного статичного локативного значения ‘за пределами объекта локативной семантики’, характерного только для ФГ-*out* в силу специфичности их деривационной базы (см. 2.1.1), а также в некоторых отличиях в особенностях синтаксического функционирования данных единиц (ср. большую необходимость для приставочных глаголов эксплицитно обозначить объект, за пределы которого осуществляется перемещение, в силу предложной природы русских префиксов, см. также 2.1.2 и 2.1.4).

3.4. Было установлено, что развитие прямой семантики анализируемых постпозитивов и префиксов в переносную осуществляется по пути метафоризации конкретно-пространственных значений, их трансформации в абстрактные релятивные, посессивные, кваликативные и др. характеристики (см. 2.2). Более детальное изучение парадигмы переносных значений рассматриваемых единиц представляет перспективу исследования в следующей статье.

3.5. Анализ семантических и деривационных особенностей постпозитивов и префиксов в составе английских фразовых и русских приставочных глаголов, осуществленный на конкретном эмпирическом материале, несмотря на существование определенных частных отличий, дает основания говорить о сходстве словообразовательного статуса английских постпозитивов и русских префиксов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кубрякова Е. С. Словообразование / Е. С. Кубрякова // Общее языкознание. Внутренняя структура языка: [сб. науч. тр.]. – М., 1972. – С. 344-393.
2. Англицкас В. О компонентах словообразовательного значения и их соотношениях в дериватах различных типов и частей речи / В. Англицкас // Kalbotyra языкознание. Вопросы синтаксиса и семантики романо-герм. языков: [сб. науч. тр.]. – Вильнюс: Moksas, 1987. – С. 13-23.
3. Кораблева Л. Ю. Роль приставок в образовании видовой оппозиции [Электронный ресурс] / Л. Ю. Кораблева. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-pristavok-v-obrazovanii-vidovoy-oppozitsii> (дата обращения: 30.10.2017).
4. Новиков А. Н. О некоторых дискуссионных вопросах глагольной префиксации (применительно к приставке *под-*) [Электронный ресурс] / А. Н. Новиков. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-diskussionnyh-voprosah-glagnolnoy-prefiksatsii-primenitelno-k-pristavke-pod> (дата обращения: 30.10.2017).
5. Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза / И. Г. Милославский. – М., 1980. – 296 с.
6. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 208 с.
7. Воробьева О. С. Семантика английских фразовых глаголов с компонентами *on* и *off* / О. С. Воробьева. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южн. фед. ун-та, 2017. – 247 с.
8. Аничков И. Е. Адвербиальные послелого в современном английском языке / И. Е. Аничков // Уч. зап. Пятигорского гос. пед. ин-та. Вопросы германской и романской филологии: [сб. науч. тр.]. – Пятигорск, 1961. – Т. 24. – С. 221-253.
9. Керлин А. А., Кузнец М. Д. Составные глаголы в современном английском языке / А. А. Керлин, М. Д. Кузнец. – Л.: Учпедгиз, 1959. – 129 с.
10. Зильберман Л. И. Семантика наречной частицы *up* в составе глагольных образований типа *to stand up* / Л. И. Зильберман // Романо-германская филология: [сб. науч. ст.]. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – Вып. 2. – С. 110-131.
11. Жлуктенко Ю. А. О так называемых «сложных глаголах» типа *stand up* в современном английском языке / Ю. А. Жлуктенко // Вопросы языкознания: [науч. журнал]. – М., 1954. – № 5. – С. 105-113.
12. Палій (Воробйова) О. С. Дієслова з постпозитивними компонентами *on* і *off* в сучасній англійській мові: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 – германські мови / О. С. Палій (Воробйова). – Донецьк, 2008. – 212 с.
13. Кузнецова А. С. Глаголы с адвербиальным послелогом *up* в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / А. С. Кузнецова. – Донецк, 1998 – 198 с.
14. Воробьева О. С. Семантика постпозитивного компонента в системе английских фразовых глаголов / О. С. Воробьева // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий: [сб. статей XIV-го Международного лингвистического семинара]. – Пятигорск, 2016. – С. 35-41.
15. Ніколенко А. Г. Лексико-семантичні та функціональні особливості взаємодії компонентів фразових дієслів сучасної англійської мови: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 – германські мови / А. Г. Ніколенко. – Київ, 1999. – 21 с.
16. Трубникова Е. В. Пространственная семантика английских фразовых и русских приставочных глаголов: сопоставительный аспект [Электронный ресурс] / Е. В. Трубникова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/prostranstvennaya-semantika-angliyskih-frazovyh-i-russkih-pristavochnyh-glagolov-sopostavitelnyy-aspekt> (дата обращения: 31.10.2017).
17. Авдевич Н. В. Особенности лексической многозначности английского фразового глагола [Электронный ресурс] / Н. В. Авдевич. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-leksicheskoy-mnogoznachnosti-angliyskogo-frazovogo-glagona> (дата обращения: 31.10.2017).
18. Воробьева О. С. Семантика английских фразовых и русских приставочных глаголов: сопоставительный аспект / О. С. Воробьева // Расширяя границы лингвистики: [сб. науч. тр., посвященный 70-летию д-ра филол. наук, проф. В. Д. Калиушенко]. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южн. фед. ун-та, 2016. – С. 97-108.
19. Воробьева О. С. Семантика английских фразовых и русских приставочных глаголов с первичным пространственным значением «внутри» / О. С. Воробьева // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: [науч. журнал]. – Донецк, 2016. – Т. 13. – Вып. 1-2 (35-36). – С. 129-140.

20. Джанумов А. С. Семантическая структура постпозитивного компонента *up* в составе фразовых глаголов / А. С. Джанумов // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация: [науч. журнал]. – М., 2007. – № 1. – С. 30-36.

21. Longman Dictionary of Contemporary English: Словарь современного английского языка в 2-х томах. – М.: Рус. яз., 1992. – 1229 с.

22. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/bnc> (дата обращения: 30.06.2017).

23. Longman Dictionary of Phrasal Verbs. – Longman: Pearson Education Limited, 2000. – 608 p.

24. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 10.07.2017).

Поступила в редакцию 21.08.2017 г.

SPATIAL SEMANTICS OF THE ENGLISH POSTPOSITIVE *OUT* AND THE RUSSIAN PREFIX *ВЫ-*

O. S. Vorobyova

The paper focuses on the contrastive semantic study of English postpositives and Russian prefixes within English phrasal and Russian prefixal verbs. Semantic structure of the given language units is analyzed on the basis of the English postpositive **out** and the Russian prefix **вы-**, joined by the primary spatial meaning “outside”. The paradigm of direct spatial meanings of the word-building elements **out** and **вы-**, which are incorporated in the semantics of the corresponding phrasal and prefixal verbs, is established and described. Isomorphic and allomorphic features of their spatial semantic organization are revealed. Basic directions in the development of the figurative semantics expressed by the units under consideration are determined.

Key words: postpositive component / postpositive, prefix, phrasal verb, prefixal verb, semantic structure.

Воробьёва Оксана Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк.

E-mail: vorobyovaoksana27@gmail.com

Vorobyova Oksana Sergeevna

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National University.

E-mail: vorobyovaoksana27@gmail.com

УДК 82

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБРАЗА ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНИЦЫ
В РОМАНЕ И.Н. ПОЛЯНСКОЙ «ПРОХОЖДЕНИЕ ТЕНИ»: ПРОБЛЕМА
ФАКТИЧЕСКОЙ И НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ДОСТОВЕРНОСТИ**

© 2017. *Н. Е. Гурина*

*ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
в г. Михайловке Волгоградской области*

В статье проанализировано автобиографическое начало в романе И. Н. Полянской «Прохождение тени», рассмотрена событийная основа романа, которая во многом сопоставима с биографией самой писательницы.

Ключевые слова: автобиографическая проза, сюжет, образ повествовательницы, автор.

В художественном мире анализируемого произведения отмечаются две сюжетные линии, в которых отражены важные периоды жизни повествовательницы, от чьего «первого лица» ведется рассказ. «Студенческая» линия воспроизводит процесс «воспитания чувств», реконструируемый автором (в годы юности И.Н. Полянская училась в музыкальном училище города Орджоникидзе и была куратором в группе слепых однокурсников). Позднее она вспоминала: «Как-то раз я <...> решила рассказать слепым про звездное небо <...>. Мы взобрались на крышу, и вот там, на крыше нашего музучилища, я провела одну из самых удивительных лекций в своей жизни <...>. Спустя много лет эта история <...> и явилась тем самым зерном, из которого проклюнулась идея романа «Прохождение тени» [Полянская, Черняева, 2002: 244]. Вторая сюжетная линия романа – история, «случившаяся в этом немилосердном веке с членами <...> семьи, в чьих судьбах — каждой по-своему — воплотились трагические черты времени» [Там же], семьи самой писательницы, ее родителей и близких. Она повествует о драматических обстоятельствах детства главной героини, которая родилась в одной из сталинских «шарашек» и провела там первые шесть лет своей жизни, как и сама И.Н. Полянская, вспоминая: «Хотя в свидетельстве о рождении у меня и значилось: «г. Касли», родилась я в той самой «шарашке», где появилась на свет и атомная бомба. В молодости я любила повторять, что мы с ней, бомбой, родились в одном месте и являемся почти ровесницами» [Там же]. Не случайно героиня романа не наделена именем, нет имен и у ее родителей: таким образом автор, как и во всяком автобиографическом повествовании, получает возможность «объективировать себя и свою жизнь художественно» [Бахтин, 1979: 132]. Однако героиня в романе И.Н. Полянской не воспринимается «совсем другой», поэтому дистанция между автором и героиней-повествовательницей, словно «припоминающей» о том, что хорошо знакомо, что не надо «именовать», предельно сокращается.

Следует принять к сведению замечание М.М. Бахтина о том, что авторская активность, создающая «целое героя» <...> движется по существенным границам его; все воспринимается как момент характеристики героя, несет характерологическую функцию, все сводится и служит ответу на вопрос: кто он» [Бахтин, 1979: 160]. Ответ на этот вопрос формируют, прежде всего, сведения о семье, месте рождения, которые позволяют прийти к выводу, что в литературной биографии героини и автора

«Прохождения тени» много «точек соприкосновения». Родилась повествовательница, как и И.Н. Полянская, на Урале в семье репрессированного научного работника в закрытом сталинском лагере для ученых, работавших над атомным проектом; по окончании школы обучалась в музыкальном училище одного из городов Кавказа. Талантливая, увлекающаяся натура, И.Н. Полянская прожила жизнь, насыщенную событиями: помимо обычной средней, училась в музыкальной школе по классу фортепиано, по окончании которой поступила в музыкальное училище города Орджоникидзе. Затем переехала в Ростов и поступила в театральное училище (1971–1975 гг.). Все это время И.Н. Полянская писала рассказы, которые публиковались в газете «Ростовский комсомолец»; сменила много профессий: работала концертмейстером, санитаркой в отделе травматологии, корреспондентом в газете, литконсультантом в журналах. Все это отзывается в литературной биографии ее повествовательницы, в одном из эпизодов рассматривающей свои документы, которых «на руках скопилось множество <...>, свидетельство об окончании музыкальной школы, а мою трудовую книжку не скучно почитать в электричке. Я люблю свои документы <...>. Из районной газеты я унесла удостоверение внештатного сотрудника <...>, из школы ученический билет, <...> из драмтеатра – справку участника массовки» [Полянская, 1999: 185].

Автобиографическая основа образа главной героини романа видится и в том, что ее здоровье от рождения подорвано вследствие неосторожного обращения отца-ученого с ураном: «от реакции отца с его жестоким временем сомнение выпало в осадок, который еще отложится в костях его детей, в сердцах его внуков» [Там же: 178]. Ей свойственно «чувство биологической, вечной, неостановимой, как деление урана-235, уже дошедшей до самих молекул усталости» [Там же: 289], что травмировало и саму писательницу. Близко знавшая ее Нина Горланова вспоминала: «Она оказалась моложе меня, но уже седая, сказала, что седая с семнадцати лет. Дело в том, что отец ее был репрессирован при советской власти, потом попал в шарашку, где облучился, у детей – последствия <...>. Но при этом Ира была очень красива! Голос бархатный, незабываемый. Со стороны было не видно, что у нее проблемы с позвоночником и суставами <...>. Ей приходилось ложиться на операции – суставы «подшивать» [Горланова, 2004]. Слабоездоровье не сказалось на «таланте человечности» (А. Макаров), дарованном И.Н. Полянской. Этим талантом обладает и главная героиня «Прохождения тени»: способная к состраданию, она становится для слепых музыкантов не просто поводырем, но и настоящим, заботливым другом. Особенного внимания заслуживают сведения творческого порядка: в сознании повествовательницы всплывают темы будущих произведений И.Н. Полянской, поднимая «Прохождение тени» на уровень своего рода творческой лаборатории. Несмотря на то, что событийная основа романа во многом сопоставима с биографией самой писательницы, воссозданный ею художественный мир приобретает характеристики, свойственные всей современной русской автобиографической прозе, где «оценка автобиографического текста по критерию истинности/ложности факультативна и не является больше жанрообразующим принципом»; главным становится своего рода «невербализуемая договоренность» между автором и читателем о том, чтобы «по умолчанию признать сугубо фикциональный мир текста равным биографической реальности» [Кучина, 2009: 33]. Однако «фикциональность» художественного мира «Прохождение тени» не препятствует реалистичности изображения.

События, связанные с обучением в музыкальном училище, и те, что возникают в памяти героини, размышляющей о доме, об отце с матерью, позволяют ей не только

лучше понять причины семейных неурядиц, увидев их глазами взрослого человека, но и прояснить немало «темных» пятен в прошлом нашего государства. Поэтому ключевое значение приобретает в романе слово «тень»: И.Н. Полянская – из тех художников, кто помогает выйти из «тени» стереотипов, устойчивых на протяжении десятилетий «мифов о русском народе и русской истории при свете досконального знания фактов, фактической истории, не затемненной туманом ложных обобщений» [Лихачев, 1990: 5]. В «Прохождении тени» события двадцатого века, связанные со стремительным строительством «нового» мира на месте «до основанья» разрушенного старого, характеризуются как величайшее «затмение», поглотившее безвозвратно многих наших соотечественников. Не случайно автор романа отсылает читателя к поэме Некрасова «Русские женщины» (1871–1872), к сцене Екатерины Трубецкой и губернатора, которую в довоенные дни родители героини разыгрывают в кругу своих друзей. «Когда стосуточная ночь повиснет над страной!..» <...> – произносил эти некрасовские слова с глубоким чувством отец, понимая, «что над страной нависла тыщесуточная ночь, и уже почувствовал, что ему едва ли суждено дожить до рассвета» [Полянская, 1999: 128].

Уместным видится замечание Л.Я. Гинзбург о том, что «цитаты, явные и скрытые, литературные, культурные, исторические реминисценции и аллюзии – это тоже нервные узлы, прикосновение к которым мгновенно вызывает ряды определенных значений» [Гинзбург, 1979: 43]. Выстраиваются эти ряды и в сознании героев И. Полянской, и в сознании ее читателей, осознающих значимость этического потенциала русской классики с присущим ей «уважительно-бережным отношением к живым человеческим душам, к тем феноменам национального бытия, которые обладают неоспоримой ценностью» [Хализев, 2005: 8]. Недаром роль, которую играла в этом спектакле мать повествовательницы, оказывается пророческой по отношению к ее судьбе, поскольку она становится первой «разрешенной» женой на «объекте»: «Мама, воздев руки, запевала на самых высоких гражданских нотах: «Нет! Я не жалкая раба, Я женщина, жена! Пускай горька моя судьба – Я буду ей верна!» [Полянская, 1999: 128].

Не исключено, что образ мамы, следовавшей за своим опальным мужем, воссоздается в романе И.Н. Полянской с оглядкой на публикации «перестроечных» лет, в частности, на двухтомную работу В.В. Вересаева «Спутники Пушкина» (1993), впервые изданную в 1937 году тиражом всего в «10 тысяч (!) экземпляров» и потому до недавнего времени «остающейся известной и доступной лишь немногим» [Агеносов, 1993: 5]. Дело в том, что Вересаев, характеризуя мотивы поведения Марии Волконской, «одной из первых, приехавших в Сибирь разделить участь мужей, сосланных в каторжную работу», утверждает: «душа ее была полна нелюбовью к близкому человеку, а благоговейным уважением к его подвигу и страданиям» [Вересаев, 1993: 286]. Стоит отметить, что мама повествовательницы, уезжая к отцу в лагерь, вынуждена расстаться с любимым человеком. Вера, мать Андрея, поведает об этом героине спустя много лет: «Какая это была любовь! – воскликнула Вера. – И вот ей пришлось уехать от Андрея, от родных, от меня – туда <...>. Это был ее долг, – печально проговорила Вера» [Полянская, 1999: 169].

В «реминисцентный» ряд романа И.Н. Полянской, по-видимому, входят и «Записки княгини М.Н. Волконской», хорошо знакомые читателям в годы, на которые пришлось взросление писательницы: «большое внимание уделяла советская историческая наука разработке декабристской тематики» [Рахматуллин, 1987: 10]. Решение о публикации «Записок М.Н. Волконской» было принято в начале XX столетия ее сыном, М.С. Волконским (кстати, знакомство с ним стало важнейшим

импульсом для Некрасова – создателя «Русских женщин»), которому было знакомо положение сына ссыльного декабриста, во многом созвучное детским впечатлениям самой И.Н. Полянской и ее героини в романе «Прохождение тени». В этом смысле надо отметить сближение данного произведения и с современной «лагерной» прозой: писательница стремится снять с отца тень клейма «враг народа» и отвести от себя и тысяч других пострадавших лицемерное «сын за отца не отвечает». Многие из правдивого рассказа М.Н. Волконской проецируются на судьбы героев романа Полянской. Это и твердое решение последовать за мужем в Сибирь, и упреки родителей (в «Записках» встречается: «Мой отец, этот герой войны 1812 года, с твердым и возвышенным характером, <...> нежно любил свою семью; он не мог вынести мысли о моем изгнании, мой отъезд представлялся ему чем-то ужасным» [Записки княгини М.Н. Волконской, 1975: 65]), и характер взаимоотношений супругов, раскрывающийся при первой встрече в неволе («Вид его кандалов так <...> растрогал меня, что я бросилась перед ним на колени и поцеловала его кандалы, а потом – его самого» [Там же: 65]). В романе И. Полянской не отец, а мать – бабушка Тамара – также не может смириться с решением дочери, уговаривая ее отказаться от поездки и препятствуя ей: «– Все-таки едешь? – спросила бабушка. – Да, – проронила мама. – Только знай, что это – навсегда. Больше ты сюда не вернешься! С этими словами бабушка открыла ящик буфета, в котором лежали документы всей семьи, и в мелкие ключья разорвала свидетельство о ее рождении» [Полянская, 1999: 173–174].

Героиню романа И.Н. Полянской тоже волнует «декабристская» тема, но иначе, чем родителей. В отце она сопрягается с неизбывным стремлением к свободе, в маме вызывает готовность повторить подвиг тех, кто «в кибитках, снегами» (Н. Коржавин) последовал за мужьями в Сибирь. Саму же повествовательницу, в детские годы потрясенную некрасовскими поэтическими строками, не «актерски», а в реальности «примеренными» родителями на себя, в большей мере волнует мысль о вечности русской классики, утверждающей главные жизненные ценности, не подлежащие забвению: мужество, честь, любовь к ближнему. Пожалуй, повествовательнице в романе И. Полянской близка позиция К. Бальмонта, сказавшего в свое время: Некрасов – «многослитный возглас боли и негодования, мы с детства узнаем через него, что есть тюрьмы и больницы, чердаки и подвалы, он до сих пор говорит нам, что вот в эту самую минуту, когда мы здесь дышим, есть люди, которые – задыхаются» [Бальмонт, 2010: 532]. Восстание на Сенатской площади для самой писательницы – тема важнейшая, она получает дальнейшее развитие в романе «Горизонт событий» (2002), где эпиграфом, подтверждающим преемственность темы, становятся слова из воспоминаний декабриста Н.И. Лорера.

В «Прохождении тени» героиня с грустью говорит о забытых судьбах многих поколений, о живших до революции, о поколении ее деда, о «времени передовых взглядов, процветавших под светом державных люстр» [Полянская, 1999: 102]. А еще о том, как носители этих взглядов были по-декабристски «далеки от народа», сгорая от «нетерпения» (Ю. Трифонов) улучшить мир и не слишком задумываясь над тем, как легко «взбунтовать» человека и как сложно сохранить его душу. Героиня пытается всмотреться в прошлое страны, движущейся навстречу «настоящему XX веку» (А. Ахматова): «В окнах мелькали тени людей, обедавших за большими столами, ласкавших детей <...>, обменивающихся своими передовыми взглядами и не обращавших внимания на волны сырой тьмы, наползающие на них с нижних кварталов, от реки, из хибар и полуподвалов, где проживал простой люд» [Полянская, 1999: 102]. Оттенок осуждения «отцов», за прекраснодушием фраз несумевших рассмотреть угрозу

реального крушения «старого мира», поглотившего «миллионы погибших задешево» (О. Мандельштам), сближает авторскую точку зрения в романе И. Полянской с позицией А. Ахматовой, в «Поэме без героя» (1965), только спустя десятилетия «возвращенной» читателям. Здесь «перед внутренним взором» автора «проходят образы прошлого, тени ее друзей, которых уже нет в живых», вызывая «сознание роковой обреченности окружающего <...> мира, ощущение близости социальной катастрофы» [Жирмунский, 1977: 342]. В романе И.Н. Полянской собственное прошлое тоже не мыслится без опыта семьи, судьба которой становится «составляющей» трагического опыта отечественной истории. Повествовательница не забывает о «тнях» своих предков, представляя подробную характеристику их дореволюционного отлаженного быта: «В большой комнате, многие годы служившей Багаевым столовой <...> сидел дед Ефим. Здесь когда-то собирались они все, было шумно, тесно, невероятно далеко от тех потрясающих событий, в которых ему суждено было участвовать, были Багаевы – и нет Багаевых, и сам он уже не Багаев, а лишенец – Бог знает что, исчезающие из мира» [Полянская, 1999: 104]. Не случайно исследователи, характеризуя автобиографическую прозу, замечают: «Используя опыт собственного взросления, создатели автобиографических повестей вышли далеко за рамки изображения индивидуальной судьбы. Их цель – не только рассказать о себе, но и восстановить характерные черты эпохи» [Савина, 2002: 87]. По мнению И.Н. Полянской, только нерушимая связь поколений дает личности чувство «самостоянья человека» (А.С. Пушкин). Не случайно и в ее прозе «большое значение приобретают вопросы, связанные с любовью, с семьей, с детьми» [Агеносов, 2005: 168], а наиболее важными эпизодами являются те, что связанные с родовой памятью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полянская И. Н. Литература – это послание: [беседа с писательницей И. Полянской, зап. Е. Черняева] / И. Н. Полянская // *Вопр. литературы*. – 2002. – № 1. – С. 243–260.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Полянская И. Н. Прохождение тени: Роман. Рассказы / И. Н. Полянская – М.: ВАГРИУС, 1999. – 446 с.
4. Горланова Н. В. Ира [Электронный ресурс] / Н. В. Горланова // *Филолог*. – 2004. – № 5. – URL : [http:// philology.pspu.ru](http://philology.pspu.ru)
5. Кучина Т. Г. Поэтика русской прозы конца XX – начала XXI в.: первоначальные повествовательные формы: автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.01.01 / Татьяна Геннадьевна Кучина. – М., 2009. – 42 с.
6. Лихачев Д. С. О национальном характере русских / Д.С. Лихачев // *Вопр. философии*. – 1990. – № 4. – С. 3–6.
7. Гинзбург Л. Я. О литературном герое / Л. Я. Гинзбург – Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1979. – 222 с.
8. Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики / В. Е. Хализев. – М.: Гнозис, 2005. – 432 с.
9. Агеносов В. В. Потаенная книга В. В. Вересаева / В. Агеносов // *Вересаев В.В. Спутники Пушкина: в 2 т.* – М.: Сов. писатель, 1993. – Т. 1. – С. 5–8.
10. Вересаев В. В. Спутники Пушкина: в 2 т. / В. В. Вересаев. – М.: Сов. спорт, 1993. – Т. 1. – 416 с.
11. Рахматуллин М. Сенатская площадь, 14 декабря 1825 года / М. Рахматуллин // *Встречи с историей: научно-популярные очерки*. – М.: Мол. гвардия, 1987. – С. 10–26.
12. Бальмонт К. Сквозь строй (Памяти Некрасова) / К. Бальмонт // *Собрание сочинений: в 7 т.* – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2010. – Т. 6. – С. 531–532.
13. Жирмунский В. М. Анна Ахматова и Александр Блок / В. М. Жирмунский // *Теория литературы. Поэтика. Стилистика*. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – С. 323–354.

14. Савина Л. Н. Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX в. (Л. Н. Толстой «Детство», С. Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Темы») / Л. Н. Савина. – Волгоград: Перемена, 2002. – 283 с.

Поступила в редакцию 30.03.2017 г.

AUTOBIOGRAPHICAL BASIS OF THE NARRATOR IMAGE IN THE NOVEL "PASSING SHADOWS" BY I. N. POLYANSKAYA: THE PROBLEM OF ACTUAL, MORAL AND PSYCHOLOGICAL CREDIBILITY

N.Ye. Gurina

The article analyzes autobiographical origins in the novel "Passing shadows" by I. N. Polyanskaya. The event-driven basis of the novel, which is largely comparable in many respects with the biography of the writer is investigated.

Key words: autobiographical prose, plot, image of the narrator, author.

Гурина Наталья Евгеньевна

Кандидат филологических наук, доцент.

Филиал ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» в г. Михайловке Волгоградской области.

E-mail: atepina@mail.ru

Gurina Natalia Yevgenievna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Branch of the "Volgograd state social-pedagogical University" in the city of Mikhailovka of Volgograd region.

E-mail: atepina@mail.ru

УДК 82-25

ПЕСЕННАЯ ПОЭТИКА М. МАТУСОВСКОГО: ОПЫТ ХАРАКТЕРИСТИКИ

© 2017. В.Ю. Даренский

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный аграрный университет», г. Луганск

В статье рассматривается специфика поэтики М. Матусовского, обусловившая восприятие его песен на уровне массового сознания и ценность его творчества как особого феномена в русской поэзии XX века. Показано, что основой его поэтики стала актуализация традиции «гармонической точности» и акцентировка взаимопроникновения человеческих судеб и пафос единой судьбы народа и всего человечества – как ответ на вызов невротического индивидуализма XX века. Этот аспект предлагается определить как «поэтику собеседничества».

Ключевые слова: М. Матусовский, «школа гармонической точности», поэтика собеседничества.

*Давай с тобою поменяем судьбою.
Махнём, не глядя, как на фронте говорят.
М. Матусовский
Важнее генетического кода
Донецкий код, таящийся во мне...
М. Матусовский*

Поэт-песенник Михаил Матусовский (1915, Луганск – 1990, Москва) в свое время был известен не только едва ли каждому взрослому человеку в СССР, но и всему культурному миру. В наше время он утратил «громкую» славу, перейдя в разряд традиционно почитаемых классиков. Но именно теперь стоит более пристально присмотреться к его поэтическому миру, чтобы за привычным очарованием его известных песен рассмотреть нечто не менее важное – ту особую поэтику, которая умела самыми простыми и общедоступными средствами точно передавать самые глубокие движения человеческой души. Но ведь это именно то, чего так не хватает – за крайне редкими исключениями – основной части современной поэзии, герметически замкнувшейся в самой себе в рамках ревностно конкурирующих между собой стилистических направлений и почти забывшей о массовом читателе.

Как удавалось М. Матусовскому соединять почти несоединимое – простоту с глубиной и утонченность с общепонятностью? Ведь как бы не относиться к его песням – можно быть и вполне равнодушным к ним – именно этого качества у них нельзя отнять. И именно этому у него всегда можно и нужно будет учиться поэтам во все времена – точнее, тем из них, для кого поэзия – это не «самовыражение», а нравственное служение своему народу. Такие поэты будут всегда, и поэтому М. Матусовский всегда будет актуален в качестве образца «общенародного» поэта. Не будучи этническим русским и не имея почвенно-крестьянского происхождения, он, тем не менее, сумел выразить нечто такое, что в ту эпоху объединяло всех, стал поэтом той России, которая тогда была. И это тоже само по себе – настоящий подвиг.

Целью статьи является анализ специфики поэтики М. Матусовского, обусловившей восприятие его песен на уровне массового сознания и его ценность как особого феномена в русской поэзии XX века.

В некрологе М. Матусовскому, опубликованном в газете «Известия» и подписанном самыми выдающимися деятелями тогдашней русской культуры (в том числе В.Г. Распутиным, Ч.Т. Айтматовым, А.Н. Пахмутовой и др.) главная ценность творческого мира поэта-песенника была точно определена как «светлое романтическое мироощущение, неподдельный лиризм» [7]. И оба эти качества уже сами по себе являются выдающимся достижением, настоящим *творческим подвигом* в условиях трагического XX века. Тем более эти качества ценны во второй половине XX века, когда «постмодерн» разрушал самые основания художественного видения мира, подменяя его бессмысленными нагромождениями деструктивного «бессознательного». В этих условиях «поэтика безыскусности», за которой, как мы постарались показать, стояло глубокое, «космическое» прозрение в особую сущность человеческой судьбы и законы человеческого мира, имеет особую ценность.

В настоящее время встречаются весьма тривиальные подходы к определению специфики его поэтики и мироощущения. Например, можно встретить такое определение: «О чём бы ни писал поэт, он пишет о любви – в самом широком смысле этого слова» [3, с. 14]. Но такое определение можно отнести ко многим поэтам и поэтому никакой особой специфики оно не фиксирует. Другие авторы акцентируют свое внимание на ключевых поэтических символах его песен. Например, как отмечает Т.А. Дьякова, «наиболее часто используемые дендросимволы – *акация, клен, сосна, осина*. А своеобразным лидером является *береза*» [3, с. 28]. Этот подход имеет свою ценность, поскольку во всех этих символах акцентирована символика человеческих отношений. Например, символ хрупкости человеческой жизни на войне – «осинки трепещут нагие», а символ юности и первой любви – акация в известных строчках их фильма «Дни Турбиных»:

*Белой акации гроздь душистые
Невозвратимы, как юность моя.*

В то же время, например, классический русский символ березы был заострен М. Матусовским до крайней степени горя и трагизма:

*Пел солдат, глотая слёзы,
Пел про русские берёзы...*

В целом к М. Матусовскому в полной мере относится следующая характеристика целого поколения поэтов великой Войны: им «оказалась ближе иная поэтика, ритмически “консервативная”, уместяющаяся – целиком – в классические, никакими ветрами и бурями не поколебленные размеры... Поэтика, передающая напряжение и бег времени, его сверхчеловеческие перегрузки – не через взрыв поэтической формы, ее раскованность, освобождение от “узды” метра, а, напротив, через *обуздание* вихря, поэтическое единоборство с ним, через введение стихии в классически строгие берега поэтической дисциплины, победу гармонии над дисгармонией» [4, с. 166].

Пространство поэтического мира М. Матусовского – это пространство пересечения судеб, замысловатая «сеть» встреч и расставаний, внутри которой создается очень плотное смысловое поле воспоминаний, пожеланий и благодарностей. Это и плотное, и вместе с тем предельно прозрачное пространство легкой, но вместе с тем и крепкой, насмерть спаянной общей народной Судьбы, выкованной в суровых и радостных испытаниях. Неизменный стиль поэзии М. Матусовского – благодаря которому она столь органически стала поэзией песенной – это стиль дружеского письма и лирического воспоминания как разговора с близким сердцу человеком. Поэт сознательно старается избегать любых сложных метафор и иных поэтических изысков, которые так любила поэзия XX века. Он с самого начала своего пути словно исполнял признание-завет Б. Пастернака: «впасть, как в ересь, в неслыханную простоту».

И радостная, хотя и суровая простота стиха М. Матусовского оказалась вместилищем подлинной поэтической глубины, созвучной переживаниям и целостному мироощущению всего народа.

Уже традиционно литературоведы определяют стиль М. Матусовского как «поэтику безыскусности». Это определение можно считать достаточно удачным, но с тем условием, если эта «безыскусность» здесь не будет пониматься как синоним упрощенности и «отсталости». На самом деле, за это внешней «безыскусностью», как мы постараемся показать далее, стоит очень глубокое мироощущение, порождающее уже незаменимый для нас художественный опыт. В чем тайна этого мироощущения?

Чтобы ответить на этот вопрос, по нашему мнению, следует в первую очередь проанализировать один главный, «сквозной» сюжет его поэзии, каковым является *сюжет встречи и расставания*. Здесь мы выделим лишь ряд основных для этой темы фрагментов его текстов. Вот одно из самых ранних и вместе с тем уже зрелых по мастерству песен-стихотворений «Сиреневый туман» (1939). Строфа о разлуке:

*Сиреневый туман над нами проплывает
Над тамбуром горит полночная звезда
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает
Что с девушкой я прощаюсь навсегда.*

Здесь разлука объединяет в себе неизвестность и надежду. Лирический герой не знает – может быть, он уезжает навсегда, а может и не навсегда:

*Уеду я на год, а может быть, на два.
А может навсегда ты друга потеряешь!*

Тем самым, единственное событие разлуки здесь заставляет пережить самую суть человеческой судьбы – единство надежды, неизвестности, тоски и чувства непередаваемой душевной близости. Здесь, как в капле воды, вдруг отражается и концентрируется весь спектр человеческих взаимоотношений. Расставание, как и встреча, во всей глубине выявляет глубину неизбывной человеческой свободы, которая коренится в глубине сердца и никак не зависит ни от каких внешних обстоятельств времени и места.

Весьма характерно, что песня «Сиреневый туман» ныне считается классикой «русского шансона» и была спета уже многими исполнителями, хотя широкой публике не известно, кто является автором слов. Переход песен М. Матусовского в статус народных начался именно с этого раннего произведения, вошедшего еще в довоенный сборник «Луганчане». Ныне эта песня по стилю воспринимается как пришедшая из 1960-х. Все это не случайно, поскольку в ней очень ярко выразилась сама суть будущего жанра «шансон» – это очень напряженное переживание расставаний, встреч, надежд и ожиданий, которыми наполнена жизнь человеческой души.

Если расставание измеряет глубину чувств и надежд, то встреча – это открытие нового мира и преображение самого человека. Так, например, в стихотворении «Что так сердце растревожено?» встреча знаменует такое внезапное, почти чудесное преображение всего мира в восприятии героя:

*Даже солнце светит по-особому
С той минуты, как увидел я тебя.*

Соответственно, преображается и сам герой, вдруг чувствуя в себе огромные, неизвестные ранее ему силы:

*Все преграды я могу пройти без робости,
В спор вступлю с невзгодой любой.
Укажи мне только лишь на глобусе
Место скорого свидания с тобой.*

Встреча может быть не только с человеком, но и с любым важным объектом этого мира. В стихотворении «Школьный вальс» (1951) встреча переживается как особый жизненный ритуал, в котором участвуют и люди, и окружающая природа, и музыка:

*Давно, друзья весёлые,
Простились мы со школою,
Но каждый год мы в свой приходим класс.
В саду берёзки с клёнами
Встречают нас поклонами,
И школьный вальс опять звучит для нас.*

Вот встреча с родиной в песне «Вернулся я на родину» (1948):

*Вернулся я на родину, и у пруда под ивою
Ты ждёшь, как в годы давние, прихода моего.*

Это сама родина ждет лирического героя – но именно под ивою, то есть в некотором неабстрактном, а особо сердечном месте.

В песне «Чёрное море моё» (1958) переживается встреча со стихией, к которой даже герой просит не ревновать свою любимую:

*Стонет волна штормовая,
В дальние дали маня.
Так не ревнуй, дорогая,
К Чёрному морю меня!*

В известной песне на слова М. Матусовского «Московские окна» (1959) символика встречи передана через образы окон: «Они, как люди, смотрят на меня». Окна, таким образом, становятся символом полноты переплетения человеческих судеб, столь близких и родных для героя: «Я желаю, окна, счастья вам».

В песне «Прощайте, голуби!» (1960) символом расставания становятся голуби. Расставаясь, близкие люди выпускают голубей – и это становится символом их расставания:

*И пора настает –
Мы сегодня своих голубей
Провожаем в прощальный полёт.
Пусть летят они, летят,
Им уже не вернуться назад.*

Но все-таки первичной в мире М. Матусовского является встреча, в чем выразилось его жизнеутверждающее мировосприятие, не боящееся жизненных невзгод. В стихотворении «Не забывай» (1954) встреча понимается как та основа жизни, которая случилась в прошлом, но от которой нельзя отрываться чтобы не потерять все лучшее в себе:

*Не забывай родные дали,
Родных небес простор и высь.
Не забывай, о чём мечтали
И в чём с тобой мы поклялись.*

Но бывают, наоборот, и неудавшиеся встречи. В грусто-простодушном стихотворении «Поручение» (1954) рассказывается о том, как стеснительный парень попросил передать признание в любви девушке своему другу – и в результате девушка ушла к другу. Здесь сказано о незаменимости встречи:

*И как я додумался, братцы,
И сам до сих пор не пойму:
В любви перед нею признаться
Доверил дружку своему.*

Таково расставание из-за неспособности к встрече.

Однако есть расставания и особо трагические, как, например, в песне «Памяти неизвестного санитаря» (1957):

*Но страшный взрыв всю землю вдруг потряс.
Недолгий век был парнем этим прожит.
И тот рубеж, что разделяет нас,
Он никогда переползти не сможет...*

*И уже через много лет
Оставшись сам с собой наедине,
Я часто вижу взгляд его под каской.
И он опять, за пядью пядь, ко мне
Ползёт, ползёт, ползёт по глине вязкой.*

*И кажется, как будто наяву,
На жизнь мою он смотрит без улыбки,
И проверяет, так ли я живу,
И отмечает всё мои ошибки...*

Такое расставание как гибель и потеря становится как бы вечной встречей как соприсутствием. И это соприсутствие парадоксальным образом происходит именно после гибели другого человека: ведь их встреча фактически уже произошла, и теперь лирический герой должен жить как бы «за двоих» и нести неизбывную ответственность за всю свою жизнь перед тем человеком, только благодаря которому он и живет теперь. О том же говорится и в знаменитой песне «На безымянной высоте» (1963) расставание навсегда преобразуется в вечную встречу во снах:

*Мне часто снятся все ребята –
Друзья моих военных дней...*

*Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте...*

Однако, с другой стороны, человек войны – солдат – способен к особому мужественному отношению к расставанию, которое выражено в песне «Солдат – всегда солдат» (1959):

*Солдат, легко собравшись в путь,
Без лишних слёз прощается,
И всё имущество его
В один мешок вмещается.*

Нужно отметить, что война для М. Матусовского стала в первую очередь его главным опытом понимания глубинной сущности людей, которая раскрывается в экстремальных обстоятельствах. Но раскрывается она именно через *встречу*. В стихотворении 1975 года он напишет:

*В сырых землянках, в сумраке траншей –
Нигде я не встречал плохих людей.*

С другой стороны, в событии встречи человек познает и свою собственную невысказанную глубину – даже и в самых простых, обыденных обстоятельствах. В частности, именно об этом – и известные строки из песни «Подмосковные вечера» (1957):

*Что ж ты, милая, смотришь искоса,
Низко голову наклоня?*

*Трудно высказать и не высказать
Всё, что на сердце у меня.*

Трудно высказать, но не возможно и не высказать – вот то состояние, которое человек переживает в подлинной встрече, встречаясь, тем самым, и со своей собственной непонятной душевной глубиной. А взгляд искоса низко голову наклоня – над этими словами так по-глупому потешался известный сатирик М.Задорнов – на самом деле это взгляд украдкой прямо в душу, который как бы говорит: «Трудно спросить и не спросить трудно...»

Расставание не менее глубоко по смыслу. В песне «Это было недавно» (1965) чрезвычайно пронзительно высказана суть временного отстояния расставания, благодаря которому оно становится вечным спутником, словно структурой души героя. Это слова: «Это было недавно, Это было давно»:

*Будто вновь мы с тобою
В полутёмном кино.
Это было недавно,
Это было давно.*

Уходящая в даль времени встреча в душе становится все ближе – все *недавнее*, хотя по внешнему времени – она все дальше в прошлом. Парадокс.

Расставание может быть даже и с дорогим человеком из прошлого, с которым герой лично не был знаком. Например, в стихотворении «Старый пистолет» (1969) М. Матусовский написал:

*Ведь наша боль по-прежнему остра,
Зажить рубцы раненья не успели.
Что делать, если только лишь вчера
Для нас убит был Пушкин на дуэли?!*

Расставание с убитым Пушкиным как с самым дорогим человеком одновременно становится и самой душевной встречей с ним, счастьем со-присутствия в его судьбе, переживанием «обмена судеб».

Встреча – это всегда усилие, в первую очередь, это усилие над самим собой, усилие надежды и открытости души. В знаменитой песне «Вологда» встреча переживается как единство ожидания, упорства и надежды:

*Шлю я,
Шлю я ей за пакетом пакет,
Только,
Только нет мне ни слова в ответ.
Значит,
Значит, надо иметь ей в виду:
Сам я
За ответом приду.*

Но если встреча не получилась – «разминулась судьба» – как говорит М. Матусовский, к этому следует относиться спокойно:

*Была судьба, да разминулась,
Чтоб вновь не встретиться со мной.*

В одном из поздних стихотворений 1980 года он написал, выражая самую глубокую основу своего мировоззрения:

*Всё на земле находится в родстве,
Нас всех как бы связует цепь большая.*

Эта большая связующая цепь всех людей и всего мироздания и составляет основу смысла встреч и расставаний как главных «узлов» человеческой жизни. Таково главное содержательное наполнение поэтики М. Матусовского, для которого наиболее адекватной стала именно «поэтика безыскусности», органически вылившаяся в песенное слово. На эту суть творческого мира поэта следует посмотреть и в более широком контексте.

В работе выдающегося русского литературоведа В.В. Кожина (1930–2001) «Русская поэзия середины XX века как откровение о “конце нового времени”» показан переход к *новому образу человека* в самобытной русской поэзии XX века, выделяя в качестве «знаковых» имена Твардовского и Заболоцкого. По его мнению, «если Твардовский с полемической резкостью объявлял обыкновенное высшей эстетической ценностью, Заболоцкий более мягко внушает, что обыкновенное (обыденное), любая “единица” общества на самом-то деле необыкновенны и исполнены тайны, но люди не умеют и даже вроде бы не хотят это увидеть. И потому одно из ключевых ценностных слов в поэзии Заболоцкого – “неприметный”» [1, 145]. Именно новый образ человека – и есть то самое ценное, что рождалось в муках истории XX века. «Но, – рассуждает автор, – как же все-таки быть с тем насильственным, даже убийственным тоталитаризмом, в условиях которого обрели себя Заболоцкий и Твардовский?.. При взгляде из наступившего времени тоталитаризм предстает как предельное испытание человека, которое он выдержал, – что наглядно явлено, “доказано” в поэзии Заболоцкого и Твардовского» [1, 150]. Саморазоблачение индивидуализма Нового времени в тоталитаризме XX века, здесь, в новой русской поэзии, вернувшейся к глубине традиции, завершилось новым опытом *духовного преображения* человека и открытием ценности обыкновенного, «неприметного». Сказанное о двух выдающихся русских поэтах здесь в полной мере относится и к М. Матусовскому.

Изначальной мировоззренческой и художественной интуицией М. Матусовского, лежащей в основе его поэтики, является восприятие общества как одной большой «семьи» с одной общей судьбой, где все за всех в ответе, а мира в целом – как гармоничного «космоса», в котором добро всегда побеждает зло. Эти основания опираются на самую глубинную архетипическую основу культуры, которая универсальна и интернациональна. Для наиболее поэтического своего воплощения эти основания требуют именно «поэтики простоты» и максимальной органичности поэтической речи, сознательного дистанцирования от «авангардных» изысков XX века. Это глубоко традиционалистская поэтика, которая может рассматриваться как новый исторический вариант «школы гармонической точности» Пушкинской эпохи. (Согласно характеристике этой «школы», данной Л. Гинзбург, «русская лирика 1810-1830-х годов свидетельствует о том, какой силы, какого высокого совершенства может достичь словесное искусство, всецело основанное на традиции» [1, с. 19]).

Сам М. Матусовский сознательно ориентировался на поэтику Пушкина не только как на некий «недостижимый образец», но и вполне прагматично – фактически, как на простое «руководство к действию», совсем не смущаясь дистанцией по отношению к гению. Так, например, он очень по-деловому рассматривает главные, на его взгляд, черты его стиха, которые старается воплотить и в своем творчестве. «Пушкин, писал М. Матусовский, ценил в поэзии прежде всего мысль. Но не меньше он ценил и “верность выраженья”, “звуков или слов нежданное стечение”, поражающее звучание и “странность рифмы новой, неслыханной дотоль”. О, эта пушкинская верность выраженья, разящая острота его прилагательных, “правды слог суровый”, действующие на нас и сегодня с неослабевающей силой!» [6, с. 521].

Новым аспектом этой поэтики у М. Матусовского стала *особая акцентировка взаимопроникновения человеческих судеб* и пафос единой судьбы народа и всего человечества – явный ответ на вызов невротического индивидуализма XX века. Этот аспект можно определить как «поэтику собеседничества». В истории поэзии, начиная с античности, особенно с Горация, идет традиция «дружеских посланий», получившая особое развитие и в Пушкинскую эпоху, в «золотом веке» русской литературы. Затем она явно ушла «в тень» и получила новое развитие уже в русской советской поэзии с ее традицией «переключки поэтов» (хрестоматийным образцом здесь стал стих Пастернака «Анне Ахматовой»). У М. Матусовского жанр «дружеских посланий» тоже есть, однако дело не в нем, а в том, что любое его стихотворение по своей базовой интенции является прежде всего «разговором» и «посланием» к Собеседнику, предложением разделить общую судьбу. К этому типу поэзии очень близко также и творчество А. Твардовского, а на Украине – А. Малышко. Но именно у М. Матусовского оно стало той «изюминкой», которая позволила ему органически перерасти в песенную форму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гинзбург Л. О лирике. – Л.: Сов. Писатель, 1974. – 408 с.
2. Дьякова Т. А. Этнокультурная коннотация символов-дендронимов в песенном творчестве М. Матусовского // Материалы VIII Международных чтений памяти М. Матусовского, посвященных 100-летию со дня рождения поэта (г. Луганск, 15 мая 2015 г.). – Луганск: Изд-во ЛГАКИ имени М. Л. Матусовского, 2015. – С. 27-30.
3. Кергес М. Девять песен Михаила Матусовского // Литература. – 2002. – № 20. – С. 14-15.
4. Коган Л. Перечитывая Войну (Литературно-критические очерки). – М.: Худ. лит., 1975. – 320 с.
5. Кожин В.В. Русская поэзия середины XX века как откровение о «конце нового времени» // Волшебная гора. Философско-культурологический альманах. Вып. I. – М., 1994. – С. 142-150.
6. Матусовский М. Семейный альбом // Матусовский М. Проза. – Луганск: «Виртуальная реальность», 2011. – С. 9-550.
7. Михаил Львович Матусовский [Некролог] // Известия. – 19.07.1990.

Поступила в редакцию 10.06.2017 г.

SONG POETICS OF M. MATUSOVSKIY: CHARACTERIZATION EXPERIENCE

V. Yu. Darenskiy

The article attempts to analyse the specificity of poetics by M. Matusovsky, contributing to the perception of his songs on the level of mass consciousness and the value of creativity as a special phenomenon in Russian poetry of the twentieth century. The basis of his poetics is considered as the actualization of the tradition of "harmonic precision" and accentuation of the interpenetration of human lives and the pathos of a common destiny of the people and of all mankind – as a response to the challenge of neurotic individualism of the twentieth century. This aspect can be defined as "poetics of interlocution".

Key words: M. Matusovsky tradition of "harmonic precision", "poetics of interlocution".

Даренский Виталий Юрьевич

Кандидат философских наук, доцент
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
аграрный университет», г. Луганск
E-mail: darenskiy1972@mail.ru

Darenskiy Vitaliy Yurievich

Candidate of Philosophy, Associate Professor
Lugansk National Agrarian University

E-mail: darenskiy1972@mail.ru

УДК 821. 112. 2-94. 09

НОВЕЙШАЯ НЕМЕЦКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

© 2017. *Н.В. Скляр*

ГОУ ВПО ЛНР Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко

Статья посвящена одному из актуальных вопросов исследования художественно-документальных жанров – изучению художественного своеобразия немецкой автобиографии на современном этапе развития. Особое внимание уделено рассмотрению условий возникновения «новой автобиографии» в немецком литературном пространстве и тем особенным чертам, которые она приобрела на этапе современного развития.

Ключевые слова: немецкая автобиография, постмодернизм, факт, фикция, метатекст.

Социальные процессы конца XX века начала XXI принесли человечеству много изменений в различных сферах жизни. Реформирование произошло в общественном устройстве, культуре, науке, появился даже так называемый постнеклассический способ мышления для фиксации ментальной специфики новой эпохи. Художественно-документальная литература как зеркало человеческой жизни также претерпела перевоплощения, они затронули и предмет нашего исследования – автобиографию. Различные аспекты ее построения изучают отечественные, европейские и американские литературоведы. Актуальными являются проблемы ее жанрового определения (Л.Б. Караева, А. Эрлл), выявление основных жанровых признаков (Л.В. Казанцева, К. Бергманн) и особенности поэтики (М.А. Кулабухова, И. Аихингер).

В рамках нашей темы хотелось бы остановиться на вопросе определения тех исторических и общественных условий, в которых появилась и развивалась современная немецкая автобиография. На сегодняшний день появилось определенное множество автобиографических произведений немецких авторов, и эти работы требуют детального анализа и изучения. На наш взгляд, большое влияние на современное немецкое автобиографическое письмо, как и на общий литературный процесс, оказали постмодернистские тенденции развития искусства в целом. Однако, в этом контексте немецкая постмодернистская автобиография получила еще и ряд своих особенностей при сравнении с традиционной автобиографией. Изучение этих особенностей и составило цель данной статьи.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на исторические условия, которые обусловили трансформацию немецкой традиционной автобиографии. Жизнь в разделенной стране, разрушение ГДР и последующее объединение Германии привели к тому, что многие немецкие писатели и интеллектуалы имплицитно или критически попытались рассмотреть собственную личность. Доказательством этого стало появление значительного количества автобиографических произведений новой волны. Их авторами стало поколения писателей, которые родились в первые десятилетия XX века, провели детство и молодость под лозунгами национал-социализма и войн, пережили первые шаги социалистического государства, так или иначе приняли участие в его становлении, а после объединения Германии решили рассказать историю собственной жизни и своей личности под влиянием этих выдающихся исторических

событий, используя новые теоретические основы для создания автобиографического текста.

Автобиографическую панораму последних десятилетий XX века составили следующие произведения: пять автобиографических произведений «Причина» (1975), «Погреб» (1976), «Дыхание» (1977), «Холод. Изоляция» (1981), «Ребенок» (1982) Т. Бернхарда, М. Фриша (1975), «Спасенный язык. История молодости» Э. Канетти (1977), «Факел в ухе. История жизни 1921 – 1931» вторая книга Э. Канетти (1980), «Места» Э. Амери (1980), «Мгновения. История жизни 1931 – 1937» Э. Канетти (1985), «Промежуточный баланс. Молодость в Берлине» Г. де Бройна (1986), «Я был гитлеровец Соломон» С. Переля (1989), «Война без сражений. Жизнь в двух диктатурах» Х. Мюллера (1992), «Сообщение о пережитом» Б. Вилькомирского (1995), «Взрослые игры» Г. Кунерта (1997), «Моя жизнь» М. Райх-Раницкого (1999).

В начале нового века были опубликованы автобиографии: «Разрушенные детства» Э. Лецци (2001), «Вечеринка при молнии. Автобиография» Э. Канетти (после смерти автора, 2003), «Полюса воспоминаний. Автобиография» Х. Чеховского (2006), «Луковица памяти» Г. Грасса (2006), «Я не» И. Феста (2006), «Пять Германий и одна жизнь – воспоминания» Ф. Штерна (2007), «Фотокамера» (2009) и «Слова Гримм» (2010) Г. Грасса.

Рассматривая тематику этих произведений, замечаем, что среди прочих решающими здесь выступают две проблемы, обусловленные бурными историческими и социальными событиями: во-первых, это влияние войны и фашистского режима на личность и судьбу автора, во-вторых, жизнь в разделенной стране, в частности на территории ГДР, и изменения после объединения страны. Если в той части Германии, которая называлась ФРГ, главным принципом автобиографических произведений, которые появились после Второй мировой войны, стал принцип катарсиса, то в ГДР ситуация была иной. Возвращение к автобиографии в первичном понимании там произошло лишь в 80-х годах после провозглашения советской политики прозрачности. До этого автобиографию воспринимали там как дидактическое представление образцовой личности, порядочного, социалистического человека. А потом произошло «открытие того, что ранее замалчивалось и в автобиографиях, и в документах» [1, с. 479]. «Говоря в тексте «Я», названные выше авторы имеют в виду самих себя и свое прошлое, которое может быть «двойным» под влиянием слишком сильной и противоречивой исторической основы. Г. де Бройн, например, в своем произведении подробно описал времена фашистской диктатуры и собственный опыт на фронте. Писатель Г. Кунерт, имея еврейское происхождение, посвятил значительную часть автобиографии «Взрослые игры» воспоминаниям о членах семьи, которые были депортированы после Освенцима. Эта проблематика создает лейтмотив его произведения. Работа с прошлым кажется Г. Кунерту этической задачей, соответствующей индивидуальному и коллективному долгу – сохранить память о Холокосте. Неслучайно автор описывает себя как «невежественного археолога», который специализируется на «сомнительных следах жертв немецкой истории» [2, с. 33]. В автобиографиях Х. Мюллера и Х. Чеховского, которые особое внимание уделяют изображению жизненных условий в ГДР, воспроизведение исторических событий преобладает над изображением жизненных моментов личного характера.

Пережитая в детстве или молодости война и осмысление ее последствий также не обошла страницы автобиографических произведений середины XX – начала XXI веков. Почти все автобиографии затрагивают вопрос немецкой вины, национального стыда. Однако сама историческая ситуация расширила временные рамки этих понятий.

Например, чувство вины стало лейтмотивом в тексте автобиографии «Луковица памяти» Г. Грасса. Оно также лежит в основе проблематики произведения и сопряжено с вопросом: как Германия с выдающимися философами, гуманистами, педагогами, просветителями, писателями, которые подняли ее на высокий уровень интеллектуального и духовного развития, с педагогической, школьной системой, признанной во всем мире, пришла к фашизму. Писатель вновь и вновь обращается к мысли об общенациональной и собственной вине. Используя игру немецких слов «долги» и «вина» (на немецком соответственно «Schulden» и «Schuld»), автор отмечает, что это – родственные понятия: «Однако если с долгами можно как-то рассчитаться ..., то вина, доказанна ли она, или скрыта от глаз, или даже только является предположением, не исчезнет» [3, с. 41]. И если до 90-х годов в литературных произведениях ФРГ под понятиями «вина», «стыд» имели в виду события с 1933 года по 1945, то «после объединения страны период до разрушения Берлинской стены считают досадной, болезненной ошибкой и все вместе называют «немецким прошлым» [3, с. 4]. Итак, размышления над этим теперь уже объединенным прошлым, поиск ответа на вопрос, почему так случилось, становятся важными аспектами проблематики не только многих художественных произведений [3, с. 7], но и немецкоязычных автобиографий. Поэтому, принадлежность к одному временному отрезку обусловила поднятие общих тем в рамках этих автобиографий. В то же время эти вопросы стали не единственным дистинктивным фактором, который требует аналитического рассмотрения.

В конце XX – начале XXI веков, благодаря фундаментальным изменениям в концепции субъективизма, меняется и автобиографический текст, его структура, формы; содержательное наполнение, стратегия написания переходят на новый уровень, он приобретает особые признаки. Поэтому сегодня уже не вызывает сомнения тот факт, что в современной автобиографии наблюдается повышение текстовой комплексности. Это обусловило возникновение ряда новых теоретических вопросов. В отечественном и зарубежном исследовании теории и практики нового автобиографического текста появились неизученные вопросы и развернулись дискуссии, которые требуют анализа. Именно о них пойдет речь далее.

Благодаря возникновению новых черт в автобиографической текстовой плоскости современные литературоведы, продолжая теоретические традиции изучения автобиографии своих предшественников, создают новые теории и концепции, вводят новые понятия в терминологическую базу, анализируют взаимное влияние развития автобиографии, социума и культуры.

Теоретики анализируют автобиографические произведения своих современников и пытаются создать современную парадигму отношений в автографическом произведении.

В рамках теоретического изучения современной автобиографии возникают новые понятия: «новая автобиография» А. Робб-Грийе, «антиавтобиография» Р. Барта, «автофикция» С. Дубровски, «гей-лесбийское автобиографическое письмо» А. Жида, Ж. Жене, Х. Гойтисоло, «автобиографическая литература как бой быков» М. Лери, «сам как другой» Л. Штейн. Все они свидетельствуют о новом уровне развития автобиографии.

Обстоятельному изучению подлежат признаки и процесс создания автобиографического текста. Немецкая исследовательница А. Корбино-Хоффманн своим анализом произведений М. Лери внесла важный вклад в описание истории новой автобиографической парадигмы, создание которой в 60 – 70-е годы начали Р. Барт и

А. Робб-Грийе, а затем продолжили такие новаторы, как М. Лери. В его текстах (например: «Беспорядок» (1955), «Слабый шум» (1976)) отражены существенные конституенты текстовых видов. В подробном и убедительном исследовании А. Корбино-Хоффманн выделяет признаки нового автобиографического дискурса по М. Лери, который перманентно по-новому понимает психологический и травматический процесс создания автобиографического текста [4, с. 2]. А. Корбино-Хоффманн подчеркивает, что из лоскутков своих воспоминаний автор больше не конструирует историю жизни, а раскрывает ее презентацию как «схему изготовления документа». В центре стоит ритуальный последовательный повтор биографических элементов, использование техники, которая может быть противопоставлена любой автобиографической традиции, позже именно ей А. Робб-Грийе отведет центральную роль в своей теории «новой автобиографии». Подтверждение этой мысли можно также найти в автобиографии немецкого писателя М. Райх-Раницкого «Моя жизнь», которую автор представляет в виде пяти отдельных элементов. Каждый из пяти разделов имеет структуру завершеного художественного произведения и передает намек автора на то, что он «прожил пять жизней». Уже первая глава «Так кто же Вы?» хотя и рассказывает о детстве писателя, то есть о начале жизненного пути, но уже сразу передает главную мысль произведения – как вышло так, что Марсель Райх-Раницкий не имеет Родины. В текстовой плоскости на разных жизненных отрезках выстраивается образ чужака, который стремится найти свое место в этом мире: «С самого начала я выпадал из прописанных рамок, был индивидуалистом. Вряд ли я мог представить, что все так и останется: в какой бы школе я не учился, где бы ни работал, никогда я не вписывался вполне в свое окружение» [5, с. 18]. Из-за еврейской национальности его сверстникам нельзя было с ним общаться, тогда он вступил в союз еврейских скаутов Германии, но и там не нашел единомышленников. Жажда найти собственную нишу является сюжетным элементом произведения, который появляется в каждом разделе в своеобразном оформлении. В первой главе появляется первая антитеза – противопоставление двух сюжетных ситуаций: отсутствие родины и желание самоопределение, самоидентификация

Интересны мысли Б. Ройтманн по поводу достоверности нового автобиографического письма. Рассматривая текст «Пробуждение» Л. Штейн, она подчеркивает важность разделения субъекта на самого себя и на другого («Soi-memecommeunautre» – сам как другой), указанную в работе в контексте новой автобиографии. Она изображает это как измененное восприятие собственного сознания и отчуждение языка через отделения от сигнификанта и сигнификата. Стремлению к подлинности и правдивости противопоставлено фундаментальное отчуждение и отталкивание субъекта. Б. Ройтманн понимает текст как пример для невозможности создания автобиографического акта, который находит выражение лишь в качестве «авторомана», «автофикции» (по С. Дубровски и Р. Барту).

Проблема факта и фикции, правды и выдумки в современной автобиографии часто затрагивается исследователями. Речь идет о том, что постмодернистская автобиография допускает введение в сюжет не только мотивов, основанных на достоверных, реальных событиях, но и мотивов, выдуманных автором. Влияние автофикции на автобиографическую плоскость настолько велико, что можно говорить о метаморфозе жанровых аспектов автобиографии, имеется в виду, что благодаря фикции автобиография может присоединять к себе черты других жанров и выступать как метажанр. Неограниченное использование автофикции как специфической постмодернистской формы автобиографического письма и позволяет введение в текст

нереальных событий. Именно этот важный принцип создает условия для существования определенной степени фикционализации в автобиографии, что является главной функцией автофикции. Такой прием можно увидеть в уже упомянутой автобиографии Г. Грасса. В одном эпизоде наблюдаем такую сцену: «Вот он, зовут его Йозеф, он пытается в чем-то убедить меня, говорит настойчиво, но тихо, почти нежно и никак не идет у меня из головы. Я мечтал об одной профессии, он о другой <...> Я кричал: Йозеф, ты верно хочешь стать Великим инквизитор или метишь еще выше?» [3, с. 159]. Так Грасс рассказывает о встрече с неким арестантом родом из Баварии в лагере для военнопленных, куда он попал после Второй мировой войны. В эпизоде просматривается намек на то, что этот сокамерник – Папа Римский Йозеф Ратцингер. Однако официального подтверждения этому факту нет, поэтому можно предположить, что автор допустил в автобиографическом тексте выдуманный элемент, заимствованный из романной техники. И, конечно же, это не единственный пример.

Важным толчком для возникновения нового автобиографического дискурса является труд «Ролан Барт о Ролане Барте», который стал фундаментально новой «анти-автобиографией». Р. Барт указывает на гибридизацию этого жанра: «Все это нужно рассматривать просто как то, что рассказывает персонаж, и разрывать границы между фикцией и документальными свидетельствами» [6, с. 119]. Французский критик отмечает фрагментарность и случайность создания автобиографии, называет ее изображением «картин, которые, не знаю почему, меня поразили» [6, с. 120] и подчеркивает принципиальную незавершенность каждого автобиографического акта.

Интересна мысль немецкой исследовательницы К. Хильд о существовании «относительной автобиографии» [7, с. 5]. Она предлагает отказаться от жанрового разделения автобиографии и мемуаров, поскольку часто сообщение о собственной судьбе так или иначе касается жизни других людей, автобиограф не может рассказать о своей жизни изолированно, он обязательно изображает отношения с семьей, друзьями и так далее. Итак, тексты, которые ранее принадлежали к мемуарной литературе, следует считать относительными автобиографиями. Особенно важно это мнение сегодня, поскольку постмодернистская автобиография тяготеет к отказу от изображения четкого центра, который ранее был конкретной личностью [8, с. 69–82].

Дихотомию факторграфичность / фикциональность, которая определяет характер автобиографического жанра, пытался решить в книге «Замысел и правда в автобиографии» английский исследователь Р. Паскаль. Он отмечает, что главным признаком современной автобиографии является синтез художественного замысла и правдивости факта. Автобиографию следует относить к литературному жанру и изучать ее и как факт истории, и как факт литературы [8]. Он также отмечает, что настоящая автобиография «содержит движение жизни, она олицетворяет новую ступень самопознания и новую формулировку ответственности перед самим собой, она означает движение к самооткрытию и духовному перевоплощению» [8, с. 213].

Появление в контексте постмодернизма автобиографий с новым идейным содержанием обусловило повышение сложности тестового строения и различных модификаций в плоскости автобиографических текстов. Рассмотрев изложенные теоретические концепции, отметим, что целый ряд современных автобиографий, принадлежащих немецким авторам, подтверждают аспекты, которые составляют основы дискуссии в области современной автобиографии. Учитывая то, что предмет исследования является довольно сложным в рамках постмодерна, необходимо признать, что литературоведы создали развитую, хорошо структурированную систему для изучения автобиографического дискурса. Немецкая автобиография в контексте

постмодернизма имеет ряд черт, которые отличают ее от автобиографии в традиционном понимании, чему способствовало множество факторов исторического, социального и философского характера. Среди основных признаков можно выделить: сочетание факта и выдуманных моментов, автофикцию, метатекстуальность как возможность реализации выдумки. На сегодняшний день продолжается дискуссия относительного жанрового определения постмодернистской автобиографии. Детальное изучение этого вопроса видится нам перспективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Frerichs P. Bürgerliche Autobiographie und proletarische Selbstdarstellung / P. Frerichs. – Frankfurt : Haag+Herchen Verlag, 1980. – 635 s.
2. Чугунов Д. А. Немецкая литература 1990-х годов: основные тенденции развития [Электронный ресурс] / Д. А. Чугунов. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/nemetskaya-literatura-1990-kh-godov-osnovnye-tendentsii-razvitiya>. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 20.09.16.
3. Грасс Г. Луковица памяти : [роман] / Г. Грасс ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Иностранка, 2008. – 592 с.
4. Rezensionen [Elektronische ressource]. – Zugriffsmodus: <http://www.perlentaucher.de/buch/joachim-fest/begegnungen.html>. – Titelfeldschirm. – Дата обращения: 20.02.15.
5. Райх-Раницкий М. Моя жизнь / Марсель Райх-Раницкий ; [пер. с нем. В. Брун-Цехового]. – М. : Новое лит. обозрение, 2002. – 521 с.
6. Barthes R. Über mich selbst / R. Barthes ; [übers. Jürgen Hoch]. – Berlin : Matthes & Seitz, 1978. – 208 s.
7. Hild C. «Not Blood Relations, Ink Relations» Autobiographie und Fiktion : Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität / C. Hild. – München, 2007. – 314 s.
8. Paskal R. Die Autobiographie: Gehalt und Gestalt / R. Paskal. – Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz : Kohlhammer, 1965. – 244 p.

Поступила в редакцию 14.05.2017 г.

LATEST GERMAN AUTOBIOGRAPHY IN THE CONTEXT OF POSTMODERNISM

N.V. Sklyar

The article deals with the study of the art originality of German autobiographies at the present stage of development, which is one of the topical issues of art and documentary genres' research. A special attention is paid to the conditions of the "new autobiography" emergence in the German literary space and the traits that it has acquired in the process of modern development.

Key words: German autobiography, postmodernism, fact, fiction, metatext.

Скляр Наталья Владимировна

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Доцент, заведующая кафедрой романо-германской филологии.

E-mail: natalieskljar@mail.ru

Sklyar Natalya Vladimirovna

Candidate of Philology.

Lugansk National University named after Taras Shevchenko.

Docent, the Head of the Roman and Germanic Philology Department.

E-mail: natalieskljar@mail.ru

УДК 81`322.6` 367.4

**СЛОВО ИЛИ СИНТАГМА: МИНИМАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ ЕДИНИЦА
И ЕЁ MORFOLOGИЧЕСКАЯ ПРИРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ
М. ВЕЛЛЕРА «ВЕЛИКИЙ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС»)**

© 2017. *Е.В. Филатова, В.А. Филатов*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

В статье при последовательном разграничении сфер языка и речи, а также их типичных единиц освещается отношение слова и синтагмы к порождению речи, в частности, к построению предложения. Рассматриваются вопросы взаимообусловленности морфологической природы синтагм, их объёма, структуры и частотности употребления в речи, в том числе и в функции предложений.

Ключевые слова: слово, синтагма, объём синтагмы, ключевое слово синтагмы, морфологическая природа синтагмы, предложение.

В науке давно закрепилось мнение о том, что предложение как минимальная единица речи строится из слов, которые являются непосредственными исходными его единицами. Оно не подвергалось никаким сомнениям. Но в последние годы лингвисты, опираясь на утверждения В. фон Гумбольдта о характере взаимоотношений слова и речи [1, с. 100], а также на мысли Л. В. Щербы об интонационном разграничении говорящим в своей речи её *реальных* исходных единиц [2, с. 48], всё чаще высказывают сомнения по поводу соответствия данного мнения речевой деятельности. Причём достаточно даже двух из приводимых ими аргументов, чтобы убедиться, что эти возражения не безосновательны. Во-первых, если речь в целом и предложения в частности строятся из отдельных слов, почему она воспринимается не на уровне значений отдельных слов? В соответствии с логикой, из каких единиц речь строилась, на их основе она должна и восприниматься. Во-вторых, если рассматривать интонацию речи как способ интерпретации её содержания, почему говорящий интонационно разграничивает речь не на отдельные слова, если они самостоятельные компоненты речи, а на единые группы слов – на синтагмы, тем самым представляя слушателям свои личные объединения слов в качестве исходных единиц речи?

В устной речи каждого человека синтагма представлена как подлинная исходная речевая структура, появившаяся в виде спонтанного интонационного и смыслового объединения слов, отражающих отдельный факт передаваемого содержания. И.А. Бодуэн де Куртенэ разграничивал единицы языкового кода и их функциональные соответствия: звук и фонему, лексему, словоформу и синтагму. Л. В. Щерба акцентировал внимание на синтагме как исходной речевой единице. Каждая языковая единица выступает в виде средства, общего для всех носителей языка, а функциональная (речевая) единица в каждом случае представлена конкретным индивидуально-авторским вариантом. Синтагма как речевая единица отличается от лексемы как кодовой единицы словаря по характеру порождения, сфере функционирования, статусу, объёму, качеству значения и функциям. Рассматриваемые вопросы первостепенны для теории и практики речевой деятельности [3, с. 8], поэтому их **актуальность** очевидна и носит она вневременной характер.

Цель статьи – осветить вопрос о морфологической природе синтагмы, а её **задача** – на материале публицистики Михаила Веллера выяснить, как соотносятся морфологическая природа синтагм и частота их употребления в публицистической речи.

В соответствии с нашей рабочей гипотезой **слово** – общенародная номинативная единица языка, обобщённый компонент лингвистической картины отражения предметного мира, а **синтагма** – минимальная речевая единица, представляющая собой индивидуальное структурно-интонационное и смысловое единство. Она исходная структура при порождении речи и опора при её восприятии. Синтагмы обычно возникают в сознании человека мгновенно, автоматически, в виде единых лексических блоков на основе его личной системы понятий и представлений о мире. Их последовательное наращение способствует организации речи, а интонационное разграничение их субъектом речи (делимитация) помогает осмыслению их значения и адекватному восприятию содержания речи в целом [4, с. 17]. Синтагма может состоять из одного слова, выполняющего соответствующую речевую функцию, но чаще она включает несколько слов, что позволяет ей отразить неделимый фрагмент конкретного содержания. В русской речи 1-словных синтагм обычно около 15%. По употребительности они на третьем месте, после 2-словных и 3-словных, которые используются примерно одинаково [5, с. 35]. Значение 1-словных синтагм определяется на основании их связи с другими синтагмами, а значение многокомпонентных синтагм – на основании их структуры и связанных с ними синтагм.

В системе языка при изучении сочетаемости слов опора осуществляется на словосочетания как метаязыковые общетеоретические структуры. Например, в лексикологии – при изучении смысловой сочетаемости или в синтаксисе – при изучении грамматической сочетаемости [6, с. 28]. Обычно их рассматривают на уровне бинарных связей и отношений, в связи с чем морфологическую природу словосочетания определяют по частеречной принадлежности обоих лексических компонентов, например: *субстантивно-адъективное словосочетание, глагольно-субстантивное, глагольно-наречное* и т. д. При этом умалчивается, что 2-компонентное словосочетание – всего лишь один из возможных его структурных видов. Отражаются типичные устойчивые явления сферы языка [7, с. 231].

В сфере речи такой подход к синтагмам не уместен. Во-первых, речь – явление конкретное, производное, предполагающее не только типичность, но и индивидуальность, креативность, во-вторых, структура синтагмы может включать более десяти компонентов, относящихся к нескольким частям речи. Тем не менее синтагма остаётся **недискретной речевой единицей**, потому что она предельно минимальная структура. Речевых единиц меньше синтагмы нет. Морфологическую природу синтагм уместно определять по их **ключевым словам**, потому что именно они являются связующими центрами синтагм в любой речи, представленной в виде единой синтагматической системы. Она определяется по частеречной принадлежности её ключевого слова. По этому признаку выделяются **именные синтагмы** (у них ключевое слово – **имя**: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, причастие или категория состояния как наименование того или иного состояния). Это основная масса синтагм.

В окружающем мире бесчисленное множество реалий. Они характеризуются своими признаками, качествами и свойствами. Естественно, что в мире реалий в процессе речевой деятельности наиболее частотны именные синтагмы. Реалии совершают различные действия или подвергаются им, оказываются в тех или иных состояниях при тех или иных обстоятельствах. В связи с этим выделяются **глагольные** и **наречные** синтагмы. Синтагмы могут быть представлены устойчивыми сочетаниями, частицами, предлогами, союзами, междометиями, т. е. самыми разными морфологическими средствами, а также словами немногочисленной лексической группы, которые в речи выступают исключительно в роли вводных слов (*впрочем, итак,*

пожалуйста, следовательно и др.). Их морфологическая квалификация затруднена, ибо в морфологии эта группа слов недостаточно изучена. В. В. Виноградов определял их как “модальные слова” [8, с. 53]. Что касается синтагм, включающих полностью предикативный центр, целесообразно определять их морфологическую природу с учётом особенностей предикативного центра – **глагольная, предикативная** или **именная, предикативная**. Первая представлена в синтагмах со сказуемым глагольного типа, вторая – со сказуемым именного типа.

Для выполнения поставленной задачи обратимся к синтагматической, т. е. реальной авторской, структуре и содержанию предложений в книге писателя-публициста Михаила Веллера «Великий последний шанс» и рассмотрим следующий её фрагмент.

Независимо от экстраординарных событий / телевидению хватит в любой миг и ординарных, // чтобы выпуск новостей / превратить в репортаж / из гибнущей цивилизации. // Ресурс несчастий у нас – / единственный, / которому не грозит истощение. // Кажется, / что Россия / закончит своё существование, / а несчастья / всё ещё будут продолжаться. ///

*Однако. // Вот в Америке. // Там торнадо и ураганы / просто беспрерывно. // Сдувает и смывает ежедневно / целыми посёлками...// Однако страстей в США / по ящику / куда и куда меньше наших...// **То есть.** // Цензура сменилась / «антицензурой». // Произошла смена вех и знаков / при сохранении системы отношения...//*

***И. / И.** / У нас был / тоталитаризм / и социализм, / были запрещены / тупыми и непререкаемыми правителями – / демократия, / либерализм, / права человека, / свобода слова, / капитализм. // И жили мы плохо. // А «там» / люди жили гораздо лучше, / свободнее, / богаче, / разнообразнее. // **И?** // Слова, / термины / и понятия / стали фетишами русской интеллигенции! // Демократия, / рынок, / свобода! // Это благо, / это хорошо, / это правильно. ///*

***Гайдар. // Чубайс.** // Сгорели сбережения. // **Нищета.** // Как жить?//*

*Русский писатель – / совесть нации / и мозг интеллигенции. // **Авангард интеллигенции.** // Поэт в России / больше, / чем поэт. // Где, / укажите нам, / отечества отцы, / которых мы должны принять за образцы? // Не эти ли, / невежеством богаты?! ///*

***Первый поэт СССР Евгений Евтушенко.** // Свалил к чёрту в США / на заработки. // Лекции читать // тамошним славистам. // **Знаменитый коммунистический драматург Шатров.** // **В Америку!** // **Продолжательница традиций «красного графа» Алексея Толстого однофамильная писательница-внучка.** // **В Америку!** // **Десять лет с правом переписки.** // И никто из эмигрантов проклятого брежневизма, // заметьте, // не поторопился вернуться / на свободную родину! // В гости, / в отпуск, / на смотрины – // пожалуйста, / а так – // нет... // **Ага...** ///*

В этом контексте 100 синтагм. Запишем его иначе – по синтагмам, с указанием их морфологической природы и объёма.

Независимо от экстраординарных событий— именная, 3-словная;

телевидению хватит в любой миг— глагольная, 4-словная;

и ординарных, — именная, 1-словная;

чтобы выпуск новостей — именная, 3-словная;

превратить в репортаж— глагольная, 2-словная;

из гибнущей цивилизации. — именная, 2-словная;

Ресурс несчастий у нас — — именная, 3-словная;

единственный, — именная, 1-словная;

которому не грозит истощение. — глагольная, предикативная, 3-словная;

Кажется, — глагольная, предикативная, 1-словная;
что Россия— именная, 2-словная;
закончит своё существование, — глагольная, 3-словная;
а несчастья— именная, 1-словная;
всё ещё будут продолжаться. — глагольная, 4-словная;
Однако. — союзная, 1-словная;
Вот в Америке. — именная, 1-словная;
Там торнадо — именная, 2-словная;
и ураганы— именная, 1-словная;
просто непрерывно. — именная, 2-словная;
Сдувает и смывает — глагольная, 2-словная;
ежедневно — наречная, 1-словная;
целыми посёлками... — именная, 2-словная;
Однако страстей в США — именная, 3-словная;
по ящику— именная, 1-словная;
куда и куда меньше наших— наречная, 4-словная; ...
То есть. — союзная, 1-словная;
Цензура сменилась — глагольная, предикативная, 2-словная;
«антицензурой». — именная, 1-словная;
Произошла смена вех и знаков— глагольная, предикативная, 4-словная;
при сохранении системы отношения— именная, 3-словная; ...
И. — союзная, 1-словная;
И. — союзная, 1-словная;
У нас был — глагольная, 2-словная;
тоталитаризм — именная, 1-словная;
и социализм, — именная, 1-словная;
были запрещены— глагольная, 2-словная;
тупыми и непререкаемыми правителями — именная, 3-словная;
демократия, — именная, 1-словная;
либерализм, — именная, 1-словная;
права человека, — именная, 2-словная;
свобода слова, — именная, 2-словная;
капитализм. — именная, 1-словная;
И жили мы— глагольная, предикативная, 2-словная;
плохо. — наречная, 1-словная;
А «там» — наречная, 1-словная;
люди жили— глагольная, предикативная, 2-словная;
гораздо лучше, — наречная, 2-словная;
свободнее, — наречная, 1-словная;
богаче, — наречная, 1-словная;
разнообразнее. — наречная, 1-словная;
И? — союзная, 1-словная;
Слова, — именная, 1-словная;
термины — именная, 1-словная;
и понятия — именная, 1-словная;
стали фетишами русской интеллигенции! — глагольная, предикативная, 4-словная;
Демократия, — именная, 1-словная;
рынок, — именная, 1-словная;

- свобода!* — именная, 1-словная;
Это благо, — именная, предикативная, 2-словная;
это хорошо, — именная, предикативная, 2-словная;
это правильно. — именная, предикативная, 2-словная;
Гайдар. — именная, 1-словная;
Чубайс. — именная, 1-словная;
Сгорели сбережения. — глагольная, предикативная, 2-словная;
Нищета. — именная, 1-словная;
Как жить? — глагольная, предикативная, 2-словная;
Русский писатель — именная, 2-словная;
совесть нации — именная, 2-словная;
и мозг интеллигенции. — именная, 2-словная;
Авангард интеллигенции. — именная, 2-словная;
Поэт в России — именная, 2-словная;
больше, — наречная, 1-словная;
чем поэт. — именная, 1-словная;
Где, — наречная, 1-словная;
укажите нам, — глагольная, 2-словная;
отчества отцы, — именная, 2-словная;
которых мы должны принять — глагольная, предикативная, 4-словная;
за образцы? — именная, 1-словная;
Не эти ли, — именная, 1-словная;
невежеством богаты? — именная, 2-словная;
Первый поэт СССР Евгений Евтушенко. — именная, 5-словная;
Свалил к чёрту в США — глагольная, 3-словная;
на заработки. — именная, 1-словная;
Лекции читать — глагольная, 2-словная;
тамошним славистам. — именная, 2-словная;
Знаменитый коммунистический драматург Шатров. — именная, 4-словная;
В Америку! — именная, 1-словная;
Продолжательница традиций «красного графа» Алексея Толстого однофамильная писательница-внучка. — именная, 9-словная;
В Америку! — именная, 1-словная;
Десять лет с правом переписки. — именная, 4-словная;
И никто из эмигрантов проклятого брежневизма, — именная, 4-словная;
заметьте, — глагольная, 1-словная;
не поторопился вернуться на свободную родину! — глагольная, 4-словная;
В гости, — именная, 1-словная;
в отпуск, — именная, 1-словная;
на смотрины — именная, 1-словная;
пожалуйста, — частица, 1-словная;
а так — наречная, 1-словная;
нет... — частица, 1-словная;
Ага. — междометие, 1-словная.

Автором используются синтагмы шести морфологических видов:

- Именные — 59, из них 3 предикативных;
 Глагольные — 22, из них 10 предикативных;
 Наречные — 11;

Частицы в роли синтагм — 2;
 Союзы в роли синтагм — 5;
 Междометия в роли синтагм — 1.

Соотношения объёма, морфологической природы и частотности употребления синтагм отражены в таблице 1.

Таблица 1
 Частотность употребления синтагм в зависимости от их объёма и морфологической природы

№ п/п	Объём синтагмы	Количество синтагм в зависимости от их морфологической природы						Всего
		Именные	Глагольные	Наречные	Союзы-синтагмы	Частицы-синтагмы	Междометия-синтагмы	
1	1-словные	30	2	9	5	2	1	49
2	2-словные	18	11	1				30
3	3-словные	6	3					9
4	4-словные	3	6	1				10
5	5-словные	1						1
6	9-словные	1						1
	ВСЕГО	59	22	11	5	2	1	100

Как видим, в этой публицистической речи резко завышено количество 1-словных синтагм – в три раза. Речь рассчитана на осведомлённого читателя, поэтому не предполагает многословия и доказательств. Цель автора – лаконично и убедительно сделать необходимые, с его точки зрения, акценты на общеизвестных фактах и тем самым заставить читателя по-иному на них взглянуть. Факты представлены с помощью **именных синтагм**. В этом контексте из ста синтагм 59 именных. Из них 1-словных – 30, 2-словных – 18, а оставшиеся четыре структурных вида именных синтагм занимают всего 11 позиций. Три именные синтагмы предикативные.

Глагольных синтагм в данном фрагменте 22, причём 10 из них предикативные, т. е. такие, которые включают в себя предикативный центр и поэтому никакого членения в них на состав подлежащего и состав сказуемого нет и не может быть, иначе будет деформировано передаваемое содержание. Напомним, что синтагма – недискретная единица, т. е. предельно минимальная, имеющая у автора один вариант интонации. Предикативные синтагмы указывают на то, что существуют предложения, которые нельзя расчленивать на состав подлежащего и состав сказуемого, так как оба главных члена предложения входят в одну синтагму и не предполагают такого разграничения.

Наречных синтагм здесь – 11. Из них девять 1-словных, одна 2-словная и одна 4-словная. Пять синтагм представлены союзами, две – частицами и одна – междометием.

В результате последовательного линейного наращивания синтагм в данном контексте автором выделено 41 предложение. Отмеченные жирным шрифтом структуры имеют предельно минимальную форму, тем не менее все имеют конкретное речевое содержание и выполняют функции предложений. Они характерны для живой, эмоциональной речи людей, хорошо знакомых с освещаемой ситуацией. В письменной речи они оформляются автором в виде предложений. Обратим внимание на следующие односинтагмные предложения: **Однако, Вот в Америке, То есть, И, И?** и **Ага**.

Информация, предшествующая предложениям *Однако* и *Вот в Америке*, отражает психологическое давление на население с целью отвлечь его внимание от социальных проблем и стремительной криминализации общества. Данные предельно лаконичные предложения представляют возражение с последующим обращением к подобным ситуациям в жизни другой страны. Эти и другие отмеченные предложенческие структуры возможны и ясны только в данном речевом контексте. Причём ясны они лишь для людей, знакомых с развитием социальной ситуации на постсоветском пространстве в 90-е годы.

Предложение *То есть* после перечисления всех возможных трагических случаев с летальным исходом, освещаемых в СМИ, воспринимается следующим образом: *То есть = Иными словами, даже если ничего не случится, услужливые СМИ найдут, чем поугубить население, отвлечь его внимание от насущных социальных проблем и сделать равнодушным, безучастным, разрозненным, развивая у него стадные чувства и действия.*

Повторяющееся предложение *И (И. И.)*, во-первых, отражает эмоциональное состояние автора, а во-вторых, передаёт конденсированное содержание ‘*И вот к чему пришли. И вот что получили в связи с этим*’.

Предложение *И?* представлено союзом, отражающим одно из грамматических значений, характерных при сочинении структур с этим союзом. Общие отношения – соединительные. Но возможно несколько грамматических значений: одновременности действий, их последовательности, причинно-следственные. Возможны также противительные или уступительные значения. Так что возможна передача разных видов отношений. И любое из них может составить основу содержания конденсированного предложения, которое определяется предыдущим и последующим контекстом. В данном случае на основе сопоставления предложение отражает значение следствия. Проверим:

У нас был тоталитаризм и социализм, были запрещены тупыми и непререкаемыми правителями – демократия, либерализм, права человека, свобода слова, капитализм. И жили мы плохо. А «там» люди жили гораздо лучше, свободнее, богаче, разнообразнее. И?

Здесь речевая предложенческая вопросительная структура *И?* соотносится с очевидным вопросом: *И что же из этого сопоставления следует?* Содержание конденсированного предложения *И?* поясняется автором следующим образом: (*И* следует из этого, что) *Слова, термины и понятия стали фетишами русской интеллигенции! Демократия, рынок, свобода! Это благо, это хорошо, это правильно.*

Аллюзивный момент в том, что читатель хорошо знаком с описываемой ситуацией и уже реально её оценивает. Он осознаёт, что вместе с тем всё это было ошибочно – для одних и откровенно лживо – для других, и поэтому вскоре стало социально уродливым фарсом. Вместо реальных действий, реального изменения жизни к лучшему, была всего лишь шулерская игра в красивые, правильные слова, преследующая исключительно личные или клановые интересы. Всё вылилось в обман народа, в очередной способ личного обогащения для кучки людей, играющих актуальными словами.

Подобные предложенческие речевые структуры в системе языка не имеют никакого статуса. Потому что в языке они не освещались даже как гипотетические предложения. Но в конкретном тексте это, несомненно, предложенческие структуры. Они ситуативно содержательны. Автором определяется их предложенческий статус в тексте, т. е. в той сфере, в которой они выделены и функционируют. Квалифицируются они по формуле:

сфера употребления (речь) → функции (в контексте) → речевой статус

Каждое из отмеченных жирным шрифтом предложений структурно соответствует одной синтагме. По авторскому замыслу, по его интуиции содержание каждого из них – вне какого-либо сомнения. Они представлены как истины, которые невозможно

опровергнуть по причине их очевидности для автора и читателя. Это однозначные факты, аксиомы. Автором использованы предложения минимальной структуры, а эффект от них значительный. Они как выстрелы: невозможно их не услышать и не понять. Они способствуют динамизму речи, эмоциональной оценке происшедшего, а сведущему читателю, кроме того, дают простор для мышления и ассоциаций. Уместно вспомнить, что стремление к эмоциональности и экспрессивности – одна из основных тенденций, объективно действующих в речи в целом и в публицистике в частности [9, с.109].

Конечная односоставная предложенческая структура *Ага*, имеющая междометную природу, передаёт контекстуальное содержание: *‘Ага, не такие они дураки, чтобы это делать’*. В нём с сарказмом представлено конденсированное выражение жизненного опыта, позиции, характера действий и социального приспособленчества людей, которые говорят о себе как об интеллектуальной элите общества, но на самом деле являются обычными ушлыми приспособленцами: *В гости, в отпуск, на смотрины, подзаработать, чем-то поживиться – пожалуйста, а так – нет... Ага (= они не дураки!)*.

На материале речевых структур книги М. Веллера мы видим, что у него не синтагмы ориентируются на структуру и развёрнутое содержание предложений, а, наоборот, структура и содержание предложений для убедительности передаваемой информации ориентируется на структуру **однозначных, предельно доступных для восприятия синтагм**. В результате этого достигаются высокая степень однозначности речи, её экспрессивность и убедительность. Автор использует не только логические, но и речевые, структурные средства аргументации. Это максимально связывает речевые структуры с отражаемой ситуацией, усиливает коннотативную оценку ситуации речи. Функцию предложения выполняет синтагма. Причём часто оно имеет такие конденсированные формы, которые в отдельности не могут претендовать ни на статус предложения, ни на его главное грамматическое значение – предикативность. Но в речи, каждая из них коммуникативна и, безусловно, выполняет функцию предложения, а значит, имеет его статус и значение предикативности, передаваемое окружающим контекстом. Они наглядное подтверждение тому, что речь имеет синтагматическую основу. В контексте их речевая форма и содержание воспринимаются читателем без особых затруднений. Это такие же естественные и закономерные предложенческие структуры, как, например, и ответная реплика из диалога: – *Ты будешь пить чай с сахаром или без сахара?* – *Без*.

Кроме того, данные предложенческие структуры свидетельствуют о том, что конденсированные предложения возможны не только в диалоге, но и монологе.

Выводы. Анализ публицистической речи подтверждает тот факт, что слова как самостоятельные обобщенные единицы системы языка не являются непосредственными строительными компонентами речи и интонационно не разграничиваются её субъектом.

Исходными единицами речи являются синтагмы: именно они в процессе речи подвергаются авторской делимитации, благодаря чему осознаётся значение каждой из них.

Количество компонентов в синтагме находится в диапазоне от одного до девяти.

Морфологическая природа синтагм определяется по частеречной принадлежности их ключевых слов. Она может быть именная, глагольная, наречная. В роли синтагмы могут выступать служебные части речи, которые получают при этом конкретное речевое содержание. Наиболее часто используются именные, глагольные и наречные синтагмы.

Синтагматическая теория речи наиболее соответствует всем видам речевой деятельности, поэтому подлежит тщательному изучению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. – М.: Просвещение, 1964. – С. 73–104.
2. Виноградов В. В. Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л. В. Щербы // В. В. Виноградов // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880–1944). – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.А. Жданова, 1951. – С. 31–62.
3. Фоменко Ю. В. О дихотомии «язык – речь» / Ю. В. Фоменко // Мифы современной лингвистики. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. – С. 8–22.
4. Филатова Е. В. Типологические признаки синтагмы в русской и английской речи / Е. В. Филатова // STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA Т. 13, Вып. 1–2 / 2017. – Донецк. – С. 197–209.
5. Филатов В. А. Объём и активность синтагм в русской речи / В. А. Филатов, Е. В. Филатова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4. – С. 35–41.
6. Влавацкая М. В. Комбинаторная лингвистика: аспекты изучения сочетаемости слов / М. В. Влавацкая. – Новосибирск: НГТУ, 2016. – 244 с.
7. Виноградов В. В. Вопросы изучения словосочетаний (На материале русского языка) / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. – С. 231–253.
8. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. – С. 53–87.
9. Калашникова А. Р. Синтагма как основная единица ритма прозаического текста (на материале газетной публицистики) / А. Р. Калашникова // Известия Волгоградского государственного университета, № 9-10 (104), 2015. – С. 109–116.

Поступила в редакцию 21.04.2017 г.

**A WORD OR A SYNTAGM: A MINIMAL SPEECH UNIT AND ITS MORPHOLOGICAL NATURE
(BASED ON THE BOOK “THE GREAT LAST CHANCE” BY M. VELLER)**

Ye.V. Filatova, V.A. Filatov

The article addresses the relations of a word and a syntagm in the process of speech production, and sentence formation in particular. The research is based on the clear-cut distinction of the spheres of language and speech as well as their typical units. Correlations between morphological nature of syntagmas, their length, structure and frequency of use in speech including the function of sentences are considered.

Key words: word, syntagm, syntagm length, a syntagm key word, morphological nature of syntagm, sentence.

Филатова Елена Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк
e-mail: taranushchenko@mail.ru

Filatova Yelena Vladimirovna

Candidate of Philology, Associate Professor
Donetsk National University
e-mail: taranushchenko@mail.ru

Филатов Владимир Аниканович

Кандидат филологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк
e-mail: anikanych@yandex.ua

Filatov Vladimir Anikanovich

Candidate of Philology, Associate Professor
Donetsk National University
e-mail: anikanych@yandex.ua

УДК 821.111-31.09

**ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОРТРЕТА
И ОБРАЗА В РОМАНЕ ДЖ. КОНРАДА «ЛОРД ДЖИМ»**© 2017. *Е.Е. Герасименко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Выявлены и проанализированы элементы интермедиальности, определяющие принадлежность творчества Дж. Конрада к эпохе синкретического искусства. Установлено взаимодействие повествовательной и изобразительной «техники» создания образов, актуализируемое визуально-словесным изображением персонажей (портретирование, колористика, детализация, композиционное оформление). Доказано, что синтетическая (литературно-изобразительная) организация романа проясняет основополагающую идею существования «окружения» главного героя и жизненности его на примере «Лорда Джима».

Ключевые слова: визуально-словесный образ, изобразительность, импрессионизм, интермедиальность, портретирование, синтетизм.

В широком смысле под *интермедиальностью* принято понимать особый тип отношений, возникающих между различными медиа. По мнению Клауса Клувера, интермедиальность следует рассматривать как всеобъемлющий феномен, который включает в себя отношения, темы и вопросы, традиционно рассматриваемые в рамках проблемы взаимодействия искусств [8]. Подобным образом трактует интермедиальность и Н.А. Кузьмина: как взаимодействие знаковых систем (языков, кодов) разных искусств, создающих целостность художественно-эстетического произведения (фильма, картины, музыкального произведения, литературного текста и т. п.) [4]. Некоторые исследователи утверждают, что интермедиальность образовалась на пересечении двух понятийных областей – интертекстуальности и взаимодействия искусств (*interart*) [7, с. 41]. В то же время общепризнанным считается утверждение, что интермедиальность не сводится к проблеме заимствований и влияний.

В статье «Проблема корреляции словесного и изобразительного искусств на примере русского модерна» (1983) О. Ханзен-Лёве разграничил понятия интертекстуальности и интермедиальности, определяя термин *Intermedialität* как «перевод (с одного языка искусства на другой) в рамках одной культуры, либо объединение между различными элементами искусства в мономедийном (литература, живопись и др.) или мультимедийном (театр, кино и др.) тексте <...>» [10, с. 292]. А уже в 2006 году автор окончательно приходит к определению термина «интермедиальности», обозначая его как перевод с одного языка искусства на другой (в рамках одной культуры), объединение между различными видами искусства мономедийном тексте (литература, живопись) или мультимедийном (кино, театр).

Теория интермедиальности постоянно пребывает в стадии непрерывного развития. Она испытывает потребность в обогащении, разработке новой модели, содержащей в себе различные подходы, которые будут применяться в исследованиях интермедиальных практик.

Одной из насущных проблем теории интермедиальности в настоящее время является интермедиальный анализ и поиск универсального метода для его осуществления (см.: [6], [11]). Отсюда, перед исследователем встают две проблемы: первая – отсутствие отработанных методик анализа невербальных произведений

искусства, и вторая – синтетический характер интермедиального анализа, который заключается в выявлении и интерпретации связей и отношений между разными видами искусства, взаимодействующими в пространстве произведения.

Предметом исследования данной статьи являются элементы интермедиальности в романе Дж. Конрада «Лорд Джим» (1900), относящемся к эпохе синкретического искусства. По утверждению Б.М. Проскурнина романы Дж. Конрада представляют собой «любопытнейшее „смещение“ реализма, неоромантизма, литературного импрессионизма, модернистского солиптического повествования, построенного на глубоком психологическом анализе <...>» [5, с. 124]. Поэтика романа во многом основывается на совмещении словесного и живописного изображения пейзажа и синестетическом видении образов персонажей, которые ранее не становились предметом специального исследования.

Цель работы заключается в экспликации взаимодействия двух основных художественных систем романа – литературной и живописной, с помощью которых писатель создаёт специфические визуально-словесные образы. Интермедиальный анализ романа позволяет определить особенности творческой манеры Дж. Конрада, обнаружить доминантные средства и приемы, обуславливающие синестезию, что, в свою очередь, способствует восстановлению целостной картины мира писателя.

Признание самого Дж. Конрада в «живописности» литературного произведения содержится в его предисловии к роману «Негр с «Нарцисса» (1897). Главной задачей всякого писателя он считает выхватывание «из безжалостного движения времени отрезка жизни», задерживание его «перед всеми взорами в свете неподдельного настроения», демонстрирование «его трепета, его цвета, его формы». По мнению Конрада, обнажить истинную суть «отрезка жизни» – значит «открыть его воодушевляющую тайну; напряжение и страсть, лежащие в основе каждого впечатляющего мгновенья» [3, с. 209]. Сосредоточенность взгляда писателя на детальном описании природы, подробностях внешнего облика персонажей, композиционном построении словесной «картины» оказываются сродни взгляду художника, стремящегося «остановить мгновение».

Живописный пласт интермедиальности романа «Лорд Джим» представлен двумя жанрами изобразительного искусства: пейзаж и портрет. Автор своеобразно создаёт портретные зарисовки главных, второстепенных и эпизодических персонажей, а также изображает групповые образы, которые обуславливают развитие сюжетного действия, расширяют пространство каждого персонажа. Характеристика конкретных действующих лиц с разных позиций (к примеру, основного рассказчика, Марлоу или самого Джима) осуществляется Конрадом посредством портретирования, а именно: изображения фигуры, лица, одежды, движений, жестов и манер.

Что касается индивидуальных портретов Джима, шкипера «Патны», Джюэл, Корнелиуса, Дорамина и других персонажей, то они словно «настроены» на зрительное восприятие образов. При этом автор пользуется стандартным набором художника, учитывая колорит, светотень, расположение фигуры, объем и т.п. Так, в описании внешности шкипера «Патны» вызывает внимание объёмность (акцентирование невероятной толщины персонажа), а также описание элементов одежды и цветовой гаммы костюма: *Костюм его был экстравагантно красочный: запачканная пижама с ярко-зелеными и густо-оранжевыми полосами, рваные соломенные туфли на босу ногу и чей-то очень грязный и выброшенный за ненадобностью пробковый шлем <...>* [2, с. 39]; *He was extravagantly gorgeous too – got up in a soiled sleeping-suit, bright green and deep orange vertical stripes, with a pair of ragged straw slippers on his bare feet, and*

somebody's cast-off pith hat <...> [9].

Здесь «красочность» костюма шкипера носит вовсе не дикарский экзотический характер, в чём-то даже привлекательный для пресыщенного европейского вкуса. Наоборот, в нем доминируют черты неряшества и запущенности как своего рода издержек цивилизации белых.

В портрете малайца Дорамина автором учтены его монументальные размеры (*неимоверно толст, но не казался жирным / His bulk for a Malay was immense, but he did not look merely fat*); «картинная» неподвижность (*его неподвижность (опустившись на стул, он редко шевелился) казалась исполненной достоинства / His impassive repose (he seldom stirred a limb when once he sat down) was like a display of dignity*); цветистость одежды (*цветные шелка / coloured silks, золотые вышивки / gold embroideries, красный с золотом платок / red-and-gold headkerchief*). Особое внимание сконцентрировано здесь на детальном изображении лица: *огромная голова / this huge head; плоское, большое, широкое лицо, изборожденное морщинами; две полукруглые глубокие складки, начинающиеся у широких раздутых ноздрей и окаймляющие рот с толстыми губами; бычья шея; высокий морщинистый лоб над пристальными гордыми глазами* <...> [2, с. 255]; *the flat, big, round face, wrinkled, furrowed, with two semicircular heavy folds starting on each side of wide, fierce nostrils, and enclosing a thick-lipped mouth; the throat like a bull; the vast corrugated brow overhanging the staring proud eyes* <...> [9].

Статическое изображение персонажа можно расценивать не только как портрет, «списанный» с натуры Джимом, временно берущим на себя роль рассказчика, но и как скрытое описание конкретной картины, название которой следует угадать читателю-интеллектуалу. Данная позиция характерно свойственна Джозефу Конраду. Финальное изображение-описание Джюэл оформляет точечное пространство – дом Штейна. Портрет девушки в антураже комнаты отображает взгляд рассказчика Марлоу, увидевшего «<...> девушку, сидевшую за большим столом красного дерева, голову она опустила на стол, а лицо закрыла руками. Навощенный пол, будто полоса льда, тускло ее отражал. Тростниковые жалюзи были спущены, и сумеречный свет в комнате казался зеленоватым от листвы деревьев снаружи; сильный ветер налетал порывами, колебля длинные драпри у окон и дверей. Её белая фигура была словно вылеплена из снега, свисающие подвески большой люстры позвякивали над её головой, как блестящие льдинки [2, с. 341]; <...> *the girl sitting at the end of a big mahogany table, on which she rested her head, the face hidden in her arms. The waxed floor reflected her dimly as though it had been a sheet of frozen water. The rattan screens were down, and through the strange greenish gloom made by the foliage of the trees outside a strong wind blew in gusts, swaying the long draperies of windows and doorways. Her white figure seemed shaped in snow; the pendent crystals of a great chandelier clicked above her head like glittering icicles* [9].

Художественная детализация внешнего вида героини (*картинная поза, белая фигура, её отражение*), окружающей обстановки (*тростниковые жалюзи, свисающие подвески люстры*) и колористика фона (*сумеречный зеленоватый свет, отсутствие черного цвета, зыбкость, цветные тени и пятна*) вызывают определенные ассоциации «картины» Дж. Конрада с портретами импрессионистов. Импрессионистическое видение писателя отображает соответствующая колористика: цветовая гамма с преобладанием зеленого, желтого, белого, розового и красного тонов, пятнистость, переливы красок, характерные для творческой манеры Огюста Пьера Ренуара («Обнажённая в солнечном свете» (1876), «Портрет Жанны Самари» (1877)) и Клода Моне («Прогулка. Женщина с зонтиком» (1875), «Жанна-Маргарита Лекард в саду» (1866)). Очевидно, что автор преследует две равнозначные цели: создать осознаваемую

читателем переключку литературного портрета с произведением живописи и совместить словесный образ с визуальным. Последнее можно интерпретировать не только как умышленное «перекодирование» сюжета картины (трансмедиальная интермедиальность), но и как своеобразную установку романа на синтетизм литературы-живописи.

Слияние словесного и изобразительного планов подтверждается описанием группы деревенских жителей, за которыми в день судебного следствия наблюдает Марлоу. Сопоставление персонажной группы с хромолитографией и дополнения, привнесённые рассказчиком, можно трактовать как экспликацию живописного видения Марлоу и совмещённого восприятия литературы-живописи: *В тени одинокого дерева во дворе суда деревенские жители <...> сидели живописной группой, напоминая хромолитографию лагеря в книге о путешествии по Востоку. Не хватало только неизбежных клубов дыма на переднем плане да вьючных животных, пасущихся поодаль. Сзади, нависая над деревом, поднималась жёлтая стена, отражая солнечный свет* [2, с. 156]; *Under the shade of a lonely tree in the courtyard, the villagers <...> sat in a picturesque group, looking like a chromo-lithograph of a camp in a book of Eastern travel. One missed the obligatory thread of smoke in the foreground and the pack-animals grazing. A blank yellow wall rose behind overtopping the tree, reflecting the glare* [9].

Одной из важных «составляющих» образов повествователей в «Лорде Джиме» является умение совмещать дар слова (ситуация рассказывания) со способностью увидеть, словно наяву, и изобразить участников событий, место действия, пейзаж и пр. Эта роль возложена на ключевые фигуры: основной рассказчик, Марлоу и Джим. При этом главный повествователь неоднократно акцентирует внимание читателя на умении Марлоу **видеть (созерцать)**, благодаря которому ему передоверяется повествование: *Я видел под прозрачным куполом неба этих четырех человек, окружённых пустыней моря, <...>* [2, с. 123]; *I could imagine under the pellucid emptiness of the sky these four men imprisoned in the solitude of the sea <...>* [9]; *я отчётливо видел перед собой его, вызывающего ко мне, – видел, словно символическую фигуру на картине* [2, с. 132]; *he would appear to my staring eyes distinct of form and pregnant with vague appeal like a symbolic figure in a picture* [9]; *<...> на улицах смешение красок, словно в испорченном калейдоскопе: жёлтой, зеленой, синей, ослепительно белой; коричневое обнажённое плечо; повозка с красным навесом* [2, с. 155]; *the streets full of jumbled bits of colour like a damaged kaleidoscope: yellow, green, blue, dazzling white, the brown nudity of an undraped shoulder, a bullock-cart with a red canopy* [9] и т.д. В указанных фрагментах визуализация рассказчика подчеркнута сравнением: *словно... фигуру на картине (like a ... figure in a picture)* и цветовидением образов, составленных из смешения красок (*jumbled bits of colour*).

Групповые зарисовки паломников на «Патне», представленные с общей (совместной) точки зрения Джима и Марлоу, напоминают процесс разглядывания произведения живописи со сложной композиционной структурой. Так, спящие фигуры паломников «оживают», обретают движение посредством интенсивного наполнения деталями: 1) пространственная разбросанность для актуализации изображаемого места (*паломники взыскательной веры спали на циновках, на одеялах, на голых досках, на всех палубах, во всех тёмных углах / the pilgrims of an exacting faith slept on mats, on blankets, on bare planks, on every deck, in all the dark corners*); 2) воссоздание портретных изображений – одежды, фигуры, поз, положения головы и рук (*спали, завернутые в окрашенные ткани, закутанные в грязные лохмотья, а головы их покоились на маленьких узелках, и лица были прикрыты согнутыми руками / wrapped in*

dyed cloths, muffled in soiled rags, with their heads resting on small bundles, with their faces pressed to bent forearms); 3) указание возраста и пола изображаемых лиц, спящих вповалку (*спали мужчины, женщины, дети, старые вместе с молодыми, дряхлые вместе с сильными / the men, the women, the children; the old with the young, the decrepit with the lusty*).

Симптоматично, что в перечне действующих лиц, представленном в финале, внешние признаки персонажа (портрет) уступают место сжатой и краткой внутренней характеристике (содержание образа): *Огромный и величественный Дорамин и маленькая добродушная его жена, <...> втайне лелеющие свои честолюбивые родительские мечты; Тунку Алланг, сморщенный и недоумевающий; Даин Уорис, умный и храбрый, с его твёрдым взглядом, иронической любезностью и верой в Джима; девушка, поглощённая своей пугливой, подозрительной любовью; Тамб Итам, угрюмый и преданный; Корнелиус, при лунном свете прижимающийся лбом к изгороди, – в них я уверен [2, с. 324]; The immense and magnanimous Doramin and his little motherly witch of a wife, <...> nursing secretly their dreams of parental ambition; Tunku Allang, wizened and greatly perplexed; Dain Waris, intelligent and brave, with his faith in Jim, with his firm glance and his ironic friendliness; the girl, absorbed in her frightened, suspicious adoration; Tamb' Itam, surly and faithful; Cornelius, leaning his forehead against the fence under the moonlight – I am certain of them [9]. Темне менее, оценивание этих лиц сохраняет черты изобразительности, поскольку все они **группируются** вокруг Джима, который воспринимается не только как главный герой романа, но и как композиционный центр монументального живописного полотна.*

Синтетическая (литературно-изобразительная) организация романа проясняет основополагающую идею **существования** «окружения» Джима и его собственной жизни (точнее, **жизненности**): *Они существуют как бы по мановению волшебного жезла. Но тот, вокруг которого все они группируются, – он один поистине живёт, и в нём я не уверен. Никакой жезл волшебника не может сделать его неподвижным. Он – один из нас [2, с. 324]; They exist as if under an enchanter's wand. But the figure round which all these are grouped – that one lives, and I am not certain of him. No magician's wand can immobilise him under my eyes. He is one of us [9].* Контраст между статичными («служебными») персонажами и «подвижным», динамичным героем ознаменовывает неисчерпаемость многогранной личности Джима – *одного из нас*.

Проведённый анализ дает основание утверждать, что роман «Лорд Джим» «настроен» на визуально-словесное изображение и восприятие образов, что свидетельствует о синкретической картине мира Джозефа Конрада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вальцель О. Импрессионизм и экспрессионизм в современной Германии: 1890–1920 / О. Вальцель // Walzel O. Die deutsche Dichtung seit Goethes Tod. – 2-te Aufl. Berlin: Askanischer Verlag, 1920.
2. Конрад Дж. Лорд Джим / [пер. с англ. А. Кривцовой]. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2005. – 415 с.
3. Джозеф Конрад о литературе / составление, перевод и комментарии М. Соколянского и В. Цыбульской // Вопросы литературы. – 1978. – № 7. – С. 202–227.
4. Кузьмина Н.А. Интермедальность современной лирической книги: закономерность или стратегия? / Н.А. Кузьмина // Поликодовая коммуникация: лингвокультурные и дидактические аспекты: сборник научных статей. – СПб., 2011. – С. 21–23.
5. Проскурнин Б.М. Реализм? Неоромантизм? Модернизм? Взгляд на роман Дж. Конрада «Лорд Джим» / Б.М. Проскурнин // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 2(8). – С. 119–125.

6. Тишунина Н.В. Западно-европейский символизм и проблема взаимодействия искусств : опыт интермедийного анализа [монография] / Н.В. Тишунина. – СПб. : Изд-во РГПУ, 1998. – 160 с.
7. Хамина А.А. Теория интермедийности в контексте современной гуманитарной науки / А.А. Хамина, Н.Н. Зильберман // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – Вып. 389. – С. 38–45.
8. Clüver Claus. Intermediality and Interarts Studies / Claus Clüver // Changing Borders: Contemporary Positions in Intermediality / eds. by Jens Arvidson, Mikael Askander, Jørgen Bruhn, Heidrun Führer. Lund : Intermedia Studies Press, 2007. – P. 19–37.
9. Conrad J. Lord Jim [Электронный ресурс] / J. Conrad. – Режим доступа: <http://www.classicreader.com/book/2014/25/>
10. Hansen-Love A. Intermedialität und Intertextualität : Probleme der Korrelation von Wort und Bildkunst – am Beispiel der russischen Moderne / A. Hansen-Love // Wiener Slawistischer Almanach. – Wien, 1983. – Sbd. 11. – P. 291–360.
11. Icons – text – iconotexts: essays on ekphrases and intermediality (by Peter Wagner). – Berlin, NY: de Gruyter & Co, 1996. – P. 262–280.

Поступила в редакцию 23.05.2017 г.

INTERMEDIAL ASPECT OF ARTISTIC PORTRAITURE AND IMAGE IN THE NOVEL “LORD JIM” BY JOSEPH CONRAD

Ye. Ye. Gerasimenko

The article deals with the elements of intermedia, which identify Joseph Conrad as a syncretic art author. The interaction of the narrative and graphic, visual “technique” is established, which is made actual by visually-verbal depiction of characters, namely, portraiture, colouristics, explicitation, compositional arrangement. It is proved that the synthetic (i.e. literary-graphic) structure of the novel clarifies the basic concept of existence of the main character environment and its authenticity.

Key words: visual-verbal image, figurativeness, impressionism, intermedia, portraiture, synthetism.

Герасименко Екатерина Евгеньевна

Преподаватель кафедры английского языка для
экономических специальностей
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк
e-mail: iya-rosh@yandex.ru

Gerasimenko Yekaterina Yevgenyevna

Teacher of the Department of English Language for
Economic Specialities
Donetsk National University
e-mail: iya-rosh@yandex.ru

УДК 811.111'373.2

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ РАЗРЯДЫ ПОЭТОНИМИКОНА ДИЛОГИИ КЕНА ФОЛЛЕТТА «СТОЛПЫ ЗЕМЛИ» И «МИР БЕЗ КОНЦА»

© 2017. *Е.В. Минина*

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка

Статья посвящается изучению периферийных разрядов поэтонимов дилогии Кена Фоллетта «Столпы Земли» и «Мир без конца». В работе исследованы понятия *хрематоим* и *эргоним*, проанализированы структурно-семантические, этимологические и функциональные особенности хрематопоэтонимов и эргопоэтонимов в романах Кена Фоллетта. В ходе изучения хрематопоэтонимов и эргопоэтонимов установлено, что, являясь периферийными разрядами поэтонимикона писателя, они играют важную роль в художественном произведении.

Ключевые слова: поэтонимикон, периферийный разряд, хрематопоэтоним, наутоним, эргопоэтоним.

Изучение поэтонимикона художественного произведения невозможно без исследования всех элементов его поэтонимосферы. Известно, что основную семантическую и функциональную нагрузку в литературном тексте несут антропоэтонимы и топопоэтонимы, исследованию которых посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных ученых (Горенко Е.П., Захаровой М.А., Правдиковой А.В., Зориной А.В., Вартановой О.А., Луговой Е.А., Соколовой А.В., G. Alvarez-Altman, R.N. Ashley Leonard и многих других). Несмотря на то, что некоторые исследователи (в частности Петренко О.Д., Бережная М.В., Новичков А.А.) фокусируют внимание на анализе всего ономастикона художественного произведения, все же в большей степени сводят анализ к описанию, в основном, антропоэтонимов и топопоэтонимов. Актуальность данной работы связана с недостаточной изученностью периферийных (фоновых) семантических разрядов поэтонимов в художественном произведении. В ранних работах мы уже характеризовали зоопоэтонимы, библиопоэтонимы и идеопоэтонимы дилогии Кена Фоллетта «Столпы Земли» и «Мир без конца», поэтому целью данной работы является комплексный анализ структурно-семантических, этимологических и функциональных особенностей таких периферийных разрядов поэтонимов как хрематопоэтонимы и эргопоэтонимы. Являясь вспомогательными, они не менее важны и функциональны в нити литературного произведения.

На наш взгляд, целесообразно рассмотреть оба этих разряда в одной работе, поскольку, по словам Е.Ю. Карпенко, в Чехии, Словакии, Болгарии, Македонии зарубежные исследователи в термин «хрематоимы» вкладывают очень широкий смысл, относя к ним и эргонимы [1, с. 199-200]. Чешский исследователь Милан Гарвалик также отмечает, что ученые по-разному определяют хрематоимы и предлагают их разные классификации. Он также подтверждает широкий смысл хрематоимов в славянской ономастике, поскольку хрематоимия не имеет такой долгой традиции как, например, антропонимика и топонимика [2, с. 6]. Е.Ю. Карпенко отмечает, что хрематоимы и эргонимы – это разряды, которые различаются экстралингвистической действительностью, и объясняет объединение двух разрядов в один тем, что хрематоимия уже изучена достаточно хорошо, а эргонимия, наоборот, недостаточно [1, с. 200]. В отличие от зарубежных исследователей, в понимании терминов

«хрематонимы» и «эргонимы» мы будем полагаться на определения отечественных исследователей, распределяя их в два разных семантических разряда, хотя следует отметить, что среди отечественных ономастов нет единого определения данным терминам. Ученый А.В. Суперанская определяет хрематонимы как «имена отдельных неодушевленных предметов (оружия, посуды, драгоценностей, музыкальных инструментов и т.д.)» [3, с. 190] и не включает в их разряд названия средств передвижения: парашютов, лодок, яхт, космических кораблей, самолетов, принадлежащих к отдельному разделу ономастики, у которого нет специального названия [3, с. 191]. Также она считает, что не имеют специального именования и названия предприятий, учреждений, обществ, объединений, которые «обозначают предприятия как особые единицы большего порядка, а не как сумму членов их коллективов и не как здания, в которых они располагаются» [3, с. 194]. Создатель «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольская определяет хрематоним как «собственное имя уникального предмета материальной культуры, произведенного или приобретенного руками человека, в том числе название оружия, музыкального инструмента и т.д.» [4, с. 146], а эргонимы – как «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, компании, предприятия, общества и т.д.» [4, с. 151]. По нашему мнению, наиболее правомерной является точка зрения Е.Ю. Карпенко, занимающейся тщательным изучением хрематонимии и эргонимии. В определении хрематонимов исследовательница придерживается традиционной точки зрения, утверждая, что они являются именами собственными предметов, не важно изготовленных людьми или появившихся естественным путем. Она также отмечает, что хрематонимы могут менять свое место или же перемещаться [1, с. 208]. В связи с данным утверждением считаем, что к разряду хрематонимов можно смело отнести порейонимы (названия транспортных средств), и в частности наутонимы – «вид порейонима, обозначающий названия кораблей» [4, с. 86]. Подход исследовательницы к определению эргонима также вполне целесообразный. В целом, определение Е.Ю. Карпенко исходит из определения Н.В. Подольской, но, в отличие от последней, ученый уверена, что эргонимия может включать любые объединения людей, а не обязательно деловые [1, с. 192]. Разделив данные поэтонимы на два разных разряда, вслед за Калинкиным В.М., автором монументальной работы «Поэтика онима» [5], будем именовать эти разряды хрематопозтонимами и эргопозтонимами.

Как мы уже отметили выше, хрематопозтонимы и эргопозтонимы являются фоновыми разрядами поэтонимикона дилогии Кена Фоллетта, чем и объясняется их небольшое количество. Вместе они насчитывают 10 единиц, 4 хрематопозтонима в 24 словоупотреблениях и 6 эргопозтонимов в 6 употреблении, и составляют 0,25% и 0,38% от всех поэтонимов дилогии соответственно. Хрематопозтонимы включают один однокомпонентный наутоним (*the Grace*), двухкомпонентный наутоним (*the White Ship*), двухкомпонентное название ткани (*Kingsbridge Scarlet*) и название настенной живописи (*Christ Risen*). Наутоним *the Grace*, вымышленный хрематопозтоним, обязан своим названием апеллятиву *grace* (от англ. «грация, изящество») за свои изящные закругленный нос и корму, а писатель в контексте произведения дает понять, что *the Grace* – это не что иное как наутоним: «*the Grace, which was a cog – a broad-built cargo ship with rounded prow and stern*» [6, с. 539]. Следует также отметить, что наутонимы обычно являются отражением истории, политики, характеров, вкусов определенной эпохи или исторического периода. Двухкомпонентный наутоним *the White Ship* является реальным названием и именно с ним связаны все события романа «Столпы Земли». Кен Фоллетт не случайно выбрал реальное название корабля, отобразив таким

образом реальность событий, о которых идет речь в произведении. Известно, что с затонувшим кораблем *the White Ship* неразрывно связаны события Средневековья в Англии в середине XII века: период анархии и гражданских войн в борьбе за власть. На этом корабле должен был вернуться в Англию король Генрих I, но ему предложили другой корабль, и он решил передать *the White Ship* своему потомку Вильгельму. Корабль, построенный по последнему слову техники, считался одним из лучших в Нормандии. Вместе с Генрихом I в Англию должны были вернуться многочисленные придворные и аристократы, в том числе его кузен Стивен, который в последний момент отказался это делать из-за проблем со здоровьем. Корабль отчалил поздно ночью и наткнулся на скалу недалеко от Барфлера, в результате чего затонул вместе со всеми пассажирами, включая наследника престола. Именно это событие и вызвало борьбу за власть между дочерью Генриха I Матильдой (*Maud* в произведении Кена Фоллетта) и его племянником Стивеном после его смерти [7]. Кен Фоллетт довольно правдоподобно воссоздал все эти события, исключением стали несколько эпизодов. А именно спасение одного из пассажиров корабля, которым по историческим данным был мясник [7], но в произведении Кена Фоллетта этим человеком оказался отец главного героя Джека – менестрель Джек Шербург, на этой завязке построен весь дальнейший сюжет романа «Столпы Земли». И второй эпизод произведения, правдивость которого несколько расходится с исторической действительностью, – саботаж корабля, на котором находился наследник Вильгельм, на что намекает и подразумевает Кен Фоллетт в своем произведении. Некоторую энциклопедическую информацию об этих событиях писатель предоставляет в контексте произведения: «*The king's son had died in the wreck of a ship called **the White Ship**, just off Cherbourg*», «*I remember **the White Ship** ... That was a famous disaster. The heir to the throne was drowned*», «*Everyone was thought to have drowned*» [8, с. 106, 788, 809].

Следующий хрематопоэтоним, название ткани *Kingsbridge Scarlet*, состоит из двух элементов, первый *Kingsbridge*, выраженный топопоэтонимом, указывает на место изобретения и изготовления этой ткани, а второй *Scarlet* (от англ. «алый») – на цвет этой ткани. В составе модели отсутствует компонент *cloth* (от англ. «ткань»), но контекст способствует определению данного хрематопоэтонима: «... *but most of the cloth was sold in the market. Indeed it had become known as **Kingsbridge Scarlet***» [6, с. 528]. Определение еще одного хрематопоэтонима становится возможным также благодаря контексту: «... *and see a woman in the north aisle, on her knees, in front of a wall painting of **Christ Risen***» [6, с. 656], где *wall painting* (в переводе с англ. «настенная живопись») указывает на то, что хрематопоэтоним *Christ Risen* является названием произведения искусства. Компонентный анализ хрематопоэтонима *Christ Risen*, где *Christ* (от англ. «Христос») и *Risen* (третья форма глагола *rise* (от англ. «подниматься, воскресать»)) позволяет установить, что данный хрематопоэтоним обозначает «Воскресение Христа».

Эргопоэтонимы представлены однокомпонентными, двухкомпонентными и многокомпонентными моделями. Как мы уже отметили, к эргопоэтонимам следует относить все объединения людей, в том числе и политические, социально-общественные и религиозные. Все однокомпонентные эргопоэтонимы носят политический характер, так *Parliament* (от англ. «парламент») является высшим законодательным органом Великобритании, который еще в эпоху Средневековья состоял из *the Lords* (от англ. «Палата лордов») – аристократической верхушки и *the Commons* (от англ. «Палата общин») – рыцарей, духовенства и торговцев [6, с. 261]. Двухкомпонентные социально-общественные эргопоэтонимы *the Wool Company* (от англ. «шерстяное общество») и *Commission of Laborers* (от англ. «комиссия рабочих»)

состоят из апеллятивных элементов, которые свидетельствуют об основном направлении деятельности этих эргопоэтонимов, но в контексте писатель подчеркивает основную цель обоих объединений: «*The ban on exports will be lifted shortly ... The merchants of the Wool Company in London are negotiating with royal officials ...*», «*You are talking about a sort of Commission of Laborers ... Appoint a panel in each county, a dozen or so men who go from place to place ferreting out runaways*» [6, с. 74, 772].

Многокомпонентный эргопоэтоним *the Knights of Saint Thomas of Acre* представляет собой военно-религиозное объединение людей, а именно христианский католический военный орден, в состав которого входили монахи-рыцари: «*There was even a new order of monks-knights in the Holy Land called the Knights of Saint Thomas of Acre*» [8, с. 1075], который был назван в честь Святого мученика Томаса Кентерберийского [9].

Подытоживая сказанное, отметим, что разряды хрематопоэтонимов и эргопоэтонимов не являются основополагающими в поэтонимиконе дилогии «*Столпы Земли*» и «*Мир без конца*», но, бесспорно, именно они играют важную роль в создании сюжета произведения, воспроизведении реальности исторических событий изображаемой эпохи и изображении колорита средневековой Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпенко О. Ю. Проблематика когнитивной ономастики. Монография / О. Ю. Карпенко. – Одеса : Астропринт, 2006. – 378 с.
2. Гарвалик М. К вопросу о современной ономастической терминологии / М. Гарвалик // Вопросы ономастики. – № 4. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2007. – С. 5-13.
3. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
5. Калінкін В. М. Поетика оніма / В. М. Калінкін. – Донецьк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.
6. Follett Ken *World Without End* / K. Follett. – New York : New American Library, 2008. – 1015 p.
7. www.britannia.com – [Электронный ресурс]. – 12.10.2017. – Режим доступа [http://www.britannia.com/history/bb1120.html]
8. Follett Ken *The Pillars of the Earth* / K. Follett. – London : Pan Books, 1990. – 1076 p.
9. www.the-orb.net – [Электронный ресурс]. – 12.10.2017. – Режим доступа [http://www.the-orb.net/encyclop/religion/monastic/st._thos.html]

Поступила в редакцию 24.08.2017 г.

PERIPHERAL CLASSES OF POETONYMICON IN KEN FOLLETT'S DILOGY "THE PILLARS OF THE EARTH" AND "WORLD WITHOUT END"

Ye. V. Minina

The article focuses on the study of peripheral classes of poetonymy in Ken Follett's diology "The Pillars of the Earth" and "World without End". The terms *chrematonym* and *ergonym* are considered in the research. The structural, semantic, etymological and functional characteristics of chrematopoetonyms and ergopoetonyms in Ken Follett's novels are analysed. The analysis of chrematopoetonyms and ergopoetonyms proves their significance in a literary work in spite of their peripheral status in the novels in question.

Key words: poetonymicon, peripheral class, chrematopoetonym, nautonym, ergopoetonym.

Минина Елена Владимировна

Старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка.
e-mail: goltsmanelena@mail.ru

Minina Yelena Vladimirovna

Senior Lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation
Educational establishment of higher professional education "Gorlovka Institute of Foreign Languages"
e-mail: goltsmanelena@mail.ru

УДК 811.111-26+ 81'373.47

РАЗВИТИЕ СЕМАНТИКИ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ «УГРЮМОСТЬ» И «ЖЕСТОКОСТЬ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2017. Е. А. Морозенко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Данное исследование посвящено изучению семантики прилагательных с семой «характер», в частности прилагательных со значением «угрюмость» и «жестокость». Выявлены особенности возникновения и развития оценочного значения в семантике прилагательных, вербализующих такие отрицательные черты характера как угрюмость и жестокость. Определены модели развития оценочного значения в древнеанглийский, среднеанглийский и новоанглийский периоды развития языка.

Ключевые слова: оценка, оценочное значение, типы оценочного значения, эволюция оценочного значения, сема «характер».

1. Вводные замечания. Статья посвящена изучению оценочных прилагательных со значением «угрюмость» и «жестокость», установлению особенностей их семантического развития с древнеанглийского по новоанглийский период, т.е. таких прилагательных как: *stern* “суровый” – 1. *of a person: severe, inflexible; rigorous in punishment or enforcing discipline* “о человеке: жестокий, непоколебимый, безжалостный в наказании или соблюдении дисциплины”, e.g.: *J. A. Michener: “A stern judge who had sentenced numerous persons to death”* ‘Суровый судья, приговоривший многих людей к смерти’ (OE); 2. *Of a personal attribute, action, utterance, etc.: strict, grim, harsh*, e.g.: *R. Harling “A stern reminder that my next day’s stint was still to do”* ‘Жестокое напоминание о том, сколько работы нужно сделать в последующие дни’ (ME) 3. *rigorous in adherence to moral principles; uncompromising, austere* “безжалостный в соблюдении моральных принципов, бескомпромиссный, суровый” (LME); 4. *of a person: merciless, cruel* “о человеке: безжалостный, жестокий” (NE).

Человек постоянно оценивает себя, других людей, окружающую его действительность, выражая свое отношение разнообразными средствами в процессе коммуникации. Среди множества трактовок оценки – коммуникативной (одобрение – неодобрение), эмоциональной (приятно – неприятно), качественной (хорошо – плохо), рациональной (полезно – вредно) исходной оказывается проблема значения объекта для субъекта, избравшего его предметом ценностного отношения, которое базируется на признаке хорошо / плохо [6]. Оценка подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой» [3; 5–6]. Оценка является универсальной лингвистической категорией, проблемами которой занимаются такие философы и филологи как: Ю.Д. Апресян, Аристотель, Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, О. Л. Бессонова, А. Вежицкая, Е. М. Вольф, В. Г. Гак, А. А. Ивин, В. И. Карасик, В. Н. Телия и др. Однако многие вопросы оценочной семантики остаются нерешенными: недостаточно изучена природа оценочного значения, остаются не выявленными его динамические аспекты. Поэтому в последнее время в лингвистике возобновляется интерес к проведению исследований диахронического характера, изучению лексической системы и объяснению путей и способов эволюции и пополнения лексического состава языка в процессе развития общества.

В этой связи целью данного исследования является установление и описание особенностей возникновения и развития оценочного значения в семантике прилагательных с семой “характер”.

Существует множество определений понятия *характер*, что лишь подчеркивает его сложность и многогранность. Слово *характер* греческого происхождения и может быть переведено как печать, чеканка. Анализ языковых выражений типа *волевой, сильный, мягкий, свободный и др. характер* позволяет заключить, что это каркас личности, особые приметы, которые приобретает человек, живя в обществе. Психология же рассматривает характер как свойство личности, представляющее собой совокупность индивидуально-своеобразных социально-типичных отношений человека к самому себе, к другим людям, обществу. С точки зрения антропоцентрического подхода представляется возможным описать характер, с одной стороны, как общечеловеческую, с другой, как личную ценность, которая имеет важное значение для каждого индивида как в социальной, так и в личной жизни. Одним из самых главных средств выражения ценности является оценка. Как показывает исследование, наиболее продуктивными лексическими средствами выражения оценки являются прилагательные. Имена прилагательные могут объединять два аспекта – определять собственно признак и определять оценку. Объектом оценки прилагательных выступает человек, его деятельность, абстрактные и конкретные понятия, ситуации. В отличие от имени существительного, прилагательные не указывают на предмет, а приписывают ему определенный признак, качество, свойство. Они предстают абсолютно разнообразными по своей семантике и могут иметь признаки, связанные с действием и модальные признаки. А это значит, что категориальным определением данной части речи является признак в широком его понимании. В структуре значения исследуемых прилагательных признак конкретизируется семами, которые определяют особенности употребления, восприятия и отображения черт характера человека. В исследуемых прилагательных мы выделяем архисему, дифференциальную сему и сему положительной и отрицательной оценки. При рассмотрении оценочных прилагательных, выделяют общую и частную оценку и соответственно общеоценочные и частнооценочные признаки. В данном исследовании в фокусе внимания – частнооценочные прилагательные, которые в отличие от общеоценочных, выражают оценку, даваемую субъектом одному из аспектов объекта с определенной точки зрения. Разновидностью частной оценки являются эстетические и этические оценки, которые основываются на синтезе сенсорных и психологических оценок [2].

Корпус языкового материала составили 1 200 оценочных прилагательных, полученных методом сплошной выборки из англоязычных толковых словарей [12, 13].

Для отбора прилагательных с оценочным значением в статье применялась методика их словарной идентификации по следующим инвариантным критериям:

1) наличие закрепленных формул толкования для обозначения положительных или отрицательных черт характера человека:

- of a person, например: *pert* ‘дерзкий’ – *of a person, esp. young one: formal, presumptuous or impudent in speech or behavior* ‘человек, в особенности молодой, который ведет себя нагло, самоуверенно’ [11].

- of character, например: *sloppy* ‘небрежный’ – *of character: careless, untidy, slovenly* ‘черта характера – беззаботный, неаккуратный, неряшливый’ [11].

2) наличие индикатора оценки в лексикографическом толковании слова (за основные индикаторы оценки приняты предикаты *good / bad*), например: *cruel* ‘жестокий’ – *disposed to inflict suffering; having or showing indifference to or pleasure in*

another's pain; merciless, pitiless, hard-hearted ‘склонный причинять страдания; иметь или показывать безразличие или удовольствие от чужих страданий; безжалостный, жестокосердный’. Сема “*bad*” ‘плохой’ содержится в значении слов *pain* ‘боль’, *suffering* ‘страдания’;

Вариативными критериями являются:

1) наличие словарной пометы (англ. *disapproving, offensive, derogatory, vulgar, humorous*), например: *smug (disapproving* ‘неодобрительный’) ‘самодовольный’ – *having a self-satisfied, conceited, complacent, or consciously respectable air; indicative of or characterized by complacency or self-satisfaction* ‘имеющий самодовольный, тщеславный, самоуверенный или сознательно важный вид; отличающийся самодовольством и тщеславием’;

2) пример из словарной статьи, содержащий оценочное прилагательное негативной или позитивной оценки, например: *irritable* ‘раздражительный’ – *readily excited to anger or impatience, easily annoyed* ‘легко поддающейся гневу или нетерпению, легко возбудимый’. *E.g. P.S. Gibbs “He was not always in a good humor. Sometimes he was irritable and nervy”* ‘Он не всегда бал в хорошем настроении. Иногда он был раздражительным и нервным’.

2. Оценочный компонент в лексическом значении прилагательных. Оценочность, как компонент семантической структуры лексических единиц, привносит в план языковых сущностей тот дополнительный смысл, который придает значению экспрессивную окраску, характеризуется особенной структурой, содержит в себе ряд обязательных и факультативных компонентов [5]. Особенностью компонента оценки в семантике прилагательных является тот факт, что она может быть частью денотативного, коннотативного или обоих аспектов значения.

Анализ материала дает возможность выделения семантических типов оценочных прилагательных по знаку оценки: прилагательных, репрезентирующих отрицательные черты характера, и прилагательных, которые обозначают положительные черты характера.

Таблица 1

Классификация прилагательных по знаку оценки

Знак оценки	Кол-во единиц	%	Примеры
Отрицательный	718	60	<i>cruel</i> ‘жестокий’, <i>insidious</i> , ‘хитрый’, <i>crabby</i> ‘раздражительный’.
Положительный	482	40	<i>sympathetic</i> ‘отзывчивый’, <i>brave</i> ‘храбрый’, <i>affable</i> ‘приветливый’.
Всего	1 200	100	

Абсолютное преобладание отрицательной лексики связана со структурой оценочной шкалы, где нормой является положительная оценка. Внимание говорящих концентрируется на отклонениях от нормы, отсюда количественное преобладание отрицательно оценочной лексики. Соглашаясь с точкой зрения В. И. Карасика, считаем, что преобладание отрицательной лексики свидетельствует о тенденции говорящего давать отрицательную оценку человеку, тем самым повышая свою значимость и важность [4].

Данное исследование фокусируется на анализе оценочных прилагательных, репрезентирующих отрицательные черты характера. Наиболее продуктивными в

количественном плане являются группы прилагательных, вербализующих такие негативные черты характера человека, как бессердечность (68 единиц) : *cold-hearted* ‘бессердечный’, *cruel* ‘жестокий’, замкнутость (59 единиц): *gloomy* ‘хмурый’, *morose* ‘нелюдимый’, раздражительность (57 единиц): *crabby* ‘раздражительный’, *petulant* ‘вспыльчивый’. Менее продуктивными оказались прилагательные, обозначающие такие черты характера, как хитрость (23 единицы): *cunning* ‘хитрый’, *sly* ‘коварный’, эгоизм (21 единица): *selfish*, *self-interested* ‘эгоистичный’, небрежность (18 единиц): *frowsy* ‘неряшливый’, *sloppy* ‘небрежный’. Вышеперечисленные прилагательные являются наиболее продуктивными в английском языке, так как данные черты характера являются наиболее важным участком оценочной шкалы, по которой дается оценка человеку в языковом коллективе.

Особенностью значения прилагательных является тот факт, что оценка может быть частью денотативного, коннотативного или обоих аспектов значения, следовательно, выделяют такие типы оценки как рациональный, эмоциональный и рационально-эмоциональный [3].

Таблица 2

Количественная характеристика семантических типов оценочных прилагательных, вербализующих отрицательные черты характера

Характер оценки	—	
	Количество	%
Рациональный	513	72
Рационально-эмоциональный	161	21
Эмоциональный	43	7
Всего	718	100

Как свидетельствует анализ материала, в семантике оценочных прилагательных, вербализующих отрицательные черты характера, преобладает рациональный тип оценки. Группа таких прилагательных составляет 513 единиц. Данный тип определяется на основании маркеров оценки, содержащихся в дефиниции. Как отмечалось выше, в целом маркеры оценочности подразделяются на две емкие категории хорошо / плохо. Например: *moody* “угрюмый” – *subject to or indulging in moods of bad temper, depression, etc.*; *sullen melancholy* ‘подверженный плохому настроению, депрессии; угрюмый, меланхоличный’. Сема “плохо” содержится в словах *bad mood* ‘плохое настроение’, *depression* ‘депрессия’.

В 161 лексеме оценка носит смешанный характер, который эксплицируется словами-маркерами непосредственно в толковании и пометами в словарной статье. Например, в дефиниции слова *cussed (colloq.)* ‘упрямый’ - *perversely disagreeable or cross, obstinate, pig-headed* ‘упорно сварливый или раздражительный, несговорчивый, упрямый’ содержится эксплицитная оценка. Эмоциональный характер подчеркивается принадлежностью слова к разговорному стилю, что маркируется пометой *colloq.* ‘разговорный’. Следует отметить, что эмоционально-окрашенные слова, относящиеся к смешанному типу, являются в большинстве своем стилистически маркированными пометой *slang* или *colloq.* Тем самым словарь предупреждает о негативном прагматическом эффекте, который возникает в результате употребления этих слов. Незначительно количество лексем, в которых оценка носит эмоциональный характер (43 лексемы), например: *cunning* ‘хитрый’ *disapproving* ‘осуждающий’ - *able to get what*

you want in a clever way, especially by tricking or deceiving sb. ‘способный достичь того, чего хочет хитрым способом, в особенности при помощи мошенничества или обмана’. Данный факт свидетельствует о стремлении словарей придать оценке максимально эксплицитный характер.

3. Особенности возникновения и развития оценочного значения в семантике прилагательных. Оценочный компонент в семантике прилагательных, вербализующих негативные черты характера, выражает неодобрительную оценку субъекта по отношению к объекту.

Семантическая мотивация отрицательного оценочного значения характерна для единиц, производное оценочное значение которых возникает за счет метафорического переноса, в результате чего происходит расширения или сужения исходного значения. Так, слово, обладающее нейтральным значением в древнеанглийский (Old English) период, приобретает оценочное значение в среднеанглийский (Middle English) и новоанглийский (New English) периоды развития языка. Анализ материала позволяет проследить процесс возникновения и развития оценочного значения от староанглийского периода по новоанглийский период на примере оценочных прилагательных (37 единиц), вербализующих такие черты характера как *угрюмость* и *жестокость*, так как данные черты характера представляют наиболее многочисленные группы в классификации оценочных прилагательных с семой ‘характер’. Анализ материала позволяет выделить следующие модели возникновения и развития оценочного значения: 1. Н → «—»; 2. “—” → “+” 3. “—” → “Н”; 4. “+” → “—”; 5. “—” → “—”, где “Н” – нейтральная или нулевая оценка, “+” – положительная оценка, “—” – отрицательная оценка. В семантической структуре каждой единицы можно выделить архисему “характер”, дифференциальную сему “черта характера” и сему оценки со знаком “—” или “+”.

Таблица 3

Модели развития оценочного значения в семантике прилагательных с семой “характер” в английском языке

Модели	Кол-во	%	Пример
1. Н → “—”	19	37	<i>iron</i> ‘жестокий’ – 1. <i>Consisting or made of iron</i> ‘состоящий или сделанный из железа’ (ОЕ) 2. <i>Physically hard or strong; tough, enduring</i> ‘физически крепкий или сильный; жесткий, выносливый’ (ОЕ – LME); 3. (of a person) <i>Cruel, merciless, implacable, stern, severe</i> ‘жестокий, безжалостный, суровый, строгий, непреклонный’ (ME) 4. <i>Stubborn, obstinate, unyielding</i> ‘упрямый, неумолимый, жесткий’ (NE)
2. “+” → “—”	12	26	<i>hard</i> ‘бессердечный’ – 1. <i>Orig. courageous, bold</i> ‘смелый, дерзкий’ (ОЕ) 2. <i>Not easily impressed or moved; unfeeling, callous, hard-hearted</i> ‘человек, которого нелегко впечатлить или тронуть: бесчувственный, жестокий, жестокосердный’ (ОЕ); 3. <i>Of a person: harsh or severe in dealing with someone</i> ‘о человеке: грубый и суровый по отношению к людям’ (ME – NE)
3. “—” → “Н”	9	17	<i>ill</i> (of a person) - <i>morally evil, wicked, depraved, immoral</i> ‘злой, испорченный, извращенный, аморальный’ (arch. ME); 2. <i>Malevolent, hostile, unkind, harsh</i> ‘жестокий, недружелюбный, злой, суровый’ (ME); 3. <i>not in a good health, sick (of health)</i> ‘больной’ (LME - NE)

4. “–” → “–”	8	11	<i>stith</i> ‘жестокий’ – 1. <i>Of a person: steadfast, stubborn</i> ‘о человеке: непреклонный, упрямый’ (OE); 2. <i>Hard, stern or cruel towards people or things</i> ‘жесткий, суровый или жестокий по отношению к людям’ (ME)
5. “–” → “+”	6	9	<i>rigorous</i> ‘суровый’ – 1. <i>rigidly severe or unbending; austere, stern, extremely strict in application</i> ‘несгибаемо суровый; беспощадный, жестокий, чрезвычайно строгий’ (OE), e.g. <i>I hope she will not be too rigorous with the young ones!</i> S. Johnson 2. <i>Severely exact, rigidly accurate or logical scrupulous</i> ‘неумолимо точный, строго аккуратный или логически скрупулезный’ (LME): e.g. <i>Rigorous eye of a philosopher</i>
Всего	54	100	

3.1. Модель “Н” → “–” основывается на метафорическом переносе по типу “предмет – человек”, и оценочный компонент появляется в производном значении. Данную модель демонстрируют 19 прилагательных: *sour* ‘кислый’ – 1. *Having a tart or acid taste, as of unripe fruit, lemon, vinegar* ‘едкий или кислый вкус как у неспелого фрукта, лимона, уксуса’ (OE), 2. *of food (esp. milk or bread) acidic as a result of fermentation; bad, fermented* ‘о еде (особенно о молоке или хлебе) кислый в результате ферментации; плохой, забродивший’ (ME); 3. *of a person, a person’s disposition etc.: harsh, sullen, morose* ‘о человеке, поведении: грубый, угрюмый, замкнутый’ (ME). *Dowf* ‘унылый’ – 1. *Of a sound or (formerly) the weather: dull* ‘о звуке (раннее о погоде): пасмурная’ (OE); 2. *Of a person - lacking spirit or energy; gloomy* ‘о человеке, которому не достаёт энергии и силы духа; унылый’ (ME – NE). Расширение значения происходит в результате ассоциативного переноса. В производном значении возникает дифференциальная сема «черта характера» и оценочная сема со знаком «–».

3.2. По модели “–” → “Н” развитие оценочного значения можно проследить у 12 лексических единиц, например: *Sturdy* ‘жестокий’ – 1. *Impetuously brave, recklessly violent, ferocious, ruthless, cruel* импульсивно храбрый, безрассудно жестокий, беспощадный, жестокий (ME); 2. *Of a person or animal: strong in physique, solidly built, physically robust* ‘о человеке, животном: сильный физически, крепко сложенный, физически сильный’ (LME). В данном примере можно проследить сужение исходного отрицательного значения и его трансформацию в нейтральное.

3.3. Модель развития оценочного значения “+” → “–” основывается на трансформации положительного оценочного компонента в резко отрицательное. 9 лексических единиц презентуют данную модель: *moody* “угрюмый” – 1. *Brave, haughty, high-spirited* ‘храбрый, заносчивый, жизнерадостный’; 2. *Proud, haughty, stubborn, willful* ‘горделивый, высокомерный, упрямый, своенравный’ (OE); 3. *(of a person) given to unpredictable change in the mood, esp. sudden bouts of gloominess and sullenness* ‘о человеке: склонный к непредвиденной смене настроения, особенно к внезапным приступам уныния и печали’ (ME). В среднеанглийский период оценочное значение утратило свою положительную коннотацию и приобрело только отрицательную окраску. В данных примерах оценочная сема меняет свой знак с плюс «+» на минус «–».

3.4. По модели “–” → “–” развитие оценочного значения можно проследить у 8 прилагательных: *dull* ‘угрюмый’ – 1. *Slow of understanding, not quick-witted; obtuse, stupid* ‘медленный в понимании, не сообразительный’; (Old English); 2. *Of a person, a*

mood etc.; *depressed, listless, not lively or cheerful* ‘о человеке, настроении: угнетенный, безразличный, не жизнерадостный’ (ME – NE); Данная единица имеет оценочный компонент в исходном значении и в результате расширения семантики, слово приобрело второе значение также с отрицательной оценочной семой. **Dreary** ‘унылый’ – 1. *gory, bloody; dreadful* ‘кровавый, кровавый, чудовищный’; 2. *Of a person: sad, melancholy* ‘о человеке: унылый, подавленный’ (OE); 3. *Dismal, gloomy, dull, tediously uninteresting* ‘мрачный, угрюмый, унылый, утомительно неинтересный’ (ME - NE). В данной единице отрицательно оценочный компонент появляется в первом значении слова, затем семантика слова расширяется и возникает дифференциальная сема “черта характера угрюмость”.

3.5. По модели “–” → “+” развитие оценочного значения можно проследить у 6 единиц, например: *felon* ‘жестокий – 1. *cruel, fierce, terrible, wild; wicked; murderous* ‘жестокий, беспощадный, дикий, злобный’ *arch.* (ME); 2. *angry, sullen* ‘злой, угрюмый’ (LME); 3. *Brave, sturdy* ‘храбрый, непреклонный’ (LME). Отрицательное значение в данном примере расширяется и приобретает положительную окраску.

4. Вывод. Результаты исследования показывают, что отрицательная лексика преобладает над положительной, что доказывает тот факт, что положительные черты характера воспринимаются как должное и внимание на них не концентрируется, а отрицательные черты не оставляют человека равнодушным и внимание на них концентрируется чаще. В английской картине мира заметна приоритетная роль таких отрицательных черт характера как бессердечность, угрюмость. Периферийными являются – жадность, хитрость, болтливость. Превалирующее число отрицательно-оценочных прилагательных относятся к рациональному типу оценки. Анализ материала показывает, что оценочное значение английских прилагательных, обозначающих такие черты характера, как жестокость и угрюмость, может развиваться от нейтрального к отрицательному, от отрицательного к нейтральному, от положительного к отрицательному, от отрицательного к положительному и от отрицательного к отрицательному значению с изменением дифференциальной семы. Количественный анализ показал, что наиболее продуктивной моделью развития оценочного значения является модель, где значение развивается от нейтрального к отрицательному и возникает в производном значении полисемантического слова в результате метафорического переноса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мышление человека. - М.: Язык русской культуры, 1999. – 337 с.
2. Бессонова О. Л. Ценностная картина мира и ее отражение в оценочном тезаурусе английского языка // Человек. Язык. Культура. К юбилею В.И. Карасика. – К.: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – Ч. 1. – С. 5–11.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. - М.: Эдиториал УРСС, 2002 – 280 с.
4. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: [учеб. пособие] / В. А. Маслова. – 2-е изд. - Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
5. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И.С. Улуханов. – М, 2007.
6. Arnold I. V. The English word / I. V. Arnold. – М.: Высшая школа, 1986.
7. The New Shorter Oxford English Dictionary On Historical Principles /Oxford University Press, 2002., Vol. 1, 2. – 3809 p. [NSOED]

Поступила в редакцию 13.06.2017 г.

SEMANTIC DEVELOPMENT OF EVALUATIVE ADJECTIVES WITH THE MEANING
“CRUELTY” AND “SULLENNESS” IN ENGLISH

E.A. Morozenko

The article deals with the development of the evaluative meaning of the adjectives denoting “cruelty” and “sullenness”. The research encompasses the period from Old English to Early New English. The types of evaluative meanings are singled out according to their lexicographical characteristics. Isomorphic patterns of the evaluative meaning development in the semantics of the negative adjectives are established.

Key words: evaluative meaning, adjectives, seme “character”

Морозенко Елена Александровна

Аспирант

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк

e-mail: len.chic@list.ru

Morozenko Elena Aleksandrovna

Postgraduate student

Donetsk National University

e-mail: len.chic@list.ru

УДК 811.111

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ ОЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

© 2017. *О.И. Осташова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Статья посвящена описанию структурных особенностей оценочных высказываний, функционирующих в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков. Установлены способы экспликации субъекта и объекта оценки в пропозициональной структуре оценочных высказываний в художественном дискурсе исследуемых периодов и определена их продуктивность. Выделены и описаны синтаксические модели оценочного предиката.

Ключевые слова: оценочное высказывание, субъект оценки, объект оценки, оценочный предикат, субъект речи.

1. Введение. Оценка является одной из важнейших лингвистических категорий, принимающих непосредственное участие в организации языкового общения. Как категория языка одной стороной она обращена к мышлению человека, его когнитивной деятельности, а другой – к его практической деятельности, социальной и культурной реальности [10].

Многие иностранные и отечественные ученые-лингвисты занимались исследованием категории оценки, причем в фокусе их исследований были различные аспекты оценки. В большинстве работ, посвященных оценке, описываются виды оценочных значений и средства их лексического выражения (Н.Д. Арутюнова [1], О.Л. Бессонова [2; 3], Е.М. Вольф [5], А.В. Кунин [6], А.И. Приходько [8], В.Н. Телия [9], З.К. Темиргазина [10], и др.). В современной лингвистике постепенно усиливается интерес к изучению функциональной стороны языка и речевого поведения коммуникантов в различных типах дискурса.

Актуальность предложенного исследования обусловлена интегрированным функционально-диахроническим подходом к изучению структурных особенностей оценочных высказываний, функционирующих в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков. Такой ракурс исследования раскрывает роль оценочных высказываний в реконструкции фрагментов англоязычной ценностной картины мира исследуемых периодов, репрезентуемой через призму речевой деятельности говорящих.

Статья посвящена описанию структуры оценочных высказываний, функционирующих в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков. Под оценочным высказыванием понимаем интенционально обусловленное, грамматически, семантически и интонационно организованное речевое образование, с помощью которого субъект выражает свое оценочное отношение к объекту действительности в определенной коммуникативной ситуации.

М.Я. Блоха и Н.В. Ильиной подчеркивают, оценочной может быть названа не любая конструкция, включающая в себя лексическую единицу оценочной семантики, а только та, в которой эта единица находится в предикативной позиции. По мнению лингвистов, только в такой конструкции оценка приписывается субъектом объекту в соответствии со смыслом высказывания, а не передается как давно известный факт. [4, с. 15]. Поэтому корпус эмпирического материала исследования составляют оценочные

высказывания, оценочная сема которых является ингерентным компонентом значения предиката, типа

• *You are a ripping swimmer (F. Scott Fitzgerald Tender is the Night: 10)* ‘Ты – первоклассный пловец’

• *Wicked and cruel boy! I said. (Ch. Bronte Jane Eyre: 5)* ‘Злой и жестокий мальчишка! – сказала я’

ОВ выступающие материалом исследования были отобранные методом сплошной выборки из англоязычных художественных текстов XIX-XX веков (в художественном дискурсе XIX века – 1871 контекстов, а в художественном дискурсе XX века – 946 контекстов).

Художественный дискурс является отображением художественной коммуникации, с одной стороны, а также одним из способов ее реализации. Субъектно-речевая двуплановость структуры художественного текста приводит к тому, что на поверхностном уровне текст представляет собой сложное образование, которое позволяет определить две разновидности художественной коммуникации: реальную и изображенную (придуманную, внутритекстовую) [7, с. 210]. Реальная коммуникация происходит по линии автор – текст – читатель, а изображенная – представляет собой непосредственное общение персонажей в тексте. Коммуникативное взаимодействие персонажей в художественном произведении осуществляется по правилам и канонам реальной коммуникации, на основе модели и опыта человеческого общения

2. Результаты исследования

2.1 В любом ОВ содержится не только описание объекта окружающей действительности, но и дается его субъективная оценка. Вслед за Е.М. Вольф, считаем возможным рассмотреть категории оценки как одного из видов модальности, которая накладывается на дескриптивный смысл высказывания в целом, отображая отношение говорящего к его содержанию и соотношению высказывания с действительностью. Таким образом, ОВ характеризуется особой структурой, которую можно представить в виде модальной рамки. Главной особенностью модальной структуры ОВ является наличие субъективного фактора, который обязательно взаимодействует с объективным.

Базовыми инвариантными компонентами модальной рамки ОВ являются субъект, объект и оценочный предикат, а также шкала и основание оценки, мотивировка оценки и оценочные стереотипы, на которые ориентирована оценка в социальных представлениях говорящего.

Под субъектом оценки мы понимаем конкретизированную языковую личность или группу языковых личностей, которые выражают свое позитивное или негативное отношение к определенному объекту окружающей действительности с позиций определенных ценностных критериев. Субъект, оценивая определенный объект окружающего мира, основывается, с одной стороны, на стереотипных представлениях общества об этом объекте и шкалу оценок, а с другой стороны, на свое субъективное представление о нем (чувства, мнения, знания и представления). Поэтому можно утверждать, что стандарты ценностей определенного субъекта оценки, в определенной степени, отражают ценностную картину мира общества той или другой эпохи.

Объект оценки – это лицо, предмет, явление или событие, которому оценивающим субъектом приписываются определенные ценности в процессе акта оценки.

Оценочный предикат выражает оценочное отношение субъекта оценки к оцениваемому объекту, которое имеет значение «хороший» / «плохой».

2.2 Вслед за А. В. Куниным, различаем индивидуальный и коллективный субъекты оценки в ОВ. Субъект оценки является индивидуальным, когда оценочное

отношение принадлежит только индивиду, носителю определенных ценностей и стереотипов, а коллективным, если оценочное суждение признается или разделяется группой индивидов, объединенных определенными ценностными ориентирами и стереотипными представлениями [6].

ОВ представляет собой часть монологической или диалогической речи персонажей художественных произведений, то есть характеризуется прагматическим потенциалом, поэтому для полной типологической классификации субъектов оценки необходимо рассмотреть понятие субъекта речи и его соотношение с субъектом оценки. Субъект речи (говорящий) – это лицо, которому принадлежит то или иное высказывание. В процессе исследования удалось выделить две модели соотношения субъекта оценки и субъекта речи: с одной стороны, они могут отождествляться, то есть говорящий осуществляет акт оценки в определенной коммуникативной ситуации, а с другой – не быть идентичными.

Анализ эмпирического материала исследования показал, что в художественном дискурсе XIX и XX веков превалирует оценочные высказывания, в которых субъект оценки и субъект речи совпадают. В ОВ такого типа субъект оценки может эксплицироваться в пропозиционной структуре ОВ (определенный проксимальный субъект оценки) или в контексте ОВ (определенный дистантный субъект оценки), либо носить имплицитный характер (неопределенный субъект оценки).

Субъект оценки является определенным (проксимальным), если в пропозициональной структуре ОВ он обозначается отдельным словом (существительным или местоимением), связывающим его с конкретным лицом (индивидуальный субъект) или группой лиц (коллективный субъект), которые оценивают определенный объект действительности, руководствуясь личностными или стереотипными убеждениями.

В контексте (1) *I think that woman's beautiful (J. Galsworthy To Let: 20)* субъект оценки эксплицируется с помощью личного местоимения *I*, что говорит о том, что субъект оценки в процессе оценивания основывается на личностных убеждениях по отношению к объекту оценки. В контексте (2) *...we all think you're perfectly marvellous... (F. S. Fitzgerald Tender is the Night: 11)* субъект оценки является также определенным и обозначается местоимением *we* в сочетании с *all*. Это указывает на то, что субъект оценки является коллективным, то есть объект оценивается группой лиц, являющихся носителями идентичных оценочных стандартов и стереотипов. Необходимо отметить, что аксиологический предикат *think* в обоих примерах не только вводит в высказывание эксплицитную субъективность, но и подчеркивает, что оценка принадлежит концептуальному миру оценивающего субъекта, что снижает ее категоричность.

Субъект оценки не всегда эксплицируется в пропозициональной структуре ОВ, а может постулироваться в контексте, в котором функционирует ОВ. Так, в примере (3) *"He is quite a gentleman." – Julia smiled (W. S. Maugham Theatre: 3)* субъект оценки является определенным дистантным и устанавливается из контекста, в котором функционирует ОВ. Из контекста понятно, что субъектом оценки является Julia. Это указывает на то, что оценка принадлежит индивиду и отражает его личностные оценочные стереотипы и убеждения.

Субъект оценки является неопределенным (имплицитным), когда в пропозициональной структуре ОВ нет ни одного слова, которое бы намекало на лицо или группу лиц, от имени которых оценивается определенный объект окружающего мира. Так, в контексте (4) *"Lady Catherine is known as an arrogant, conceited woman (J. Austen Pride and Prejudice: 103)* употребляется пассивная конструкция *is known*,

указывающая на имплицитность субъекта оценки. Говорящий не только передает оценочное суждение о конкретном человеке, сформированное определенной группой лиц, но и относит себя к этой группе, разделяя с ними ценностные ориентиры и оценочные стереотипы.

В ходе анализа эмпирического материала было также установлено, что субъект оценки может и не совпадать с субъектом речи (говорящим) в ОВ. Важной особенностью такого рода ОВ является тот факт, что субъект оценки всегда эксплицируется в пропозициональной структуре ОВ, потому что говорящий не желает брать на себя ответственность за постороннее оценочное мнение. При этом субъектом оценки может выступать второе лицо или третье лицо в единственном или множественном числе.

Когда субъектом оценки выступает третье лицо или группа лиц, говорящий не постулирует себя как оценивающего субъекта, а только приписывает оценочную деятельность определенному лицу или группе лиц, которые не присутствуют при акте коммуникации. Так, в контексте (5) *She says that the women who fall in love with her husband are so uncommonly second-rate* (W. Somerset Maugham *The Painted Veil*: 108-109) говорящий только отстраненно сообщает собеседнику оценочное суждение, сформированное третьим лицом, обозначенным в структуре ОВ личным местоимением *she*.

В примере (6) *The nuns at the convent swear by him. They think he's a hero* (W. Somerset Maugham *The Painted Veil*: 117) говорящий также не отождествляет себя с субъектом оценки, а только информирует собеседника о том, как другие лица оценивают качества знакомого для них человека. Субъектом оценки в этом контексте выступает группа лиц, которая выражена в пропозициональной структуре ОВ личным местоимением *they*, которое конкретизируется в контексте существительным *nuns*.

Но говорящий не всегда только передает собеседнику оценочное суждение третьего лица, направленное на определенный объект оценки. Субъект речи может, как соглашаться с оценочным суждением третьего лица, так и противопоставлять ему свое оценочное суждение. Так, в примере (7) *Everybody think Mr. Martin a respectable young man, but I cannot admit him to be Harriet's equal* (J. Austin *Emma*: 50) субъект речи, с одной стороны, делится с собеседником положительным оценочным суждением о Мистере Мартине, которое сложилось у общества, но и противопоставляет свое негативное отношение к нему.

Если субъект оценки репрезентуется в пропозициональной структуре ОВ личным местоимением *you*, то чаще всего целью субъекта речи является переспросить об оценочном отношении собеседника к объекту оценки. Примером этого можно считать контекст (8) *"I think this great intimacy between Emma and Harriet Smith is a bad thing."* said Mr. Knightley. *"Do you really think it a bad thing? - why so?"* Но иногда субъект речи желает уточнить, не изменилось ли оценочное отношение субъекта оценки к объекту, который оценивается в определенной коммуникативной ситуации, например контекст (9) *Well, do you think I'm such a dirty dog as you did?* he asked (W. Somerset Maugham *The Painted Veil*: 247)

2.3 Объект оценки может эксплицироваться отдельным словом, а может называться дистантно в пропозициональной структуре ОВ. В последнем случае объект оценки не конкретизируется непосредственно в ОВ, а называется в контексте, в котором функционирует ОВ. Анализ языкового материала свидетельствует о том, что объектом оценки может выступать лицо или группа лиц, предмет, событие, ситуация, действие, пространство и другое.

Если оценка субъекта направлена на лицо, то объект оценки выражается отдельным компонентом в структуре ОВ (личным местоимением или

существительным), либо носит дистантный характер, то есть в пропозициональной структуре ОВ нет слова, указывающего на оцениваемый объект. Это зависит, по нашему мнению, от степени спонтанности / обдуманности ситуации оценки, а также от коммуникативной цели высказывания. В примере (10) *He's a good chap in his way* (*Gr. Green The Quite American: 9*) оценка воспринимается более взвешенной и обоснованной, сформированной на основании мнения субъекта об объекте оценки, в то время как в примере (11) *What is she like?* ... *"Oh, quite a nice little thing. Actressy"* (*W. Somerset Maugham The Painted Veil: 38-39*) оценка вызвана сиюминутным чувством и не может быть расценена как рациональное суждение.

Когда оценка направлена на предмет окружающего мира, то объект оценки, как правило, эксплицируется отдельным словом, которое называет предмет в пропозициональной структуре ОВ. Так в примере (11) *That's a great picture. I've seen it four times* (*F. Scott Fitzgerald The Tender of the Night: 105*) объект оценки эксплицируется существительным, называющим оцениваемый предмет, в реме ОВ и выступает частью сложного именного сказуемого. Однако иногда объект оценки эксплицируется дистантно, то есть конкретно не называется в пропозициональной структуре ОВ, но выражается указательными местоимениями *this*, *that* или личным местоимением *it*. Причем в контексте, в котором функционирует ОВ, конкретизируется или называется предмет, которому собственно дается положительная или отрицательная оценка (12) ... *Julia took a bundle of her latest photographs. She handed one to the young man. "This one is not bad"* (*W. S. Maugham Theatre: 14*)

Если субъект дает оценку события, ситуации или действия, то объект такого ОВ зачастую выражается дистантно, то есть он представлен в пропозиции ОВ указательными местоимениями *this*, *that*, или безличным местоимением *it*, которые служат отсылкой к определенному объекту оценки, описанному в данном контексте. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что в таком случае ОВ используются в холистической функции и выступают способом подведения аксиологического итога. Примерами ОВ, в которых объектом оценки является событие, ситуация и действие служат контексты:

(13) *She had understood quickly that as the wife of the Government bacteriologist she was of no particular consequence. It made her very angry. "It's too absurd," she told her husband* (*W. Somerset Maugham The Painted Veil: 12*)

(14) *Holly's young half-brother is coming to live with us while he learns farming. He's there already. "Oh!" said Winifred. "That's a gaff!"* (*J. Galsworthy To Let: 56-57*)

(15) *I wish you wouldn't make matches. – But I must for other people. It is the greatest amusement in the world* (*J. Austen Emma: 5*)

Если объектом оценки выступает определенное место, то объект оценки эксплицируется в пропозициональной структуре ОВ отдельным словом (существительным), которое называет место, которое оценивается – пример (16) *The country is vast deal pleasanter, is it not, Mr. Bingley?* (*J. Austen Pride and Prejudice: 54*)

2.4 Оценочный предикат в высказываниях, составляющих корпус эмпирического материала исследования, соответствует предикативу синтаксической структуры предложения / высказывания – аналитической категории, включающей глагол-связку, который соотносит высказывание с тем или иным временным срезом действительности, а также именную часть, ингерентным компонентом которой является оценочная сема.

Анализ эмпирического материала исследования позволил выделить следующие синтаксические модели оценочного предиката:

1) глагол-связка + существительное (с оценочной семой):

(17) *“You’re a bully,” said McKisco. (F. S. Fitzgerald Tender is the Night: 67)*

2) глагол-связка + прилагательное (с оценочной семой):

(18) *Miss Temple is very good and very clever (Ch. Bronte Jane Eyre: 57)*

3) глагол-связка + адъективное словосочетание:

(19) *She seems quite a pleasant young woman (J. Austen Pride and Prejudice: 55)*

Иногда ОП может иметь усеченную модель, в которой отсутствует глагол-связка. Например, (20) *“You a perfect fool!” (W. S. Maugham The Painted Veil: 43)*. Отсутствие глагола-связки объясняется тем, что в контексте (20) репрезентуется эмоциональная оценка, которая характеризуется ситуативностью и спонтанностью, потому что основывается на сиюминутном чувстве, вызванным непосредственным переживанием объекта оценки.

Любая синтаксическая модель оценочного предиката может усложняться использованием слов-интенсификаторов и слов-деинтенсификаторов, которые усиливают или ослабляют степень заинтересованности субъекта в объекте оценки.

Необходимо отметить, что использование слов-интенсификаторов в ОБ способствует наиболее полной передаче эмоционального состояния субъекта оценки, а также в значительной степени повышает категоричность всего высказывания. Так, в контексте (22) *I always liked old George. He’s so droll (J. Galsworthy To Let: 194)* используется слово-интенсификатор *so*, которое в сочетании с частнооценочным предикатом *droll* передает эмоциональное оценочное суждение, характеризующееся высокой степенью реактивного отношения субъекта к объекту оценки.

В примере (23) *“He is quite a gentleman.” – Julia smiled (W.S. Maugham: 3)* использование слова-интенсификатора *quite* подчеркивает тот факт, что субъект оценки соотносит качества объекта оценки с субъективным пониманием нормы.

Слова-деинтенсификаторы, в отличие от слов-интенсификаторов, предполагают движение признака, выраженного именной частью предиката ОБ, в сторону убывания, поэтому такие ОБ тяготеют к рациональности. Примером служит контекст (24) *Lizzy is not a bit better than the others (J. Austen Pride and Prejudice: 7)*.

3. Заключение. Исходя из анализа языкового материала, представляется возможным сделать следующие выводы

Индивидуальный эксплицитный субъект превалирует в корпусе языкового материала и составляет 1 460 контекстов (52 %). Субъект эксплицируется в пропозициональной структуре ОБ личным местоимением или существительным (личным именем или именем собственным). При этом, коллективный неопределенный (имплицитный) субъект оценки представлен наименьшим образом – 104 контекста (4% от корпуса языкового материала), что объясняется тем, что субъекту оценки более свойственно ориентироваться на собственные ценностные ориентиры и стереотипы при оценивании объекта.

В художественном дискурсе XIX и XX века превалирует оценочные высказывания, в которых субъект оценки и субъект речи совпадают (1 309 контекстов в художественном дискурсе XIX в., 661 контекст в художественном дискурсе XX в). Это можно объяснить тем, что в ОБ, составляющих корпус языкового материала исследования, оценка зачастую приписывается субъектом оцениваемому объекту непосредственно в определенной коммуникативной ситуации, а не передается как факт давно знакомый.

Объект оценки может эксплицироваться отдельным словом, а может называться дистантно в пропозиционально структуре ОБ. В последнем случае объект оценки не

конкретизируется непосредственно в ОБ, а называется в контексте, в котором функционирует ОБ. Анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что чаще всего объектом ОБ в художественных текстах XIX и XX веков выступает лицо, а наименьшей частотностью характеризуется событие, действие и ситуация.

Наиболее продуктивной синтаксической моделью оценочного предиката является глагол-связка + оценочное прилагательное (473 контекста – в художественном дискурсе XX века и 935 контекстов – в художественном дискурсе XIX века) Это обусловлено, на наш взгляд тем, что прилагательное является более емким средством выражения оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – [2-ое изд.]. – М.: «ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ», 1999. – 896 с.
2. Бессонова О.Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти / О.Л. Бессонова. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – 362 с
3. Бессонова О.Л. Негативные наименования лица в английской и украинской национальных картинах мира / О.Л. Бессонова // *Studia Linguistica* (Санкт-Петербург). – № XXII. – 2013. – С. 78-87
4. Блох М.Я. Структура и семантика оценочной конструкции / М.Я. Блох, Н.В. Ильина // *Функциональная семантика смысловых структур*. – М.: МГПИ, 1986. – С. 14-23 (С.15)
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – [2-е изд.]. – М.: УРСС, 2002. – 247 с.
6. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: [Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.] / А.В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – Москва; Дубна: Высш. шк., 1996. – 381 с.
7. Плисак Д. В. Художня комунікація VS дискурс: до проблеми співвіднесення понять // *Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства*. – 2012. – №18. – Одеса: «АСТРОПРИНТ», 2012. – С. 208-211.
8. Приходько А.И. Когнитивно-дискурсивный потенциал оценки и способы ее выражения в современном английском языке: автореф. на соискание уч. степени док. филолог. наук: спец. 10.02.04 “Германские языки” / А.И. Приходько. – Белгород, 2004. – 43 с.
9. Телия В.Н. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / В. Н. Телия. – М.: “Наука”, 1991. – 205 с.
10. Темиргазина З.К. Лингвистическая аксиология: Оценочные высказывания в русском языке [Электронный ресурс] : монография 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2015. — 247 с

Поступила в редакцию 13.09.2017 г.

WAYS OF EXPRESSING STRUCTURAL COMPONENTS OF EVALUATIVE UTTERANCES IN THE ENGLISH FICTIONAL DISCOURSE

O.I. Ostashova

The article deals with the description of the structural peculiarities of evaluative utterances in the English fictional discourse of the 19th and 20th centuries. The main ways of explication of the evaluative subject and object in the propositional structure of the utterance are described with their productivity being determined. Different syntactic patterns of the evaluative predicate are considered.

Key words: evaluative utterance, evaluative subject, evaluative object, evaluative predicate, the subject of speech

Осташова Оксана Игоревна

Преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк
e-mail: ostashovaoksana@mail.ru

Ostashova Oksana Igorevna

Teacher
Donetsk National University
e-mail: ostashovaoksana@mail.ru

УДК 81'373.612.2:006.91:811.112.2:811.161.2

МЕТОНИМИЯ В СИСТЕМЕ МЕТРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

© 2017. *Н.В. Повторуха*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет, г. Донецк

В статье исследуется метонимия в системе метрологической лексики в немецком и украинском языках. Значительная часть лексем появилась после введения метрической системы мер (СИ). Соответствующие лексемы являются результатом вторичной номинации – метонимического переноса.

Ключевые слова: вторичная номинация, метонимический перенос, метрология, термин, эпоним.

1. **Вводные замечания.** В современной лингвистике находят отражение проблемы метрологии – науки о мерах и весах [1, с. 522]. Исследование метрологической лексики осуществлялось учеными на материале разных языков: английского (С.А. Швачко), башкирского (Х.З. Абдрахимов), белорусского (А.М. Сементовский, К.В. Скурат, Е.К. Юревич, Е.И. Янович), бурятского (Д.Д. Дондокова), голландского (К.М. Зевенбум), грузинского (Г.И. Джапаридзе), датского (Н.Э. Нёрлунд), казахского (Е.Н. Жанпеисов), киргизского (С.М. Абрамзон), латышского (Я.К. Земзарис), литовского (З.П. Даунене) монгольского (Ч. Содном), немецкого (А. Брахнер, Х. Виттхёфт, Х. Минов, В. Трапп, Х.-Д. Хауштайн), польского (Я. Шевчик, Э. Штамм), русского (О.И. Каменцева, И.И. Кауфман, Г.В. Лебединская, А.И. Никитский, Ф.И. Петрушевский, Д.И. Прозоровский, Б.А. Рыбаков, Л.В. Черепнин, Н.А. Шостьин), таджикского (Х.А. Каюмова), украинского (В.А. Винник, Н.А. Герасименко, В. Гнатюк, И.А. Дзендзеливский, И.В. Ерофеев, Я.Д. Исаевич, А. Лобко, П.З. Неселовський, М.Л. Худаш), чешского (А. Седлачек), шведского (А.А. Сванидзе) и др.

Предметом исследования, представленного в данной работе, выступает метонимия в системе метрологической лексики. Под метонимией понимается вид тропа, основанный на переносе по смежности [1, с. 434]. Объектом являются метонимические переносы (далее – МП) в немецком и украинском языках.

Цель исследования заключается в установлении общих и дифференциальных черт МП в системе метрологической лексики. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить инвентарь исследуемых единиц; 2) установить виды МП.

Материалом послужили 228 лексических единиц (из них 111 – в немецком языке и 117 – в украинском), полученные в результате сплошной выборки из словарей «Duden. Deutsches Universalwörterbuch» и «Великий тлумачний словник сучасної української мови», а также текстов художественных произведений немецких и украинских писателей второй половины XX – начала XXI веков общим объемом 10 000 страниц.

2. **Хронологизация метрологической лексики.** Принимая во внимание, что становление метрологии как науки происходило постепенно, с учетом таких экстралингвистических факторов как научно-технический прогресс и развитие международных торговых отношений, можно выделить два основных этапа, которые в хронологическом порядке отражают появление метрологической лексики в исследуемых языках:

1) донаучный – с древних времен до 1795 (до введения Метрической системы мер). Лексика этого периода выходит из употребления и является устаревшей, напр.: нем. *Zoll* ‘veraltete Längeneinheit unterschiedlicher Größe (2,3 bis 3 cm)’ [2, с. 1862] *дюйм* ‘устаревшая единица длины различной величины (2,3 – 3 см)’, укр. *гони* ‘українська старовинна народна міра довжини від 60 до 120 сажнів’ [3, с. 191] *гоны* ‘украинская старинная народная мера длины от 60 до 120 сажней’;

2) научный – с 1795 (после введения Метрической системы мер) до наших дней. Метрическая система мер (SI) содержит основные (*метр, килограмм, секунда, ампер, кельвин, моль, кандела*), дополнительные (*радиан, стерадиан*), производные (*герц, ньютон, джоуль, паскаль, фарад, сименс* и др.) и внесистемные единицы измерения (*минута, парсек, диоптрия* и др.). Второй период охватывает разные системы единиц:

а) систему К. Ф. Гаусса, которая была предложена в 1832 г. и состояла из основных единиц *миллиметра, миллиграмма и секунды*;

б) систему СГС, утвержденную в 1881 г. с основными единицами *сантиметр, грамм, секунда*. Дополнительными единицами являются *дина, эрг, стокс, пуаз*;

в) систему МКС, предложенную в 1901 г., к основным единицам которой относятся *метр, килограмм, секунда*, а к дополнительным – *кельвин, ампер, ом, вольт, кулон, фарад, вебер, генри, вар, вольт-ампер, сименс, тесла, люмен*;

г) систему МТС, принятую в 1919 г., основные единицы которой – *метр, тонна и секунда*, а дополнительные – *килоджоуль и киловатт*. Производными единицами выступают *стен и пьеза*;

д) система МКГСС, введенная в 1932 г. и включающая основные единицы – *метр, килограмм-силу, секунду*.

Метрологическая лексика данного периода репрезентована терминами – словами или словосочетаниями специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемыми (принимаемыми, заимствуемыми и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов [4, с. 472]. Согласно С.В. Гриневу-Гриневичу, для термина характерны такие признаки: обозначение понятия, принадлежность к специальной области знания, дефинированность, точность значения, контекстуальная независимость, конвенциональность и целенаправленный характер появления, устойчивость и воспроизводимость в речи, номинативность, стилистическая нейтральность [5, с. 30], ср.:

(1) нем. *Sein Auge leuchtete mit einer Spannung von zweihundertzwanzig Volt und verbrauchte fünfhundert Watt in der Stunde* [6, с. 376] ‘Его глаз светился под напряжением двухсот двадцати **вольт** и потреблял пятьсот **ватт в час**’ [7, с. 335].

3. **Виды МП.** Человек с незапамятных времен соприкасался с измерениями. Существование таких лексических единиц обусловлено необходимостью наименования разных мер еще задолго до введения метрической системы. Поэтому в функции единиц измерения часто употреблялись орудия труда, которые непосредственно окружали человека, отражали род его занятий, а также были связаны с его производительной деятельностью и являлись актуальными для него в определенные исторические периоды.

По мнению Л.Г. Акуленко, приблизительные меры расстояния и веса выражают неопределенное количество и относятся ко вторичной номинации [8, с. 166]. Вслед за В.Н. Телия, под вторичной номинацией понимаем использование уже существующих в языке номинативных средств в новой для них функции именованья [9, с. 129]. Это лингвистическое явление стало объектом исследования в работах Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, В.Г. Гака и др.

Лексемы, обозначающие единицы измерения, рассматриваются как результат МП, основанного на смежности признаков того, что уже обозначено в предыдущем значении слова, и нового, означающего [9, с. 129]. При этом метонимия является одним из способов расширения лексического значения слова. Основываясь на исследованиях разных типов МП (М.П. Кочерган, Л.Г. Лебединская, А.А. Реформатский, А. Henry, St. Ullmann и др.), можно выделить следующие виды МП в системе метрологической лексики:

- фамилия учёного → единица измерения (108 лексем, по 54 единицы в исследуемых языках), напр.: нем. *Siemens* ‘сименс’, укр. *герц* ‘герц’. По мнению А.В. Суперанской, такие лексические единицы являются эпонимами – именами людей, послужившими основой для другого, производного имени или названия [10, с. 22]. В предлагаемой работе эпонимы рассматриваются как наименования единиц измерения по фамилиям учёных, сделавших открытия и внёсших большой вклад в разные области науки, напр.: нем. *Ohm* ‘ом’. Они функционируют как омофоны – лексемы, у которых одинаковое звучание, но разное графическое выражение, при этом имя собственное становится нарицательным, или апеллятивом. В. Фляйшер считает, что в этом случае происходит деонимизация [11, с. 6]. Эпонимы являются заимствованиями и рассматриваются как интернационализмы, т.к. они употребляются более, чем в трех неродственных языках;

- предметы быта (артефакты) → единица измерения (57 лексем, из них 21 единица в немецком языке и 36 – в украинском), напр.: нем. *Fass* ‘бочка’, укр. *відро* ‘ведро’. Исследователи устанавливают объём разных сосудов [13; 14; 15].

(2) нем. *Er trank eine Flasche Bier.* – ‘Он выпил бутылку пива’.

Как можно увидеть из приведенного примера, лексема ‘бутылка’ употребляется в качестве измерителя. В этом случае подразумевается, что он выпил такое количество пива, которое было равно объёму бутылки.

(3) нем. „*Vierundvierzig*“, *sagte er*, „*haben wir Klaren und Kognak eimerweise getrunken – vierundvierzig eimerweise ...*“ [16, с. 132] – ‘В сорок четвертом мы пили водку и коньяк ведрами... В сорок четвертом ведрами...’ [17, с. 136];

- части тела (соматизмы) → единица измерения (43 лексемы, из них 26 единиц в немецком языке и 17 – в украинском), напр.: нем. *Elle* ‘локоть’, укр. *дюйм* ‘дюйм’. Л.А. Молчанова отмечает, что еще в античные времена за основу метрологических систем были взяты пропорции человеческого тела, а именно: полный размах рук был равен росту человека, полный шаг – половине этой высоты, локоть – четверти роста, ступня – 1/6; расстояние между кончиками большого пальца и мизинца в наибольшем их отдалении друг от друга (т.е. дюйм) – 1/9, ширина руки принималась за треть длины ступни, а средняя ширина пальца – 1/12 ступни; голова – 1/6 или 1/7 всего роста [12, с. 6-7].

(4) укр. ... *i парубок бачив у дірці шмат неба й жменю зірок, ясних та чистих, які, однак, злякано тремтіли* [18, с. 759] – ‘... и юноша видел в дырке кусок неба и жменю звезд, ясных и чистых, которые, однако, испуганно дрожали’;

- физические действия → единица измерения (20 лексем, по 10 единиц в исследуемых языках), напр.: нем. *Schluck* ‘глоток’, укр. *крок* ‘шаг’.

4. МП во фразеологизмах и паремиях. Фразеологизмы и паремии с метрологическим компонентом являются одной из многочисленных групп лексического фонда исследуемых языков. С.А. Швачко отмечает, что слова меры и веса выступают в качестве неотъемлемого компонента скороговорок, пословиц, поговорок и фразеологизмов [19, с. 98], напр.: нем. *bis in die Fingerspitzen musikalisch sein* ‘быть музыкальным до кончиков ногтей’, укр. *мишок сліз* ‘плаксивый человек’; нем. *Von Recht zu Unrecht ist nur ein Schritt (eine Spanne)* ‘От закона до несправедливости лишь

один шаг (одна пядь)’, укр. *Почує на ніготь, а прикладе на лікоть* ‘Услышит на ноготь, а прибавит на локоть’. Во фразеологизмах и поговорках, отражающих окружение человека, его взаимоотношения и мировосприятие, употреблялась лексика, использовавшаяся в обиходе в рамках торгово-денежных отношений с давних времен, поэтому здесь представлены как лексемы донаучного периода (*аршин, верста, дюйм, локоть, миля, пядь, сажень* и др.), так и научного (*километр, литр, метр, минута, световой год, секунда, час* и др.). Примерами служат: нем. *Kilometer fressen* ‘мчать’, укр. *роздавити півлітру* ‘распивать спиртное’; нем. *Eine Minute heute ist besser als eine Stunde morgen* ‘Одна минута сегодня лучше, чем один час завтра’, укр. *Краще на п'ять хвилин раніше, ніж на хвилину пізніше* ‘Лучше на пять минут раньше, чем на минуту позже’. Однако следует отметить, что МП «фамилия ученого (эпоним) → единица измерения» во фразеологизмах и поговорках не зафиксирован.

Детерминологизируясь, метрологическая лексика выходит за рамки терминосистемы, теряя свою стилистическую нейтральность и приобретая экспрессивность, напр.: нем. *Meilen misst man nicht mit der Elle* ‘Мили не меряют локтем’, укр. *Як одступиш од грамоти на аршин, то вона од тебе на сажень* ‘Как отступишь от грамоты на аршин, то она от тебя на сажень’.

Как следует из приведенных примеров, для выражения экспрессивности используется противопоставление «мало» (нем. *Elle* ‘локоть’, укр. *аршин* ‘аршин’) – «много» (нем. *Meile* ‘миля’, укр. *сажень* ‘сажень’).

5. Выводы. В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) метрологическая лексика со значением вторичной номинации относится к одному из древнейших слоев лексики немецкого и украинского языков и является антропоцентричной;

2) хронологически можно выделить два периода метрологической лексики: донаучный, характеризующийся наличием устаревшей лексики и научный, охватывающий разные системы измерения и представленный терминами-интернационализмами;

3) в системе метрологической лексики установлены следующие типы МП: фамилия ученого (эпоним) → единица измерения (характерный для научного периода метрологической лексики), предметы быта (артефакты) → единица измерения, части тела (соматизмы) → единица измерения и физические действия → единица измерения. Последние три типа МП относятся к донаучному периоду метрологической лексики.

4) все три типа МП донаучного периода метрологической лексики представлены во фразеологизмах немецкого и украинского языков, в отличие от одного типа МП научного периода «фамилия ученого (эпоним) → единица измерения», который отсутствует во фразеологизмах и поговорках исследуемых языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft / Hadumod Bußmann. – [3., aktual. und erw. Aufl.]. – Stuttgart : Kröner, 2002. – 783 S.
2. DUW: Duden Deutsches Universalwörterbuch / [hrsg. u. bearb. vom Wissenschaftlichen Rat u. den Mitarbeitern der Dudenredaktion ; unter der Leitung von G. Drosdowski. – [5., überarb. Aufl.]. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 2003. – 1892 S.
3. ВТССУМ: Великий тлумачний словник сучасної української мови / [уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел]. – К. : Ірпінь : ВТФ «Перун», 2004. – 1425 с.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
5. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. – М. : Академия, 2008. – 304 с.

6. Köppen W. Das Treibhaus // Die drei Romane. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1996. – S. 221 – 390.
7. Кеппен В. Голуби в траве. Теплица. Смерть в Риме: романы: [переводы]. – М. : Прогресс, 1972. – 506 с.
8. Акуленко Л. Г. Поле неопределенно малого количества в немецком и русском языках / Л. Г. Акуленко // Категория количества в современных европейских языках / Акуленко В. В., Швачко С. А., Букреева Е. И. – К. : Наук. думка, 1990. – С. 160–172.
9. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименований. – М. : Наука, 1977. – С. 129–221.
10. Суперанская А. В. Структура имени собственного (фонология и морфология) / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1969. – 207 с.
11. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. – 2., durchgesehene und ergänzte Auflage. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1995. – 382 S.
12. Молчанова Л.А. Народная метрология (к истории народных мер длины) / Л.А. Молчанова. – Минск : Наука и техника, 1973. – 81 с.
13. Кривчанська М.Ф. Назви посуду гончарного промислу Полтавщини / М.Ф. Кривчанська // Полтавсько-київський діалект – основа української національної мови. – К. : Вид-во Акад. наук Укр. РСР, 1954. – С. 115–129.
14. Prickler H. Der Eimer. Ein Beitrag zur mittelalterlich-neuzeitlichen Meßkunde des burgenländischen Raumes / H. Prickler // Burgenländische Heimatblätter, 1962. – Jg. 24. – S. 21–34.
15. Schmitz D. Einen Scheffel aus Weser – den hat nicht jeder Esel! Ein Bericht über metrologische Gegebenheiten in und Sammlungsstücke aus Wesel / D. Schmitz // Kunst – Kultur – Geschichte am Niederrhein. – Bielefeld : Verlag für Regionalgeschichte, 2005. – S. 109–120.
16. Böll H. Ansichten eines Clowns : [Roman] / Heinrich Böll. – München : dtv, 1997. – 281 S.
17. Белль Г. Глазами клоуна: роман, повести [пер. с нем.] – Ростов н/Д : Феникс, 2000. – С. 5 – 281.
18. Мушкетик Ю. М. Яса : [роман] / Юрій Михайлович Мушкетик. – К. : Дніпро, 1990. – 831 с.
19. Швачко С.О. Слова міри і ваги: лінгвокогнітивні аспекти: Монографія / С.О. Швачко. – Суми : Вид-во СумДУ, 2008. – 132 с.

Поступила в редакцию 30.05.2017 г.

METONYMY IN THE SYSTEM OF METROLOGICAL LEXIS IN GERMAN AND UKRAINIAN

N.V. Povtorukha

The article highlights metonymy in the system of metrological lexis on the material of the German and Ukrainian languages. Considerable part of lexemes emerged after the implementation of the metric system (SI). The corresponding lexemes have appeared in the process of secondary nomination as a result of a metonymic shift.

Key words: secondary nomination, metonymical shift, metrology, term, eponym.

Повторуха Наталья Васильевна

Старший преподаватель кафедры германской филологии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк
E-mail: natalpov@mail.ru

Povtorukha Nataliya Vasilievna

Senior Lecturer of the Germanic Philology Department
Donetsk National University
e-mail: natalpov@mail.ru

УДК 801.311

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В СТРУКТУРЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЗАПАХ»: СОСТАВ, СЕМАНТИКА, ТИПОЛОГИЯ

© 2017. Т. И. Русенко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Статья посвящена анализу существительных с семей 'запах', извлеченных методом сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» под ред. Кузнецова С. А. Цель работы – выделение лексико-семантической группы существительных со значением 'запах' и определение её места в соответствующем лексико-семантическом поле. Автор группирует собранные лексемы в подгруппы по значению, формируя ядро и периферию группы, а затем соотносит полученные данные со схемой лексико-семантического поля «запах», разработанной Н. С. Павловой.

Ключевые слова: лексическая семантика, когнитивная семантика, концепт «запах», лексико-семантическая группа, лексико-семантическое поле.

В последние десятилетия в научном сообществе особой популярностью пользуется междисциплинарный подход, позволяющий рассматривать какую-либо проблему с разных точек зрения. Такая позиция, свойственная антропоцентрической парадигме и обозначаемая термином *экспансизм* [1], позволяет использовать данные, полученные в рамках одной дисциплины, для развития другой.

Так, вербальным планом выражения концепта (термин когнитивной лингвистики и лингвокультурологии) является лексико-семантическое поле (термин лексикологии), поэтому, рассматривая, к примеру, концепт «запах», мы непременно приходим к анализу лексико-семантических групп (ЛСГ) с таким значением и лексико-семантического поля (ЛСП) запаха в целом. Однако данные, полученные в результате анализа, осмысливаются уже в рамках когнитивной лингвистики. Исследователь Е. А. Кудинова так пишет об этом в своей статье: «<...> под лексемой понимается семантическое содержание в лексической форме, которая раскрывается в словарной статье, и под концептом – когнитивное содержание в той же лексической форме. Лексема является центральным понятием лексической семантики, а концепт – когнитивной. Изучение лексем предполагает поиск в области их семантики причины и пути эволюции, перекрёстность с другими лексемами, анализ структуры лексического значения и семантическая классификация, сочетаемость/несочетаемость на синтагматической основе. Исследование концептов преследует цель изучения языкового сознания носителей данного языка» [2, с. 49]. Иными словами, «когнитивная лингвистика стоит на плечах лексической семантики, а точнее семантической синтагматики» [3, с 3].

Кроме того, «метод поля наилучшим образом отвечает пониманию языка как «продукта» сферы сознания этноса, поэтому метод поля не снижает своей актуальности и в настоящее время, поскольку позволяет рассматривать лексику в свете концепции языковой картины мира» [3, с 11].

В данной статье мы предпринимаем попытку выделения лексико-семантической группы (ЛСГ) существительных со значением 'запах' на материале «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (БТС). Таким образом, **цель работы** – выделение ЛСГ существительных запаха и определение ее

места в соответствующем лексико-семантическом поле (ЛСП). Для достижения цели нами был поставлен **ряд задач**:

- 1) методом сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» выделить существительные, содержащие сему 'запах';
- 2) сгруппировать данные слова в соответствии с их значениями;
- 3) выделить ядро и периферию рассматриваемой группы слов;
- 4) соотнести ЛСГ существительных со схемой ЛСП запаха, разработанной Н. С. Павловой [4] и внести в схему, по необходимости, коррективы.

Актуальность предлагаемой статьи заключается в том, что при исследовании лексики со значением «запах» и разработке схемы соответствующего ЛСП материал «Большого толкового словаря русского языка» не использовался, поэтому полученные данные могут дополнить сложившуюся картину. Также, результаты, полученные в данной статье, послужат нам в дальнейшем при сравнении литературной одоративной лексики с диалектной, отбор которой был осуществлён нами ранее из «Словаря русских народных говоров» (СРНГ) [5]. Частично метод сопоставления будет применён нами уже в этой статье.

Материалом для настоящей статьи, как уже отмечалось, послужила выборка существительных со значением запаха из «Большого толкового словаря русского языка» [6]. Следует отметить, что выбор лексем, подходящих под данную ЛСГ, проводился по принципу наличия указания на сему 'запах' в толковании, либо в примере, подкрепляющем словарную статью ("потенциальная сема", по Н. С. Павловой). Слова, которые, возможно, и вызывают ассоциацию с запахом, но не содержат соответствующей семы в пояснении, мы не принимали во внимание, чтобы избежать субъективности авторских ассоциаций.

Опираясь на упомянутые принципы, нам удалось выбрать 199 существительных, содержащих в своём значении сему 'запах'. Для 15 из них сема запах «<...> выступает как важнейший элемент в организации лексического значения <...>» [4, с. 7]. В остальных случаях указанная сема конкретизирует, ограничивает значение, либо является возможной (дифференциальная, лимитирующая, потенциальная семы, по Н. С. Павловой [4, с. 7]).

Внутри группы одоронимов, то есть слов, непосредственно обозначающих запах (I), мы выделили следующие подгруппы:

1. Нейтральный запах.
2. Приятный запах.
3. Неприятный запах.
4. Определённый запах.

(I. 1) К первой подгруппе однозначно относится лексема *запах* (свойство веществ, воспринимаемое обонянием) [6, с. 336], которая является именем поля и центром его ядра. Она не несёт в своём значении оценки запаха. Иными словами, в данной лексеме представлено лишь категориально-лексическое значение без дополнительных дифференциальных сем. Потенциально, данная лексема может использоваться для описания как приятных, так и неприятных запахов. Также к этой группе относятся еще две лексемы с неоднозначным толкованием: *дух* (7. разг. Запах, аромат) [6, с. 289] и *дыхание* (4. Запах, аромат) [6, с. 292]. Как видим из толкования, эти лексемы могут обозначать как запах без проявления оценки, так и приятный запах (аромат), распознать значение можно лишь в контексте. Например, к словарной статье *дух* дается два примера: *На веранде стоял грибной д. Скипидарный д. новых досок.* В обоих случаях запах конкретизируется. И если *грибной дух* может быть воспринят как *аромат*, то

запах скипидара вряд ли можно назвать приятным (в БТС скипидар определяется как «бесцветная или желтоватая жидкость с едким запахом» [6, с. 1195]). В Словаре русских народных говоров лексема дух обозначает запах без какой-либо оценки. Однако дополнительная сема все же имеется: **Дух** – 7. Запах (человека или животного), воспринимаемый чутьём (собаки, оленя, хищного животного и т. п.) [7, с. 274–277]. Двоющим толкованием обладает и лексема **душок** [6, с. 291]. В первом случае, это лёгкий запах; запашок, то есть *уменьш.* к Дух (7 зн.). Здесь категориально-лексическая сема запаха сочетается с дифференциальной семой интенсивности. Во втором случае, душок – это запах от чего-л. начинающего портиться, гнить. Иными словами, конкретизированный запах (об этом подробнее скажем ниже).

(I. 2) Лексемы, обозначающие приятный запах:

амбре (благовоние, приятный запах). Данная лексема подается в словаре с пометкой "Устарелая". В современном же языке ее можно встретить в разговорном стиле в противоположном значении: о дурном запахе, зловонии [6, с. 37];

аромат (1. Приятный запах, благоухание) [6, с. 47];

благовоние (1. Приятный запах, аромат) [6, с. 81].;

благоухание (1. Приятный запах; аромат) [6, с. 82];

дыхание и **дух** в значении “аромат”.

Любопытно, что в СРНГ нам удалось найти лишь одну лексему, обозначающую приятный запах – **маннаст** [8, с. 363]. Слов, описывающих неприятные запахи, куда больше.

(I. 3) Лексемы, обозначающие неприятный запах, в Большом толковом словаре представлены не так ярко, как в Словаре русских народных говоров. Очевидно, в некоторой степени данный факт можно объяснить условиями отбора лексики в словарь литературного языка. Нами выделены следующие единицы:

вонь (разг. сильный отвратительный запах, зловоние) и усилительное значение **вонища** [6, с. 148];

запашок (разг. слабый дурной запах; душок) [6, с. 337]. В данной лексеме также проявляется дифференциальная сема ‘интенсивность запах’;

зловоние (отвратительный запах, резкая вонь; смрад) [6, с. 365];

смрад (отвратительный запах; зловоние) [6, с. 1220];

амбре (применительно к разговорному стилю).

(I. 4) Следующую подгруппу мы условно обозначили как “определенные запахи, или запахи конкретных предметов” (Н. С. Павлова в этом случае говорит о ДС ‘качество запаха’). Лексемы, попавшие в нее, называют запах чего-либо. Как правило, в русском языке описание запаха (за исключением оценочного значения) осуществляется вне самого одоронима – посредством контекста. Слов же, которые несут описание внутри себя, не слишком много, но они есть. Это уже упоминавшаяся нами лексема **душок** в значении ‘запах от чего-л. начинающего портиться, гнить’, а также такие лексемы:

затхлость (2. Запах залежалых, долго не проветривавшихся, не употреблявшихся вещей, продуктов и т. п.) [6, с. 353];

перегар (2. Запах, получающийся при перегорании чего-л.; 3. Неприятный запах изо рта, вкус во рту от выпитого накануне спиртного) [6, с. 797];

собачина (3. Разг. запах собаки, собачьей шерсти) [6, с. 1224].

Анализируя материал из Словаря русских народных говоров, в отдельную группу, ввиду их многочисленности (32 единицы), мы объединяли лексемы со значением ‘дым, чад, запах горелого’. Эта группа была отнесена нами к ядру поля. Согласно значению,

данному слову *дым* в Большом толковом словаре, сема 'запах' выступает в нем лишь как потенциальная (указание на запах подаётся в пример словарной статьи). Лексем, которые бы обозначали именно запах дыма, в БТС нами не выявлено. Также нами не выявлено лексем с КЛС 'отсутствие запаха'. В СРНГ такая лексема нам встретилась:

Бездушность, и, ж. Отсутствие запаха. Исет. Перм., 1923 [9, с. 190].

Перейдём к рассмотрению группы лексем, прямо не обозначающих запах, но содержащих в своём значении такую сему (II.). Вслед за Н. С. Павловой, мы относим сюда названия растений, животных и веществ, в толковании которых сема 'запах' присутствует как дифференциальная, а также существительные, обозначающие процесс восприятия запаха, свойства, предметы и явления, связанные с обонянием.

(II. 1). Названия натурфактов (животных, растений, веществ растительного и животного происхождения и т. п.), например:

Ананас, -а; мн. род. -ов; м. [исп. ananas]. Травянистое тропическое растение сем. бромелиевых с крупными **ароматными** и сочными плодами в виде шишки. || Плод этого растения. || мн.: ананасы, -ов. Кусочки мякоти этого плода как десерт, лакомство. *Свежемороженые ананасы. Мороженое с ананасами.* < *Ананасик, -а; м. Уменьш. ласк.* [6 с. 38].

Или:

Вонючка, -и; мн. род. -чек, дат. -чкам; ж. 1. Небольшое хищное животное сем. куньих с ценным мехом, издающее резкий запах; скунс. *2. Разг.-сниж.* О человеке, от которого плохо пахнет. *3. Разг.* Название различных растений с неприятным запахом [6, с. 148].

Как видим, в толковании присутствует указание на наличие у плода запаха. Сема 'запах' является дифференциальной, в то время как категориально-лексической выступает в первом примере сема 'растение', а во втором – 'животное'.

К данной группе мы также причислили названия пряностей, приправ и растений, которые используются в парфюмерном производстве. Например:

Бергамот, -а; м. [итал. bergamotto] *1.* Небольшое вечнозелёное цитрусовое дерево с плодами грушевидной формы, в кожуре которых содержится эфирное масло; плод и семена этого дерева (**используется в парфюмерном и кондитерском производствах**). *Чай с бергамотом.* *2.* Сорт груши с плодами овальной формы. // Плод этого дерева. < **Бергамотный; бергамотовый, -ая, -ое.** *Б-ое масло* [6, с. 71].

Сюда же мы относим продукты, полученные на основе растений и перенявшие их запах. Например:

Ерофеич, -а (-у); м. Водка, настоянная на разных пахучих травах. Выпить ерофеича. *Рюмочка ерофеича.* ▪ От отчества московского целовальника Василия Ерофеича (19 в.), которому принадлежит способ приготовления этой водки [6, с. 297].

Слов, в которых сема 'запах' выступает дифференциальной, куда больше, чем непосредственно одоронимов (или одоративов – термин Л. М. Васильева). В Большом толковом словаре русского языка мы обнаружили целый ряд таких лексем: *амбра, анис, арника, багульник, бадьян, базилик, бальзам, белена, береза, ванилин, ваниль, гардения, гвоздика (2), герань, гиацинт, гной, дурман, душица, жасмин, земляника, зубровка, камелия, кинза, кориандр, корица, лаванда, лавр, лавровишня, левкой, ликер, лимонник, липа, магнолия, майоран, малина, манго, медуница, мелисса, миро, мирра, мирт, мускат, мускус, мята, нарцисс, орхидея, пачули, полынь, пряность, редька, роза, розан, розмарин, рокфор, сандал, сантал, сирень, смола, тархун, терпентин, тимьян, тмин, трюфель, тубероза, тухлятина, укроп, фиалка ночная,*

хрен, цветок, цедра, черемша, чеснок (чесночина), чесночник, шалфей, шартрез, шафран, эстрагон, эфиринос.

(II. 2). Названия химических веществ и артефактов, процессов, связанных с запахом.

Например:

Ароматизатор, -а; м. Вещество, обладающее приятным запахом, используемое для придания запаха продуктам питания, парфюмерным изделиям и т. п. *Лимонный а. Чай с ароматизаторами* [6, с. 47].

Сюда мы также включили названия химических веществ, характерным свойством которых является отсутствие запаха:

Гелий, -я; м. [от греч. *hēlios* – солнце]. Химический элемент (He), не имеющий запаха химически инертный газ, самый лёгкий после водорода. <**Гелиевый**, -ая, -ое. *Г-ое ядро* [6, с. 197].

Данная группа также довольно многочисленна: *аммиак, ацетилен, ацетон, бром, водород, гераниол, деготь, духи, камфара, карамель, курево, куренье, ладан, ментол, миазмы, нафталин, одеколон, озон, озонизация, парфюмерия (в 1 зн. – ароматические изделия (духи, одеколон, мыло и т.п.), применяемые в косметических и гигиенических целях.), помада, помадка, пропан, пудра, репеллент, рокфор, саше, скипидар, угар, уксус, фенол, фенолфталеин, феромон, фимиам, формалин, формальдегид, фтор, хлор, хлорка, циан, шампунь, эссенция, эфир.*

(II. 3). Существительные, обозначающие процесс восприятия запаха, свойства, предметы и явления, связанные с обонянием. Это такие лексемы: *букет (2. только ед.* Совокупность ароматических и вкусовых свойств, оттенков чего-л.), *дегустация, идиосинкразия* (повышенная, болезненная чувствительность организма к некоторым веществам, запахам и другим раздражителям), *нос* (наружный орган обоняния), *нюх, обоняние, органолептика, чувственность, чувствительность, чувство, чутье.*

В данную группу мы также отнесли лексему *ароматерапия* [6, с. 47], обозначающую метод лечения, основанный на использовании полезных свойств ароматов. При классификации мы опирались на тот факт, что именно восприятие запаха оказывает благотворное воздействие на здоровье человека.

В последнюю группу (III) мы отнесли существительные, в которых сема запаха потенциальная – «не манифестированная в толковании, однако актуализирующаяся в контекстах иллюстративной части словарных статей» [4, с. 7] (III.1). Например:

Резеда, -ы; ж. Травянистое растение с колосообразными или кистеобразными соцветиями. *Душистая р. В воздухе пахло резедой.* <**Резедовый**, -ая, -ое. *Р. запах. Р-ое масло* [6, с. 1112].

Это такие существительные: *гниль, гнильца, гниение, донник, дохлятина, духота, дым, дымление, квасцы, мертвечина, мимоза, навоз, нашатырь, никотин, пот, рута, сивуха, табак, тление, чад, шиповник, шлейф.*

Также сюда мы внесли лексемы, опосредованно связанные с запахами, то есть такие, в тексте словарной статьи которых употребляются лексемы, имеющие в своем значении дифференциальную сему запаха (III.2). Например:

Анисовка, -и; мн. род. –вок, дат. –вкам; ж. 1. Сорт водки; водка, настоянная на семенах аниса <...> [6, с. 40].

Семена аниса используются как пряность, а также в парфюмерии, то есть обладают запахом, который при настаивании приобретает и напиток.

Или:

Гнойник, -а; *м.* 1. Место скопления, выделения гноя [6, с. 212].

Гной же это – «густая жидкость желтовато-зелёного цвета, обычно с неприятным запахом, образующаяся в тканях живого организма при воспалении, гниении» [6, с. 212].

Данной подгруппы нет в классификации Н. С. Павловой, однако, мы считаем целесообразным ее выделить. По указанному принципу нам удалось выявить такие лексемы: *гноение, дегустатор* (специалист по дегустации), *курильница* (прибор для сжигания благовонных веществ), *ладанка, маринад, нюхальщик, нюхач, парфюмер, пикули, помазанье, понюх, понюшка, розарий, сациви, сбитень, табакерка*.

Итак, переходим к определению описанных групп существительных в составе поля. Согласно схеме ЛСП «запах», предложенной Н.С. Павловой [4, с. 11], ядро данного поля составляют существительные-одоронимы, для которых сема 'запах' является классифицирующей. В нашем случае это лексемы из первой группы, разделенные на 4 подгруппы (нейтральные, неприятные приятные запахи, конкретные запахи).

Выделяет Н.С. Павлова и два подполя: "запах-свойство" (ядро – прилагательные-одоронимы) и "восприятие запаха" (ядро – глаголы – одоронимы, для которых сема 'восприятие запаха' является классифицирующей). К телу подполя "запах-свойство" исследовательница относит существительные с дифференциальной семой 'запах' (натурфакты (растения, животные и пр.) и артефакты, связанные с запахом). Применительно к нашему материалу, данное место в поле занимают подгруппы **(II. 1)** название натурфактов (животных, растений, веществ растительного и животного происхождения и т. п.) и **(II. 2)** (названия химических веществ и артефактов, процессов, связанных с запахом).

На периферии подполя "запах-свойство" и поля в целом располагаются лексемы, несущие в себе потенциальную сему запаха. Это подгруппы **(III.1)** (сема запаха реализуется в иллюстративной части словарных статей) и **(III.2)** (лексемы, в тексте словарной статьи которых употребляются лексемы, имеющие в своем значении дифференциальную сему запаха).

Обнаруженные нами в БТС существительные *букет, дегустация, идиосинкразия, нос, нюх, обоняние, органолептика, чувственность, чувствительность, чувство, чутье* соотносимы с телом подполя "восприятие запаха".

Таким образом, анализ материала показывает, что в «Большом толковом словаре русского языка» содержится большое количество существительных, имеющих в своем значении сему 'запах'. Чаще всего встречаются лексемы, для которых сема 'запах' является дифференциальной.

Собранные нами лексемы, с небольшими уточнениями, вписываются в схему ЛСП «запах», разработанную Н. С. Павловой. В то же время при сравнении полученных данных с материалом из «Словаря русских народных говоров» можно заметить некоторые различия. Так, в СРНГ куда объемнее представлена группа существительных с КЛС 'запах', имеющих неприятную оценку, в свою очередь, существительных-одорантов с положительной оценкой запаха больше в БТС. Также интерес вызывает тот факт, что в диалектном словаре существует группа слов с КЛС 'запах дыма', в то время как в словарях литературного языка, проанализированных нами и Н. С. Павловой, лексема *дым* и другие наименования процессов горения находятся на периферии поля, поскольку несут в себе лишь потенциальную сему запаха. Очевидно, объяснить это можно следующим образом: носители диалектов по большей части являются сельскими и деревенскими жителями, дома которых,

зачастую, имеют (или имели ранее) печное отопление, да и в сельскохозяйственных работах нередко используется дым, отсюда более точное описание запаха дыма, нежели в литературном, так сказать, «рафинированном» языке.

Таким образом, анализ языковых единиц, за которыми стоит сема 'запах', сопоставление их употребления и места в лексико-семантическом поле позволяет пролить свет на отношение русского народа к такому свойству предметов, как запах, а также к способности человека его воспринимать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение : Учеб. пособ. / О. Н. Кондратьева, М. В. Пименова. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 176 с.
2. Кудинова Е. А. Концепт и его соотнесение с лексико-семантическим полем / Е. А. Кудинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота. – 2008. – N 1 (1). – В 2-х ч. – Ч. II. – С. 48–50.
3. Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках : Монография / С. А. Моисеева. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2005. – 248 с.
4. Павлова Н. С. Лексика с семой 'запах' в языке, речи и тексте : Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Н. С. Павлова. – Екатеринбург, 2006. – 20 с.
5. Русенко Т. И. Лексико-семантическая группа существительных со значением запаха в структуре соответствующего лексико-семантического поля (на материале «Словаря русских народных говоров») / Т. И. Русенко // Вісник Донецького національного університету. Сер. Б. Гуманітарні науки. – 2013/1-2. – С. 272–277.
6. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
7. Словарь русских народных говоров. – Вып. 8. – Л. : Наука, 1972. – 370 с.
8. Словарь русских народных говоров. – Вып. 17. – Л. : Наука, 1981. – 384 с.
9. Словарь русских народных говоров. – Вып. 2. – М.-Л. : Наука, 1966. – 317 с.

Поступила в редакцию 27.09.2017 г.

NOUNS IN THE LEXICAL-SEMANTIC FIELD OF SCENT: STRUCTURE, MEANING, TYPOLOGY

T. I. Rusenko

The article addresses Russian nouns with the meaning of “scent” registered in the Big Explanatory Dictionary of the Russian Language (edited by S. A. Kuznetsov). The research objective is to distinguish the lexical-semantic group of the nouns with the meaning of “scent” as well as to determine their status in the relevant lexical-semantic field. Depending on the nouns’ meaning the author classifies the collected data into the core and periphery groups and then compares the classification obtained with N. S. Pavlova’s approach to the analysis of the lexical-semantic field “scent, smell”.

Key words: lexical semantics, cognitive semantics, mental representation of scent, lexical-semantic group, lexical-semantic field.

Русенко Татьяна Ивановна

Аспирант кафедры общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Главный специалист отдела внутренней политики администрации города Шахтерска.
e-mail: rusenko-tanya@mail.ru

Rusenko Tatiana Ivanovna

Postgraduate student of the Department of General and Historical Linguistics
Donetsk National University
Chief Specialist of Shakhtersk City Administration
Department for Internal Policy
e-mail: rusenko-tanya@mail.ru

УДК 82.09

ЖАНР БАЛЛАДЫ В КОМЕДИИ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА»

© 2017. *И. В. Симонова*

В статье рассматривается влияние и реализация черт жанра баллады как лиро-эпического элемента на комедию А. С. Грибоедова «Горе от ума», анализируются черты указанного жанра в тексте комедии. Определено, что А. С. Грибоедов намеренно вольно играет литературными родами и жанрами, подчеркивает драматическую родовую доминанту произведения и ищет новые литературные формы, рассчитанные на подготовленного читателя.

Ключевые слова: баллада, комедия, родо-жанровая доминанта, «Горе от ума».

С момента написания комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», первых ее постановок и публикаций прошло достаточно много времени, а критика все еще никак не придет к однозначной позиции в трактовке данного литературного произведения. Слишком много заложил автор, слишком «умно» выстроил произведение, что позволяет раскрывать все новые и новые пласты в нем. «Если разбирать творение для того, чтобы определить, хорошо ли оно, посредственно или дурно, надобно прежде всего искать в нем красот. Если их нет - не стоит того, чтобы писать критику; если ж есть, то рассмотреть, какого они рода? много ли их или мало? Соображаясь с этим только, можно определить достоинство творения» [8], - так закончил А. С. Грибоедов статью «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора»» в 1816 году. Эти слова можно применить и к анализу произведения самого А. С. Грибоедова «Горе от ума».

В произведении А. С. Грибоедова можно проследить черты всех родов литературы. Наиболее продуктивным для понимания сути произведения является анализ родо-жанровых особенностей комедии «Горе от ума» и определение родовой доминанты произведения. Такой подход позволит примирить существующие точки зрения на произведение, решить вопросы противоречий внутри комедии, в чем и заключается актуальность представленного исследования.

Цель данной работы – проследить влияние и реализацию черт жанра баллады как лиро-эпического элемента комедии.

Исследованию жанра баллады посвящены работы Д. М. Балашова [1], Т. И. Воронцовой [2], Л. Н. Душиной [3], В. М. Жирмунского [4], В. В. Знаменщикова [5], Р. В. Иезуитовой [6], А. М. Микешина [9].

Тематика исследований, поднятых авторами, разнообразна. Д. М. Балашов сосредоточил свое внимание на постановке вопроса о балладе в русской и западной фольклористике. Т. И. Воронцова анализировала композиционно-смысловую структуру изобразительно-повествовательных баллад. Л. Н. Душина исследовала поэтику русской баллады, ее специфику в отличие от западных аналогов. В работах В. М. Жирмунского рассматриваются особенности английской баллады. Жанровые особенности русской баллады представлены в работах В. В. Знаменщикова, а исследованию жанра баллады в эпоху романтизма посвятила свои исследования Р. В. Иезуитова. Вопросами жанровой структуры русской романтической баллады задавался в своих статьях А. М. Микешин.

Баллада – жанр, с одной стороны тяготеющий к народным традициям, а с другой, претерпевший ряд изменений и трансформировавшийся в некое новое лиро-эпическое образование. Традиционно баллады разделяют на народные и литературные.

Литературная баллада стала популярна в русской литературе благодаря творчеству В. А. Жуковского. Стоит ли напоминать, что А. С. Грибоедов относился к данному жанру с некой долей скептицизма, может быть именно поэтому черты жанра баллады в комедии мы можем наблюдать в рассказе Софии о сне, который приснился-не приснился ей ночью, когда она музицировала с Молчалиным. А. С. Грибоедов как бы намеренно подчеркивает, что историю, характерную для баллады, может сочинить любая мало-мальски образованная девица, знавшая образцы данного жанра.

Исходя из композиционно-смысловой структуры изобразительно-повествовательных баллад лирического характера, можно выделить основные характерные черты литературной баллады:

1. Наличие сюжета (зачастую он построен как раскрытие некоей тайны, исключительного случая, который выводит за границы повседневной реальности; развязка, как правило, носит трагический характер).
2. Эмоциональное напряжение, заставляющее переживать за героя. Выделение центрального персонажа, чьими усилиями будет развиваться конфликт.
3. Отсутствие границы между миром природы и людей.
4. Включение диалога (который может трансформироваться в монолог или рассказ от третьего лица).
5. Сочетание элементов фантастики и реальности.
6. Богатство выразительных средств и художественных приемов.

Проанализируем начало комедии, когда София произносит балладу-экспропт рассказывая о своем сне. Именно в нем А. С. Грибоедов «играет» чертами данного жанра. Сюжет, который сходу, не задумываясь, придумывает София, исключительно прост и одновременно типичен для данного жанра: героиня ищет на лугу траву, встречает возлюбленного. Их чувства взаимны, но есть социальное неравенство: она богата, он беден. Затем – резкая смена действия, герои уже не на лугу, а в темной комнате, наполненной чудовищами. Раскрывается пол, и появляется отец героини, несколько демонизированный в потусторонней реальности. Возлюбленных разлучают, мучают избранника, героиня кричит, пытаясь все прекратить и... просыпается. Вспомним сюжеты баллад В. А. Жуковского «Алина и Альсим», «Уллин и его дочь», «Эльвина и Эдвин» и др., в одной мы можем найти образ отца, разлучившего героев из-за их социального неравенства, в другой – преследование отцом стремление разлучить героев, в третьей – вмешательство матери и трагическую гибель героини. Как видим, сюжет, придуманный Софией – компиляция сюжетов известных ей баллад (примеры из произведений В. А. Жуковского демонстрируют нам их типичность). В то же время сон Софии – это еще и ирония над жанром, иначе А. С. Грибоедов изменил бы себе: в комедии он играет жанрами и направлениями. Поэтому, кроме традиционно понятного балладного сюжета, в произведении прослеживается ряд несостыковок, разрушающих представление о жанре. Автор «Горе от ума» соблюдает традиционные жанровые черты баллады:

- исключительная ситуация, при которой герои, стараясь сохранить свою любовь, испытывают терзания;
- приближающаяся развязка, которая как бы намекает на какой-то трагический финал;
- эмоциональное напряжение повествования вплоть до развязки;
- смешение элементов фантастики (чудовища, темная комната, разверзшийся пол, откуда появляется отец героини) и реальности (цветистый луг, робкий молодой человек);
- определение центральным персонажем самой героини и пр.

Одновременно развязка намечается, но ее нет – героиня «просыпается», так и не узнав, чем заканчивается противостояние; действие не доведено до конца; эмоциональное напряжение прерывается замечаниями Фамусова, снижающими просторечной лексикой романтический накал: «Ах, матушка, не довершай удара!\\ Кто беден, тот тебе не пара!»[7]; отсутствие диалога (скорее можем наблюдать пересказ от третьего лица); минимальное использование выразительных художественных средств (сравнение «бледны, как смерть», метафоры «с громом распахнулись двери», «раскрылся пол», латентная градация «стон, рев, хохот, свист чудовищ»). Все указывает на вольное использование жанра баллады А. С. Грибоедовым.

Кроме того, О. А. Левченко в статье «Грибоедов и русская баллада 1820-х годов («Горе от ума» и «Хищники на Чегеме»)» замечает еще одну параллель с балладой В. А. Жуковского «Эолова арфа» (музицирование Софии и Молчалина, с которого начинается комедия): «Выстраивая из спародированного мелодраматического сюжета «Эоловой арфы» любовную интригу, Грибоедов травестирует идеальную любовь Софьи к Молчалину, тем самым низводя ее до уровня комического. Идеальный балладный любовник, бедный певец Арминий – и подлец Молчалин, играющий роль идеального любовника, трагический финал судьбы Минваны – и унижительный обман, открывающийся в конце концов Софье, изгнание Арминия разгневанным отцом Минваны – и последняя сцена в комедии, когда оскорбленная Софья велит Молчалину покинуть их дом. На фоне этих параллелей Молчалин и Софья выглядят, как травестированные балладные герои. И драматический сюжет балладного сна Софьи «работает» на комический эффект: введенный в сниженную авантюрно-бытовую ситуацию, он травестирует и романтическую балладу ужаса» [10].

Таким образом, А. С. Грибоедовым в комедии «Горе от ума» представлена аллюзия на балладный сюжет и пародия на жанр баллады. Выстраивая произведение на приеме намеренной игры жанрами и зрителем одновременно, А.С. Грибоедов подчеркивает драматическую родовую доминанту, а используя черты различных литературных родов и жанров, драматический конфликт «Горе от ума». Вольная трактовка некоторых жанров, с одной стороны, позволяет постигнуть глубину драматургии поэта, а с другой, показывает поиски А. С. Грибоедовым новых литературных форм, рассчитанных на подготовленного читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашов, Д. М. Постановка вопроса о балладе в русской и западной фольклористике / Д. М. Балашов // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Вопросы литературы и народного творчества. – Петрозаводск, 1962. – Вып. 35. – С. 62-79.
2. Воронцова, Т. И. Композиционно-смысловая структура изобразительно-повествовательных баллад лирического характера / Т. И. Воронцова // Текст и его компоненты как объект комплексного анализа. – Л.: Наука, 1986. – С. 12-17.
3. Душина, Л. Н. Поэтика русской баллады в период становления жанра : Автореф. дис. ... канд. филол. Наук \ Л. Н. Душина – Л., 1975. – 19 с.
4. Жирмунский, В. М. Английская народная баллада \ В. М. Жирмунский // Северные записки. - 1916, октябрь. - С. 97-99.
5. Знаменщиков, В. В. К вопросу о жанровых особенностях русской баллады \ В. В. Знаменщиков // Вопросы сюжета и композиции. Межвузовский сборник. – Горький, 1980. – С.114-116.
6. Иезуитова, Р. В. Баллада в эпоху романтизма \ Р. В. Иезуитова // Русский романтизм. – Л., 1978. – С. 138-149.
7. Интернет библиотека Алексея Комарова. А. С. Грибоедов. Горе от ума [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/5/p.1/index.html>.
8. Литература и жизнь. А. С. Грибоедов О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dugward.ru/library/zolot/griboedov_lenora.html

9. Микешин, А. М. О жанровой структуре русской баллады / А. М. Микешин // У Пробл. лит. жанров: Материалы межвуз. конф. – Томск, 1972. – С. 16-18.

10. Фундаментальная электронная библиотека. Левченко О. А. Грибоедов и русская баллада 1820-х годов («Горе от ума» и «Хищники на Чегеме») [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://feb-web.ru/FEB/GRIBOED/critics/fom89/str_265.htm

Поступила в редакцию 12.08.2017 г.

GENRE OF BALLAD IN A.S. GRIBODEDOV'S COMEDY "Woe FROM WIT"

I.V. Simonova

The article deals with the influence and realization of the features of the ballad genre as a lyric-epic element in the comedy of "Woe from Wit" by A. S. Griboedov. The features of this genre are analyzed in the text of the comedy. The methods applied in the research are analysis and observation. The conclusion is made that A. S. Griboedov intentionally plays with the literary types and genres. The writer emphasizes the work dramatic generic dominant and looks for new literary forms addressed to the enlightened reader.

Key words: ballad, comedy, type and genre dominant, "Woe from Wit".

Симонова Ирина Васильевна
e-mail: ivsimonova@yandex.ru

Simonova Irina Vasilyevna
e-mail: ivsimonova@yandex.ru

УДК 82-311.1

МИФОЛОГИЗМ В ОБРАЗЕ МИРАНДЫ – ГЕРОИНИ РОМАНА ДЖ. ФАУЛЗА «КОЛЛЕКЦИОНЕР»

© 2017. А.А. Стерхов

Гимназия во имя Святителя Николая Чудотворца г. Сургута

Статья посвящена исследованию мифологических источников в создании и сюжетном развитии образа Миранды как главной героини романа Дж. Фаулза «Коллекционер». Проанализирован образ Миранды как мифологического героя в сопоставлении с её антиподом в романе – Фредериком Клегом, выявлена двойственность образа Миранды, её особенности как культурного героя. Рассмотрен образ героини как части обожествлённой природы. Особое внимание уделено мифологическому мировоззрению Миранды, сочетающему отдельные элементы концепций язычества и ведущих мировых религий.

Ключевые слова: бинарные оппозиции, культурный герой, мифологизм, мифологический герой, мифологическое мировоззрение.

Мифологический подтекст в произведениях ведущих английских писателей XX века имеет глубокие исторические корни как в британской литературе, так и в литературе стран и народов Европы в целом. Достаточно вспомнить многообразие мифологических сюжетов в творчестве В. Шекспира. Зарубежная литература Новейшего времени продолжает активно пользоваться символическим языком мифа. В XX в. наблюдается взаимодействие мифологических мотивов античности и христианства, элементов мифологии индейцев и египтян в построении сюжетных линий и образов героев (здесь следует назвать произведения таких авторов, как Дж. Джойс, Т.Манн, Г.Г. Маркес, К.С. Льюис, У.Б. Йейтс и др.). Всё большую популярность приобретает многообразная система кельтской и германско-скандинавской мифологии, наиболее значительно интерпретированная в фундаментальной эпопее профессора Дж.Р.Р. Толкиена «Властелин Колец», вызвавшей культурную целую волну подражаний в современной, в том числе и отечественной, литературе. Интерпретация древних мифов и собственно мифотворчество становится неотъемлемой частью современного литературного процесса. Одним из наиболее продуктивных, по нашему мнению, воплощений литературного мифотворчества стал роман Дж. Фаулза «Коллекционер», являющийся классическим образцом европейского постмодернизма. Настоящее исследование посвящено анализу мифологизма в образе Миранды – главной героини данного произведения.

1. Миранда как мифологический герой. При сопоставлении двух главных героев романа можно обнаружить одно общее сходство: как и Клегг, Миранда является демиургом, чья творческая инициатива связана с категорией «прекрасного». Но если Клегг, не имея талантов, старается запечатлеть красоту в мертвой рамке фотографии, то героиня стремится сама её *создавать*, запечатлеть красоту окружающего мира с помощью рисования, сотворить вторичный мир в своих картинах, избегая разрушения гармонии мира первичного.

Если Клегг обнаруживает явное сходство с древними божествами, творящими из бесформенной материи простой и суровый мир, то Миранда – уже современный *культурный герой*. Она – воплощенный символ искусства, мировой гармонии, что подтверждается ее связью с музыкой. Слушая музыку в лунном свете у художника Ч.В., героиня, по ее собственному признанию, ощущает себя «частицей мироздания» [5, с. 226]. Музыка в мифологии занимает важное место в качестве созидающего начала. У древних кельтов огромным почтением пользовались барды. Выдающийся

исследователь кельтской и германо-скандинавской мифологии профессор Дж. Толкиен в своей ранней повести «Сильмариллион» описывает картину сотворения мира Илуватаром с помощью музыки. Музыку использует Миранда как средство воздействия на душу Калибана, пытаясь привить ему чувство прекрасного.

Большое значение в мифологизации образа героини имеет соединенный с музыкой в вышеупомянутом эпизоде лунный свет. Лунные культы в древности были одними из наиболее распространенных, поскольку луна была первой мерой времени, управляла приливами и отливами, а также человеческой судьбой. Так и для Калибана начинается новый отсчет времени со дня пленения героини, приливы и отливы царят в душе Миранды по отношению к ее пленителю. Будучи плененной, героиня управляет судьбой Клегга, поскольку он еще ранее попал в плен своей любви к ней. В некоторых традициях луна указывает дорогу в загробный мир, что также связывает героиню с мистическими предзнаменованиями, открывающимися избранным.

В то же время луна лишь отражает солнечный свет, не являясь светилом сама, вернее, она *кажется светилом*, не являясь таковым. Так и Миранда для Клегга становится воплощением идеала Любви, Красоты, Гармонии, но данные абстракции можно перенести и на другого вполне конкретного человека.

Даосизм сравнивает луну с оком духовного знания в темноте невежества, и Миранда воспринимает «жизненные явления как прекрасные и уродливые» [5, с. 101], относя себя, разумеется, к первой категории. Луна также символизирует одновременно чистоту, целомудрие и непостоянство, изменчивость, ледяное безразличие – все эти качества свойственны героине.

Вообще, в образе Миранды нравственная чистота, приписанная ей Клеггом, удивительным образом сочетается с порой безнравственными поступками самой героини (к примеру, упомянутая выше готовность ее на интимную близость с героем в качестве цены своего освобождения). В данном случае характеристика женщин художником Ч.В., с его интерпретацией образа праматери Евы и древнегреческой богини любви Афродиты, применима и к Миранде [5, с. 210].

С одной стороны, для Клегга она уникальна, как была уникальна Ева в первые дни творения, с другой стороны, Миранда близка к Афродите не только статусом богини любви и красоты, но и переводом мужской любви к ней в плоскость чисто плотского влечения, не допуская и мысли о платонизме чувств героя.

Кроме того, Миранда в романе является собирательным образом Принцесс, о которых повествуют мифы и сказки различных народов. Прежде всего это одноименная героиня пьесы Шекспира «Буря», дочь волшебника Просперо (таким волшебником-духовным отцом для нее выступает художник Ч.В.), открывающая для себя «дивный новый мир». Только в отличие от шекспировской героини, Миранда Фаулза видит красоту мира в плане ретроспекции, уже навсегда лишившись его маленьких радостей, которые неспособна была оценить, пользуясь ими без всяких ограничений.

Это и Галатее, вылепленная Пигмалионом – Ч.В., и Шахерезада из сказок «Тысяча и одной ночи», которая также каждую ночь рискует потерять голову на плахе, и типичная средневековая Дама, охраняемая от мира злым драконом, и дочь морского царя – русалка, увлекающая мужчин, лишаящая их рассудка. Отсюда и огромное значение, которое она придает исцеляющему заколдованного принца поцелую.

Итак, образ Миранды, как и образ Клегга, дуалистичен. Рассуждая о типах людей в современном ей обществе: тупых, ограниченных, эгоистичных «новых», и противоположных им по мировоззрению «немногих» – людей искусства [5, с. 272], героиня соединяет в себе оба типа человечества, о чем свидетельствует инициация

Миранды: после неудавшегося побега начинается злость, ненависть (чего не должен испытывать возвышенный человек, чья душа отдана искусству), а затем и нападение на Клегга с топором. Топор – это символ силового решения, говорящего о нехватке у героини мудрости и терпения, что должно быть неотъемлемой чертой буддиста, к каковым относит себя Миранда. Впрочем, у буддистов двойной топор обрубают круг рождений и смертей, что символизирует желание героини полностью и навсегда покончить со своим мучителем.

Двойственность образа Миранды подчеркивается тем, что она часто и подолгу смотрит на себя в зеркало. Зеркало имеет и солярную, и лунную символику, то есть отражает и собственную яркость Миранды, и воплощенный в ней идеал красоты. Считается, что зеркало является входом в зазеркальный мир инверсии, открывает путь для восхождения души, в семитской традиции символизирует женское божество, каковым героиня служит для Калибана, создавшего в своем доме, по сути, ее божественный культ. Зеркало, кроме того, символ богини любви Афродиты, с которой по некоторым признакам мы уже сравнивали Миранду. В буддизме зеркало напоминает, что весь окружающий мир чувств и форм – иллюзия, что дает надежду скорого избавления от страданий для героини.

Таким образом, Миранда своей яркостью, энергичностью, и в то же время возвышенностью чувств и побуждений выступает как символ красоты и наивности в романе. Красота является сущностью бытия и смыслом жизни героини: *«Я воспринимаю жизненные явления как прекрасные и уродливые»* [5, с. 101]. Она хочет *создавать* красоту, быть творцом, неким демиургом, чтобы вырваться из затхлого болота обывательства, и способна на это, но слишком привязана к земной жизни, чтобы обладать решимостью на жертвенность ради приобщения к миру прекрасного еще одной человеческой души.

2. Миранда как часть обожествленной природы. Рассмотрим в данной части нашего исследования Миранду как мифологическую героиню сквозь призму переплетенных с ее образом природных символов, носящих сакральное значение.

Ключевым в мифологическом контексте романа является неразделимо связанный с главной героиней образ бабочки, который здесь так же полисемантичен, как и представления о бабочке в культурах различных цивилизаций. Прежде всего, для интерпретации данного образа следует вспомнить античный миф об Амуре и Психее. Бабочка у древних греков – воплощение человеческой души (Psyche), что весьма символично в романе: Коллекционер не просто поймал женщину – он ловит живую человеческую душу, с ее радостью и горем, болью и страданием. Не случайно КлеGG постоянно сравнивает свои действия с охотой на бабочек: *«Прошло уже дней десять, и, наконец, все и случилось, знаете, как бывает, когда охотишься за бабочками»* [5, с. 30], или *«Знаете, на что это все было похоже, вроде охотишься за бабочкой, за нужным экземпляром»* [5, с. 47].

Ассоциация бабочки с богом любви Эротом (Амуром) возникла благодаря способности вышеуказанных насекомых лететь на огонь и сгорать, подобно тому, как блеск огня притягивает бабочек, любовь притягивает человека. Так бабочка стала символом души, сжигаемой любовью. Таким образом, бабочка символизирует и душу самого КлеGGа, сгорающего от любви к Миранде.

Символично также, что в Средние века возникает новый мотив в представлениях о бабочке – мотив мучения души. Например, «в библиотеке кардинала Ришелье был эстамп: изображение адского шабаша, где души грешников представлены в виде бабочек» [4, с. 149]. КлеGG не только мучает Миранду, он мучается и сам, поскольку

любовь для него стала болезнью. Но в конце романа мы видим, как Клегг превращается просто в мучителя. Свою следующую жертву он выбирает механически, без любви, следуя установленному самим собой в качестве образа жизни порядку.

Интересно, что сама Миранда сравнивает себя в доме Клегга с бабочкой в стеклянной банке [5, с. 243]. Это приближает роман Фаулза к мифотворчеству Э.Т.А. Гофмана. Правда, в отличие от гофмановских людей под стеклянными колпаками, Миранда явственно осознает себя пленницей, отрезанной от всего прекрасного в мире, в том числе и от живой природы.

Чтобы подчеркнуть тесную взаимосвязь образа бабочки с человеческой душой, следует вспомнить и китайскую легенду о даосском мудреце Чжуань-цзы. Суть ее заключается в следующем: однажды Чжуань-цзы приснилось, что он – весело порхающая бабочка. Внезапно он проснулся среди ночи и задумался: снилось ли ему, что он бабочка, или бабочке сейчас снится, что она – Чжуань-цзы? Символом души бабочка считается также в Заире, Мексике, Новой Зеландии и др.

Таким образом, бабочка в романе символизирует прекрасную человеческую душу как часть божественного в природе бытия, ту красоту и любовь, которую Коллекционер расчетливо и методично убивает, заключив под стекло. Парадоксально то, что Клегг убивает красоту, любуясь красотой, *убивает своей любовью*.

Важен и тот факт, что в древности бабочка «представлялась символом трансформации и бессмертия благодаря своему жизненному циклу: ЖИЗНЬ (яркая гусеница) – СМЕРТЬ (темная куколка) – ВОЗРОЖДЕНИЕ (свободный полет души)» [6, с. 792]. Такой же цикл проходит жизнь Клегга в романе. Он получает Миранду, то есть обретает для себя настоящую осмысленную жизнь, затем она умирает; и наконец, он находит новую девушку на букву «М» – Мэриэн, что является своеобразным воскрешением его мечты, реинкарнацией Миранды в его сознании с помощью подбора соответствующей живой «аватары» с необходимыми формальными показателями. Примечательно, что в последнем значении бабочка известна по изображениям на христианских надгробиях: «Христос, держащий на ладони бабочку, символизирует воскрешение» [6, с. 793].

Образ бабочки олицетворяет главную героиню романа не только благодаря красоте и мифологическим связям с духовным миром. Не следует забывать, что в современных представлениях по отношению к бабочке преобладает значение ветреницы, беззаботного существа. Например, устойчивые выражения «бабочка-однодневка», «порхать как бабочка». Именно такой является Миранда, свободная художница, творческая натура, презирующая все земное, обывательское, мелочное. Она – дитя искусства, способное испытывать чистую радость – чувство, которое также символизирует бабочка. Оторванность от мещанского, земного, устремленность ввысь подчеркивают рисунки Миранды незадолго до начала ее болезни: *«Целый день пишу небо... И больше не думаю ни о чем, кроме неба»* [5, с. 291]. И действительно, Миранда слишком легка для земной (в строгих рамках социума) жизни.

Интересно также, что в Китае бабочка – символ легких развлечений и знак влюбленных; в Японии она олицетворяет непостоянного и ветренного любовника; две бабочки символизируют супружеское счастье. Коллекционер пытается в собирании бабочек обрести свое счастье, постичь прекрасное, и находит единственный способ сохранить красоту – убив ее. Поведение Клегга можно прокомментировать древнекитайской мудростью великого Лао-цзы, записанной в трактате «Дао дэ цзин»: *«В поднебесной всегда, узнав о красоте, начинают осуществлять красивое. И вот – уже безобразное»* [1].

Бабочки и Миранда – воплощение прекрасного в мире, божественной живой природы; Клегг-Калибан символизирует безобразное, и его мертвые бабочки внушают лишь жалость и ужас чуткой натуре, поскольку являются безвозвратно погибшими душами.

Уже на первых страницах романа мы встречаем мифологические реминисценции, связанные с обожествляемой природой в облике Миранды. При первом знакомстве читателя с Мирандой Клегг сравнивает объект своего вождения с русалкой [5, с. 8]. Для интерпретации данного образа обратимся к германо-скандинавской и античной мифологии как наиболее продуктивным источникам мифотворчества английских писателей XX века. В германском фольклоре русалки известны под названием «ундины», обитательницы рек, ручьев и озер. Наиболее типичное свойство этих дев воды – завлекать мужчин в гибельные места, очаровывая их своей красотой и сладким пением. Здесь уместно вспомнить легенду о Лорелее, опубликованную на страницах «Справочника для путешественников по Рейну» Алоиза Шрейбера: *«В стародавние времена в сумеречный час и при свете луны на скале Лур-лей показывалась девушка, которая пела голосом столь прелестным, что она пленяла всех, кто слушал ее. Многие проплывавшие мимо разбивались о подводные камни или же погибали в водовороте...»* [2, с. 441].

Отсюда проистекает знаменитая баллада Гейне «Лорелея», героиня которой обнаруживает удивительное сходство с Мирандой Фаулза. Например, герой романа (Клегг) акцентирует особое внимание на волосах Миранды: очень светлых, шелковистых, и особо отмечает тот миг, когда ему *«посчастливилось увидеть эти волосы свободно рассыпавшимися по плечам»* [5, с. 7]. Обычно же волосы Миранды заплетены в длинную косу. Для сравнения, у Гейне Лорелея также *«играет златом косы»* [2, с. 151]. Лорелея наделена чудесным голосом (*gewaltige Melodei*), Миранда также является натурой творческой, она любит музыку, пишет картины, что составляет саму ее сущность. И, самое главное, подобно русалке, Миранда зачаровывает Клегга, один ее вид заставляет его потерять голову и свернуть с плавного течения жизненной реки в бушующий водоворот страстей, где он рискует разбиться об острые подводные камни. Только в романе Фаулза герой еще и разбивает жизнь самой чаровницы, обворожившей его.

Аналогичными немецкой Лорелее качествами наделены и более известные широкому кругу читателей античные сирены. Подобно тому, как они погружали мореходов в сладкие грезы, героиня романа побуждает Клегга (хоть и невольно) мечтать о ней наяву: *«это всего лишь мечта, сновидение», «Я прямо грезил среди бела дня», «В грезах этих она рисовала картины...»* и т.п. [5, с. 9].

Примечательно, что в представлениях древних народов Средиземноморья сирены являлись своеобразными музами подземного мира, возвещающими смерть. Известный исследователь эллинской мифологии А.И. Немировский видит в сиренах *«специфических нимф тех рек, которые находятся на границе подземного мира»* [3, с. 59]. И для Клегга знакомство с Мирандой является пограничной чертой, перейдя которую, он вступает в новый для него мир, столь непохожий на прежнюю серую и размеренную жизнь клерка.

Таким образом, сравнение героини с русалкой уже детерминирует любовь Клегга к Миранде как одержимость, выявляет ее болезненный характер и состояние сказочного наваждения, в котором пребывает герой.

Итак, в образе Миранды находят одновременное воплощение мифологемы бабочки и русалки, то есть обожествленные символы важнейших составляющих

природы: неба и воды. Рассмотрим соприкосновение вышеуказанных стихий с героиней романа. Олицетворением свободы они становятся для Миранды во время одной из ее прогулок [5, с. 218]. Небо – «свободное, *неприрученное* (курсив мой – А.С.), все из воздуха и ветра, из пространства и звезд» [5, с. 218]. И ветер доносит до героини запах моря, словно хочет ободрить ее, позволяет пригубить немного воли, выпить каплю этой великой безбрежности, глотнуть родной стихии. Ветер в мифологии традиционно символизирует живое дыхание вселенной, силу духа в поддержании жизни и объединении всего живого, в связи с чем ветер ассоциируется с веревками, нитями и т.п. О веревке ветра, например, говорят древнеиндийские Упанишады: «Нить то же, что и ветер» [цитируется по: 6, с. 303]. Но это не удушающие узы Калибана, а напротив, нити, связывающие героиню с природой как часть с целым.

Показательно, что ветер, полный надежд, приносящий героине запах моря, дует с *Запада*. На Западе у древних кельтов находится Аваллон – остров, куда отправляются души умерших, что уже сигнализирует для Миранды возможность пути к освобождению – в смерти. В авторской мифологии Толкиена на западе помещен Валинор, страна эльфов, благословенная земля, куда уходят избранные от печалей внешнего мира.

Возвышенность и неземную одухотворенность героини подчеркивает проходящий сквозной нитью через весь роман образ неба: Миранда целый день рисует небо, видит небо, сидя в подвале, а в небе – летящих голубей. Образ голубя также органично вплетается в мифологическую составляющую героини. Общераспространенная семантика данного символа: мир, чистота, любовь, безмятежность, надежда – все природные качества Миранды. В более широком смысле он символизирует чистую душу (в том числе в античной и древнеиндийской мифологии). Известен голубь и как христианская эмблема целомудрия, хотя более древние представления ассоциируют его с вожделем. Так, голубь был спутником семитской богини любви Астарты, чей образ слился затем с Афродитой (Венерой), а также спутником Адониса, Диониса и Эроса. Последнее подчеркивает привлекательность героини для пленившего ее Калибана.

Средствами природы автор выражает затаенные надежды героини. Во сне Миранда гуляет в рябиновой роще [5, с. 296]. Известно, что у друидов рябина обозначала помощь и защиту, чего так не хватает пленнице. В другом сне Миранда видит солнце, хлеба и ласточек. В большинстве культур солнце выступает символом созидательной энергии, жизненной силы, страсти, вечной молодости. И действительно, Миранда, полная жажды творчества, умрет молодой, то есть останется молодой навсегда. У буддистов (к коим относит себя героиня) солнце почитается как свет Будды. Кроме того, это «мировая дверь», вход в бессмертие. У кельтов солнце – символ женского начала. В индуизме Индра – солнечный бог – побеждает дракона хаоса и тьмы – Вритру.

В этот же сон вплетаются ласточки – символ прихода весны, новой жизни, обновления, воскрешения. Но чтобы воскреснуть, нужно сначала умереть. Такова цена освобождения от мук. И данную необходимость иллюстрирует второй сон героини, сразу следующий за первым. Здесь Миранда видит черного коня – символ смерти.

Итак, природа сопровождает Миранду до самой смерти: жизнь ее угасает вместе с заходящим солнцем, словно вслед за небесным светилом героиня отправляется на запад, в страну мертвых. И похоронят ее под яблонями в саду. Яблоня – один из символов Матери-Земли, в которой суждено раствориться земной сущности Миранды. Также цветущая яблоня связана с плодородием, вечной юностью, миром и красотой,

любовью, весной, бессмертием. И наконец, что особенно важно, в античной мифологической традиции это дерево было посвящено римской хтонической богине, насылающей на людей безумие. Безумным по вине Миранды в романе становится Клегг, чья любовь принимает характер колдовского наваждения, искажающего сущность самого героя. Таким образом, героиня в романе предстает неразрывно связанной с обожествленными силами природы, поскольку даже ее пленение и смерть тесно переплетаются с соответствующими временами года. В дом Калибана она попадает в октябре и проводит в плену всю осень (сезон, связанный с угасанием живой природы), а смерть ее наступает в декабре, что имеет двойное значение: с одной стороны, зима – это смерть природы, с другой стороны, сам декабрь является последним месяцем года, после чего нарождается новый год, которого для Миранды уже не будет в земном мире.

3. Мифологическое мировоззрение Миранды. Переходя к исследованию мифологического мировоззрения Миранды, необходимо, прежде всего, вновь упомянуть о том, что она считает себя буддисткой. Причину выбора автором именно этой веры для своей героини попробуем детерминировать, исходя из особенностей данной конфессии. Во-первых, фундаментальным принципом буддизма является самая известная из «четырех благородных истин»: «жизнь есть страдание». И это страдание в полной мере испытывает Миранда, оказавшись пленницей Клегга-Калибана. В то же время буддизм предполагает непротивление злу активным действием, ненасилие, что подтверждается словами самой Миранды из ее дневника: *«Насилие. То, чего я больше всего боюсь. Больше всего ненавижу»* [5, с. 290].

Пацифизм Миранды, ее принцип несовершенства насилия перекликается с учением индийского политика и философа Махатмы Ганди, в основе которого лежит понятие «Ахимса» (непричинение вреда), и ключевое место уделяется понятию Любви. Созвучны взгляды героини и религиозному мифотворчеству Л.Н. Толстого, представляющему собой переосмысленное христианское вероучение.

Причины страданий Миранды также может объяснить буддийская догматика, а именно вторая благородная истина, которая гласит: «Причиной страдания является привязанность к жизни как источнику страдания» [6, с. 532]. Героиня, увы, не способна отрешиться от воспоминаний о внешнем мире, о жизни до знакомства с Клеггом, сравнивая свою жизнь у Калибана с адом (параллель «подвал-ад»), себя – с бабочкой в стеклянной банке (стекло – символ изоляции). Отсюда ее метания и душевная боль. Тем не менее, неспособность к совершению зла, презрение к тем, кто отнимает жизни, характеризует героиню как образец нравственной чистоты и красоты духовной, что вновь возвращает нас к образу бабочки.

Религиозные представления Миранды трансформируются по мере ее приближения к смерти и нарастания душевного отчаяния, чувства безысходности. Так появляется образ бога-паука, «во тьме плетущего свою сеть» [5, с. 295]. Источником ненависти к Богу, невысказанной в принципе для настоящего христианина, на наш взгляд, является ненависть к Калибану. Миранда просто проецирует свое настоящее состояние, *status praesens*, на построение всего мироздания, переводит конкретное в абстрактную плоскость. Типичное заблуждение здесь заключается в том, что Миранда забывает о свободе выбора, которой, согласно христианскому учению, Бог наделяет людей. Тем не менее, образ паука, плетущего свою сеть, тесно связан с божественным первоначалом. В мифологии паутина, которую плетет паук, является символом созидательных сил Вселенной. Паутина плетется от центра по спирали и считается символом мироздания. Космический паук (Великий Прядильщик) является творцом, который прядет нить жизни

из своей собственной субстанции, прикрепляет к себе посредством пауповины всех людей и вплетает их в сеть узоров мира. Паук в центре паутины символизирует центр мира, Солнце в окружении лучей, Луну, олицетворяющую циклы жизни и смерти.

Метафорически таким пауком для Миранды является Клегг, поскольку также завлекает в свои сети, плетет собственное Мироздание внутри замкнутого пространства, создает в своем доме некий вторичный мир, порожденный его сознанием. В христианстве паук – в том числе символ кровопийцы. Таким становится Клегг для своих жертв. Таким образом, мифологическая антитеза «паук – бабочка» символизирует в романе Фаулза Клегга и Миранду соответственно.

Мифологизированным является и восприятие Мирандой своего мучителя в образе сказочных чудовищ. Это и образ Калибана – уродливого карлика из пьесы Шекспира (прозвище Клеггу дала сама героиня), и антиномия «принцесса – чудовище», и сравнение Клегга со стариком-водяным, сидящим на спине у Синдбада. Интересны здесь взаимные ассоциации героев, связанные с языческими символами одухотворенной водной стихии. Но если русалка (Миранда в глазах Клегга) – это образ волшебной красоты, хотя и гибельной, то водяной символизирует для героини давящую силу водной толщи, в которой нет ничего разумного, только животное желание уничтожить все прекрасное в мире. В качестве Синдбада Миранда воспринимает себя, поскольку в арабских сказках данный герой олицетворяет возможность свободного путешествия по всем морям, чего героиня романа лишена по вине Калибана.

В восприятии и оценке Мирандой Калибана причудливо переплетаются языческие и народно-христианские мотивы. Так, герой в ее глазах имеет формальное сходство с Санта-Клаусом (контаминацией в сознании западного обывателя языческого зимнего божества и христианского епископа св. Николая Мирликийского), поскольку охотно дарит любые подарки, исполняя одно за другим желания героини. Но здесь же появляется и более зловещая ассоциация героя с Мефистофелем, способным также исполнить любую прихоть, но уже в обмен на живую душу.

Сама Миранда в последние дни жизни частично сопоставима по направленности своих размышлений с легендарным оппонентом Мефистофеля – доктором Фаустом, поскольку пытается осмыслить сущность Божества и строение мироздания. Частично здесь мировоззрение героини переключается с философскими установками самого автора, считавшего, что Бог после создания Вселенной самоустранился и не вмешивается в ход событий.

Мечта героини о башне из слоновой кости – это жажда самоизоляции от жестоких законов мира, убивающего чувственную душу своей обыденностью, и одновременно желание выразить атрибутику собственной исключительности. Ощущение себя бабочкой под стеклянным колпаком возникает у героини потому, что башня как защитная оболочка исходит не из ее сущности, а навязана ей извне.

В то же время Миранда, при всем своем пессимизме, верит в иницирующую силу поцелуя, когда мечтает поцеловать Калибана, чтобы снять чары с Волшебного Принца. Все мировоззрение героини пронизано сказочными параллелями (не случайно она читает «Бурю» Шекспира), восприятием окружающего мира с помощью бинарных оппозиций (прекрасное – уродливое и т.д.).

Подводя итоги нашего исследования, следует констатировать, что центральное место в романе занимает ряд тесно связанных друг с другом бинарных оппозиций – базовых элементов мифотворчества любого народа Земли с древнейших времен.

Во-первых, это сами главные герои, являющие собой полную противоположность друг другу в духовном и эстетическом плане. Миранда и Калибан воплощают собой

женское и мужское начало соответственно. Миранда яркая, энергичная, жизнерадостная, как беззаботная бабочка, символ красоты и наивности в романе. Красота – ключевое понятие для героини: «Я воспринимаю жизненные явления как прекрасные и уродливые» [5, с. 101]. Она хочет *создавать* красоту, быть творцом, и достаточно резко противопоставляет творчество бытовой жизни, обывательству [5, с. 167]. Особенно подчеркивают данную мысль рассуждения Миранды о типах людей в современном ей буржуазном обществе: есть ограниченные, эгоистичные «новые» и противоположные им по мировоззрению «немногие» – люди искусства [5, с. 272].

Клеgg, напротив, не создает красоту – он ее убивает. В отличие от яркой Миранды, он безлик и бесцветен. Таким считает его и сама плененная героиня: Клеgg, по ее мнению, даже «*лишает слово цвета*», когда говорит [5, с. 80]. Это очень важная характеристика, поскольку *слово* в мифологии имеет огромное значение, являясь формальным выражением мысли, воли, созидания и разрушения. Безличность Калибана подчеркивают его глаза: «Серые, и где-то в глубине затерявшийся свет, тоже серый» [5, с. 138]. Органам зрения придается большое значение в мифологических представлениях о человеке, что подчеркивает известная пословица «Глаза – зеркало души». Известно также, что цвет обозначает определенные качества или черты характера человека. Например, белый – чистота, невинность; красный – любовь, и т. д. Цвет Калибана – серый, что можно приравнять ко всякому отсутствию цвета. Более того, по впечатлению Миранды, он «выглядит существом бесполом» [5, с. 143], имеет «рыбьи глаза» [5, с. 144]. Последнюю характеристику в данном случае можно интерпретировать как символ серости, отсутствия живой мысли и радости жизни.

Сам образ Клеgга также дуалистичен, что формально выражается двоичностью его имени в романе. С одной стороны, он называет себя Фердинандом, подобно благородному принцу из драмы У. Шекспира «Буря», с другой стороны, для героини он является Калибаном, уродливым карликом из той же пьесы. Таким образом, перед нами предстают две пары взаимоотношений: с позиции героя – «Фердинанд – Миранда»; с позиции героини – «Миранда – Калибан». Фреда как Калибана можно сопоставить с таким мифическим персонажем, как гном – уродливый подземный карлик, хранящий несметные сокровища от посторонних глаз. Сокровищем, которого так алчет Клеgg, становится Миранда, которую он ревностно стережет, подобно гному в тайной пещере.

Интересно то, что и Клеgg, и Миранда стремятся соприкоснуться с прекрасным, но действуют совершенно противоположными методами. Миранда пытается запечатлеть красоту окружающего мира с помощью рисования, создает вторичный мир в своих картинах, ничуть не нарушая гармонии мира первичного. Она созидает, творит.

Клеgg, будучи бездарным, противопоставляет художественным способностям Миранды достижения современной техники – фотографирование. Пара «рисование – фотографирование», на наш взгляд, имеет значение антитезы и представляет собой также бинарную оппозицию. Здесь достаточно вспомнить распространенное среди туземных племен убеждение, что фотография отнимает у человека душу. Также и Калибан медленно выпивает душу Миранды, пытается заполучить ее всю без остатка, сохранить навсегда в своей коллекции, подобно умерщвлённым им бабочкам.

Полярность сущностей Миранды и Калибана превосходно иллюстрирует рассказанная героиней сказка о принцессе и чудовище [5, с. 224]. Персонажи этой сказки представляют собой не только эстетические категории «прекрасного» и «безобразного», но и неизбежную, извечную борьбу в мире двух начал: мужского и женского (ян и инь), темного и светлого, земного и небесного, культуры и варварства. Причём присущие героям сказки свойства не абсолютизируются, и допускается

трансформация одного качества в другое, противоположное. В результате инициации чудище становится прекрасным принцем. Подобное взаимопроникновение противоположностей лежит в основе древнекитайских мифологических и философских воззрений. Достаточно вспомнить знаменитый символ «тай-цзи», в котором Ян перетекает в Инь, и наоборот (не случайно линия между белой и черной половинами круга не прямая, а волнистая). В Ян уже зарождается Инь, а в Инь – Ян. Так и Миранда предлагает Калибану трансформировать свою сущность, в результате инициации (в данном случае – переломить себя) перейти на качественно новый уровень внутреннего бытия, стать из чудовища прекрасным принцем.

Оппозиционную пару представляет собой также место пребывания героев: желаемое и действительное. Средневековый дом становится для Миранды тюрьмой, типично-сказочным замком чудовища. Плен тяготит ее, но в то же время ей самой необходима изоляция от внешнего мира обыденности. Подобную потребность героини иллюстрирует мифологема «башни из слоновой кости». Семантика данного образа: убежище, в котором можно укрыться от действительности. Так, в XIX веке образ использован французским писателем Гюставом Флобером как символ элитарности, отъединённости человека искусства от внешнего мира и его повседневных проблем. Образ башни из слоновой кости не случайно связан с Мирандой. Белый цвет слоновой кости олицетворяет невинность и чистоту, беспорочность и добродетельность. В средневековой Европе слон был символом целомудрия, преданности и любви. Со слоном в различных мифологических системах связаны лишь положительные качества: достоинство, интеллект, благородство и т. д. Среди буддистов Индии белый слон считается более священным животным, чем даже корова, потому что именно в это животное, по мнению буддистов, переселяются после смерти души жрецов и героев, королей и святых. Следовательно, Миранда вполне достойна башни из слоновой кости.

Восприятие героиней места своего пребывания перекликается также с христианской религиозной мифологией. Так, Миранда сранивает свою жизнь в доме Клегга с адом [5, с. 145-146], что является еще одной реминесценцией из творчества Данте Алигьери, наряду с восприятием героиней себя в качестве Беатриче. Спуск в подвал для нее – своеобразное погружение в адскую бездну, где мучениям (в данном случае – одиночеству взаперти) не видно конца. С другой стороны, Миранда представляет свое возможное освобождение как картину: ее окружают черные и серые тени (символ мрака, безысходности, тоски), а вдалеке – яркий свет двери [5, с. 185]. Так после смерти человек переходит в рай. Так и происходит в финале романа: из ада заточения Миранда попадает не в земной мир, а освобождается, только умерев, то есть, следуя христианской логике, оказывается за свои прижизненные муки в раю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всемирная история: В 24 т. – Т. 5. Становление государств Азии / А.Н. Бадак и др. – Минск: Современный литератор, 1999. – 544 с.
2. Гейне Г. Лорелея / Г.Гейне. – СПб.: Кристалл, 1999. – 464 с.
3. Мифы и легенды народов мира. Древняя Греция / сост. А.И. Немировский. – М.: Литература, Мир книги, 2004. – 496 с.
4. Смирнова И.М. Мистика чисел, камней, знаков: Из жизни суеверий / И.М. Смирнова. – М.: Интеграция, 1992. – 212 с.
5. Фаулз Дж. Коллекционер / Дж. Фаулз. – М.: АСТ, 2006. – 317 с.
6. Энциклопедия символов / сост. В.М. Рошаль. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006. – 1007 с.

Поступила в редакцию 28.07.2017 г.

MYTHOLOGISM IN THE IMAGE OF MIRANDA – THE CHARACTER OF THE NOVEL
"THE COLLECTOR" BY JOHN FOWLES

A.A. Sterkhov

The article deals with the study of mythological sources in the creation and plot development of the image of Miranda as the main character of the novel "Collector" by J. Fowles. The author analyzes the image of Miranda as a mythological character as opposed to "Frederick Clegg", who is its antipode in the novel. The dual nature of Miranda's image is revealed with its features as a cultural character being exposed. The image of Miranda as part of deified nature is considered. A particular attention is paid to Miranda's mythological worldview, combining separate elements of the concepts of paganism and the world's leading religions.

Key words: binary oppositions, cultural character, mythology, mythological character, mythological worldview.

Стерхов Алексей Алексеевич

Учитель высшей категории, методист первой категории
Гимназия во имя Святителя Николая Чудотворца
г. Сургута
Методист, председатель Научно-методического совета гимназии
e-mail: sterkhov1979@mail.ru

Sterkhov Alexey Alekseevich

Teacher of the highest category, methodologist of the first category
Gymnasium in the name of St. Nicholas the Wonderworker, Surgut
Methodologist, Chairman of the Scientific and Methodological Council of the Gymnasium
e-mail: sterkhov1979@mail.ru

УДК 81`27

ПРЕСУППОЗИЦИЯ КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ДЕСТИНАТОРА РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ

(на примере русскоязычных слоганов социальной рекламы)

© 2017. *Е. В. Юрьева*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк

Данное исследование выполнено в рамках лингвистической прагматики и семантики. В статье рассматриваются подходы отечественных и зарубежных ученых к определению понятия «пресуппозиция». Анализируются пресуппозиции, которые содержат в себе слоганы социальной рекламы на русском языке. Определяется разница в количестве использования адресантом слогана экзистенциальных, пропозициональных и эвалюативных пресуппозиций.

Ключевые слова: пресуппозиция, слоган социальной рекламы, лингвистическая прагматика.

Объектом данного исследования являются слоганы социальной рекламы, содержащие в своей основе экзистенциальные, пропозициональные и эвалюативные пресуппозиции. Предмет исследования – пресуппозиции как условия, при которых высказывание является уместным в данном контексте, правильным, а также как условия успешного речевого акта. Цель статьи – выявление характерных особенностей функционирования пресуппозиций в дискурсе социальной рекламы. Данная цель предполагает решение следующих задач: проанализировать функционирование различных видов пресуппозиций в качестве маркеров имплицитных смыслов в слоганах социальной рекламы, определить разницу в количестве использования адресантом слогана экзистенциальных, пропозициональных и эвалюативных пресуппозиций, а также проанализировать возможные реакции адресата слогана, которые являются выражением результата интерпретации пресуппозиций.

Логик и философ Г. Фреге впервые применил термин «пресуппозиция» в 1892 г. в работе «Смысл и денотат». Понимание пресуппозиции Г. Фреге сводилось к предположению о существовании предмета референции: если таковой отсутствует, то высказывание лишается истинностного значения, хотя и является осмысленным [11, с. 185]. Позже благодаря П. Стросону это понятие стало предметом исследования лингвистов. Сегодня пресуппозиция является инструментом семантического и прагматического анализа.

В данной статье пресуппозиция исследуется как одно из средств моделирования убеждений и ценностей дестинатора рекламного сообщения.

По мнению Р. Блакара, выразиться «нейтрально» оказывается невозможно [2, с. 91]. Воздействующий эффект является последствием языковых действий. В основе любого высказывания – определенные цели и мотивы адресанта. Таким образом, язык имеет потенциальную возможность осуществлять подмену понятий и определенных смыслов в интересах адресанта. Имплицитная способность речи оказывать воздействие используется адресантом для конструирования рекламного дискурса [12, с. 57].

Нельзя не замечать или преуменьшать значение рекламы для формирования психологического и нравственного «здоровья» общества, поскольку она способна «моделировать» сознание людей в соответствии с целями и нуждами рекламодателей и

менять веками устоявшиеся привычки, социальные нормы и коммуникативные традиции за сравнительно короткий период времени [5, с. 18].

В слоганах социальной рекламы на русском языке использование пресуппозиций имеет ярко выраженный агитационный характер. В дискурсе социальной рекламы пресуппозиции могут принимать участие в формировании нужных адресанту идеологических представлений.

«Пресуппозиция, имплицитно передающая информацию, является удобным и эффективным средством навязывания определенной точки зрения, сопутствующего ей видения и описания реальности, а также заданной оценки ситуаций и действий, не совпадающей с той, которую получатель информации мог бы сформировать самостоятельно» [8, с. 220]. Например, слоган *«Культура питания – основа хорошего воспитания. Здоровые дети – здоровая нация»* (<http://rsg-nn.ru/wp-content/uploads/2014/10/Kultura-pitaniya-osnova-khoroshego-vozpitaniya-1024x512.jpg>) содержит пресуппозиции *«Здоровая пища в рационе ребенка – это полезно», «Правильно пользоваться столовыми приборами, соблюдать элементарные правила поведения за столом – это обязанность каждого воспитанного человека», с помощью которых адресат способен вывести импликацию «Родители должны научить ребенка питаться полезно, красиво и, самое главное, правильно и аккуратно».* Замалчивается тот факт, что в условиях нехватки времени сервировать стол по правилам не всегда представляется возможным. Кроме того, адресант намеренно опускает информацию о том, что полезная пища не всегда бывает вкусной и может не понравиться ребенку. Таким образом, акцентируется внимание лишь на положительных моментах. Более того, адресант манипулирует желанием адресата вырастить ребенка здоровым и воспитанным. Информация в данном слогане не навязывается, а непосредственно внушается адресату рекламного сообщения. Сознание человека критически относится к навязываемому мнению, поэтому определенную информацию адресанту необходимо передать в завуалированной форме – в виде пресуппозиции, так как пресуппозиция, в свою очередь, воспринимается бессознательно.

Для успешной коммуникации необходимым условием является наличие общего когнитивного фонда у интерактантов, то есть они должны иметь общий набор или комплекс знаний.

Пресуппозиция входит в семантику предложения как «фонд общих знаний» собеседников, как их «предварительный договор» [1, с. 85]. Так, слоган *«Напоминаем выпившим водителям: ближайшие полтора года проезд на трамвае и троллейбусе – 13 рублей»* (<http://rekportal.ru/images/092013/text.jpg>) имеет в качестве пресуппозиции то, что *существуют водители, которые садятся за руль в состоянии алкогольного опьянения, и то, что за такие противоправные действия водитель будет нести ответственность* (это общие знания адресанта и адресата), в качестве сообщаемого – то, что *ближайшие полтора года проезд на трамвае и троллейбусе – 13 рублей*, в качестве подразумеваемого – то, что *за вождение в нетрезвом состоянии водитель будет лишен прав на полтора года, и он будет вынужден ездить в общественном транспорте (на трамвае или троллейбусе)*. Опираясь на фоновые знания, адресат данного слогана способен вывести импликацию, которую пытается навязать ему адресант. Отсутствие же общего когнитивного фонда затрудняет порождение и понимание дискурса.

Многие отечественные и зарубежные лингвисты настаивают на разделении прагматического и семантического подходов к пресуппозициям [1; 4; 6; 10; 16].

При семантической интерпретации высказывания под пресуппозицией принято понимать тот семантический компонент предложения, который должен быть

истинным, для того чтобы само предложение не воспринималось как некорректное; иными словами, семантические пресуппозиции – это определенные предпосылки, предположения высказывания, которые имплицитно представлены пропозицией. Поскольку пресуппозиция является необходимым условием осмысленности предложения, то ее ложность делает предложение семантически аномальным (имеет место так называемый «истинностный провал») [9, с. 61].

Как было сказано выше, имеется также прагматический подход, согласно которому определение пресуппозиций (всех, а не какого-то их класса) строится не на базе понятия истинности, а через обращение к понятию уместности предложения в данном контексте: «А имеет прагматическую пресуппозицию В» определяется как «А уместно, если, и только если, В известно участникам коммуникации» [16, с. 447-457].

На наш взгляд, Н. К. Кравченко в работе «Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа» дает удачное определение понятия «пресуппозиция». По ее мнению, «пресуппозиции в широком смысле понимаются как фоновые знания, в узком – как такой смысловой компонент высказывания, истинность которого необходима, чтобы данное высказывание: а) не было семантически аномальным; б) было уместным в определенном контексте (прагматическая пресуппозиция)» [7, с. 47].

Основным свойством пресуппозиции является ее константность при отрицательных, вопросительных и модальных преобразованиях, а также при обращении в придаточное предложение [1, с. 85]. Например, слоган «*Дети наших детей все уберут!*» (http://www.lytkarino.com/wp-content/uploads/2013/06/placat_2-1024x728.jpg) содержит пресуппозицию «*У наших детей будут дети*». Эта же пресуппозиция сохраняется при интеррогативных, отрицательных и модальных преобразованиях данного слогана: «*Уберут ли все дети наших детей?*», «*Дети наших детей все не уберут*», «*Вряд ли дети наших детей все уберут*». При трансформации простого предложения «*Дети наших детей все уберут!*» в придаточное, то есть в зависимую часть главного предложения в сложноподчиненном, например с фактивным глаголом речи «знать»: «*Я знаю, что дети наших детей все уберут*», пресуппозиция «*У наших детей будут дети*» не изменится. Данные преобразования являются эффективным способом определения пресуппозиций в высказываниях. Также индикатором пресуппозиций в высказываниях является наличие слов, которые порождают пресуппозиции. Их принято называть «триггерами пресуппозиций». К ним относятся:

1) фактивные глаголы (знать и др. когнитивы, гордиться и др. эмотивы, видеть и др. перцептивы, информировать и др. глаголы речи). Например, слоган «*Я надеюсь, меня ждут*» (<http://www.etoday.ru/uploads/2012/12/16/od-2.jpg>), содержит пресуппозицию «*Меня кто-то ждет*». Даже если преобразовать данный слоган в следующие высказывания: *Я сомневаюсь (утверждаю, отрицаю), что меня ждут. Я знаю, что меня ждут. Я спрашиваю, ждут ли меня?*, которые несут в себе установку адресанта, выраженную разными фактивными глаголами (*надеяться, знать, сомневаться* и др.), пресуппозиция «*Меня кто-то ждет*» останется неизменной. Данные предложения, несмотря на то, что отличаются друг от друга в своем значении, содержат общий компонент: предмет их рассмотрения – ситуация, когда существует кто-то, кто ждет адресанта. Иначе говоря, с переменным компонентом находится в соотношении стабильное семантическое ядро – пресуппозиция «*Меня кто-то ждет*». Рассмотрим следующий пример: «*Гордимся, что научили! Правилам безопасности. Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь*»

(<http://pokolubichischool.gomel.by/wp-content/uploads/2017/01/4.jpg>) / пресуппозиция – «МЧС эффективно обучает взрослых и детей правилам безопасности»;

2) фазовые глаголы (продолжать, перестать, бросить, начать и т.д.), например: «Котелок варит. Так и должно быть, если ты **бросил** курить» (http://alumni.mgimo.ru/resources/files/user_folders/32150/big_83019.jpg) / пресуппозиция – «Раньше ты курил. Это ухудшало работоспособность мозга, так как мозгу для активной работы необходим кислород»;

3) конативные глаголы (добиться, суметь и др.), которые порождают пресуппозицию попытки. Например: «Повзрослеть в 8 лет... Попробуй ты! Наши деды **смогли**. 1941-1945» (http://img-fotki.yandex.ru/get/5605/davidaidelman.12e/0_5bb6b_8efa5f5_XL.jpg) / пресуппозиция – «Наши деды прилагали усилия»;

4) адвербиалы (хорошо, громко, быстро, теперь и др.), например: «Крошка сын к отцу пришел, и сказала кроха: «Вместе с мамой **хорошо!**»» (http://zazhizn.ru/images/info_program/Yuzhno-Sakhalinsk/01.JPG) / пресуппозиция – «Без отца ребенку плохо» или «Мама, будь **теперь** спокойна, в кресле я сижу довольной!» (http://inodintsovo.ru/upload/resizeproxy/720_/17241980ef93c899a43) / пресуппозиция – «Раньше, когда не было кресла, у мамы были причины для волнения».

Отдельной проблемой остается вопрос построения таксономии пресуппозиций. Решение этой проблемы осложняется и несколько замедляется тем, что, несмотря на общность проблематики, каждое исследование, посвященное данному вопросу, руководствуется собственными принципами, исследовательскими ориентирами и методами научных изысканий.

Сегодня не существует обобщенной классификации пресуппозиций, ее разработка остается одним из самых дискуссионных вопросов.

Попытки построить вышеупомянутую классификацию делали такие ученые, как Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, Е. В. Падучева, И. Г. Сабурова, Р. Столнейкер, Н. Фэйрклау и др.

Для анализа материала нашего исследования наиболее приемлемой представляется классификация пресуппозиций Н. Фэйрклау. Синонимами термина «пресуппозиция» являются такие термины, как «презумпция» [13] и «ассумпция» [14]. Н. Фэйрклау в работе «Текстовый анализ для социальных исследований» использует термин «ассумпция». Он выделяет три вида ассумпций (пресуппозиций):

а) *экзистенциальные* – ассумпции о действительном состоянии вещей [14, с. 55], например, в слогане «**А** моя девушка не курит» (http://www.kznportal.ru/www2/news/news/plakat_1_1.jpg) экзистенциальная ассумпция – «У адресанта есть девушка»;

б) *пропозициональные* – ассумпции о том, что может произойти или будет иметь место [14, с. 55], например, в слогане «Они переживут твоих внуков. Железная банка. Пластиковая бутылка. Литиевая батарейка» (<http://www.socreklama.ru/upload/iblock/333/fxtgjghghkghkghkjhkhkdh.jpg>) пропозициональная ассумпция – «Неутилизированные бытовые отходы, такие как железная банка, пластиковая бутылка, литиевая батарейка будут долго загрязнять окружающую среду»;

в) *эвалюативные*, то есть ассумпции о том, что является правильным, хорошим или желательным [14, с. 55], например, в слогане «Утренняя зарядка – это хорошее настроение на весь день и здоровье на всю жизнь!» (<http://img.advertology.ru/aimages/2014/10/14/Novgorod6.jpg>) эвалюативная ассумпция – «Делать зарядку полезно».

В ходе исследования мы проанализировали 200 слоганов социальной рекламы. Анализ фактического материала показал, что адресантами слоганов социальной рекламы наиболее часто используются экзистенциальные пресуппозиции (64%). Это вполне объяснимо, так как именно данный вид подтверждает либо опровергает наличие фактов, окружающей действительности, способствует адекватному восприятию и объективному оцениванию информации.

Не всегда действительная цель рекламных сообщений выражена явно [12, с. 88]. Слоган может содержать явные оценки, но в большинстве слоганов социальной рекламы оценка завуалирована. Адресант передает свою точку зрения имплицитно, с помощью эвалюативных пресуппозиций. Это подтверждает довольно большой процент их использования (26%). Например, слоган *«Симпатичная девушка ищет друзей. Умная. Стройная. В еде непривередливая. Возьмите друга из приюта»* содержит эвалюативную пресуппозицию *«Взять животное из приюта – это хорошо, благородно и т.д.»*

Перейдем к пропозициональным пресуппозициям. Довольно часто, используя пропозициональные пресуппозиции, адресант апеллирует к эмоциям адресата. В слоганах с пропозициональными пресуппозициями адресант уверяет дестинатора, что при соблюдении / несоблюдении определенных условий, его мечта либо опасения сбудутся. Например, *«02 Твой звонок свяжет террористам руки»* (<http://900igr.net/datas/ekonomika/Vidy-sotsialnoj-reklamy/0019-019-Vidy-sotsialnoj-reklamy.jpg>) или *«Если мы появимся на свет, мы будем тебе помогать»* (<http://s41.radikal.ru/i091/1101/43/a1a23394677f.jpg>). Данный вид пресуппозиций используется адресантом слогана социальной рекламы реже вышеперечисленных (10%).

Соотношение использования адресантом экзистенциальных, пропозициональных и эвалюативных пресуппозиций иллюстрирует диаграмма 1.

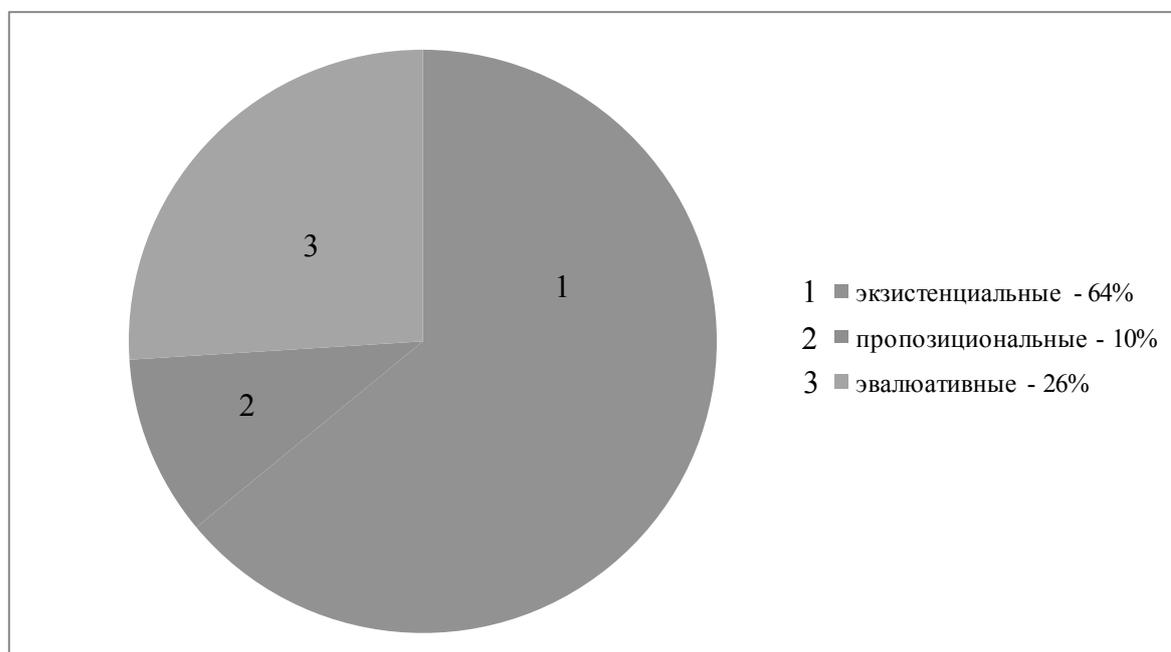

Диаграмма 1. Соотношение использования адресантом слогана социальной рекламы экзистенциальных, пропозициональных и эвалюативных пресуппозиций

По нашему мнению, данная классификация имеет определенные недостатки, ее ограниченность в наложении пресуппозиций: в некоторых слоганах сложно определить

вид пресуппозиции или выделить доминирующую пресуппозицию из нескольких возможных, поэтому более корректно говорить о взаимодействии и взаимодополнении всех вышеперечисленных видов. Так, слоган «*Молодежь за здоровый образ. Здоровый образ жизни – фундамент всех будущих достижений*» (<http://ppt4web.ru/images/111/14627/640/img1.jpg>) содержит экзистенциальную пресуппозицию «*Молодежь поддерживает здоровый образ жизни*», пропозициональную пресуппозицию – «*Здоровый образ жизни поможет в будущем достичь успеха*», а также эвалюативную пресуппозицию – «*Здоровый образ жизни – это хорошо*». Сложно сказать, какая из приведенных выше пресуппозиций превалирует. Или вернемся к слогану «*А моя девушка не курит*» (http://www.kznportal.ru/www2/news/news/plakat_1_1.jpg). Как было сказано ранее, данный слоган содержит экзистенциальную пресуппозицию «*У адресанта есть девушка*». Но, кроме экзистенциальной, этот дискурсивный образец содержит еще и эвалюативную пресуппозицию «*Адресанту нравятся девушки, которые не курят*». Адресант (выражая мнение большинства мужчин) симпатизирует девушкам, которые не курят и с помощью косвенного речевого акта осуждает тех, кто имеет эту пагубную привычку. Информация не навязывается, а непосредственно внушается дестинатору. Адресат способен вывести импликацию «*Чтобы понравиться мужчине, нужно бросить курить*». Следовательно, экзистенциальная и эвалюативная пресуппозиции в данном примере дополняют друг друга, поэтому говорить о ведущей позиции одной из них мы не можем.

В итоге хотелось бы подчеркнуть следующее: 1) подбирая нужные слова, адресант имеет возможность формировать отношение адресата к окружающей действительности; 2) в дискурсе социальной рекламы использование пресуппозиций имеет выраженную прагматическую направленность. Адресант знает, что адресат настроен на то, чтобы воспринимать в сообщении новую информацию, а пресуппозицию он принимает как должное. Поэтому довольно часто в целях манипулирования сознанием дестинатора адресант вкладывает в пресуппозицию новый смысл, который не всегда объективно отражает действительность; 3) пресуппозиционное содержание воспринимается адресатом без критического осмысления, в то время как утверждения и очевидные импликации подвергаются определённой оценке.

В дальнейших исследованиях мы усматриваем возможность изучения прагматических пресуппозиций в качестве маркеров имплицитных смыслов и их функций в креолизованных текстах социальной рекламы, а именно: а) в текстах, в которых слоган является комментарием к изображению; б) в текстах, в которых изображение является иллюстрацией к слогану.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. Сер. Лия. – 1973. – Т. 3. – С. 84–89.
2. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти / Р. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – Москва: Прогресс, 1987. С. 88–119.
3. Голубева Т. М. Прагматический аспект использования пресуппозиций / Т. М. Голубева // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 4. – С. 11–14.
4. Демьянков В. З. Логические аспекты семантического исследования предложения // Проблемы лингвистической семантики. М., 1981. С. 115–132.
5. Зирка В. В. Манипулятивные игры в рекламе: Лингвистический аспект. Изд. 2-е, испр. / В. В. Зирка. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 256 с.

6. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учебник для факультетов филологического профиля / И. М. Кобозева, Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова (МГУ). – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Эдиториал УРСС, 2012. – 352 с.
7. Кравченко Н. К. Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа / Н. К. Кравченко / Практическое пособие – Луцьк: Волиньполіграф, 2012. – 251 с.
8. Ларионова М. В. Пресуппозиция как способ манипулятивного воздействия (на примере испанского газетно-публицистического дискурса) / М.В. Ларионова // Вестник МГИМО-Университета, №: 2 (29), Филология. 2013. – С. 220–224.
9. Мельникова Л. С. К вопросу о семантических пресуппозициях побудительных речевых актов // Веснік БДУ. Сер. 4. – 2014. – № 1. – С. 60–64.
10. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е. В. Падучева. – Изд. 3-е, стер. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 288 с.
11. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – М., 1977. – № 8. – С. 181–210.
12. Юрьева Е. В. Слоган социальной рекламы: коммуникативно-прагматические и когнитивно-концептуальные функции: Дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 – Русский язык / Е. В. Юрьева. – Горловка: Горловский институт иностранных языков, 2017. – 228 с.
13. Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice / Paul Chilton. –London & New York: Routledge, 2004. – 226 p.
14. Fairclough N. Textual analysis for social research / Norman Fairclough. – New York: Routledge, 2003. – 270 p.
15. Langaker R. Funktional Statigraphy // Papers from Parasession of Funktionalism Chikago Linguistic Society. Chikago, Illinois, 1975. P. 351–397.
16. Stalnaker R. Presuppositions // J. of Philosophical Logic. 1973. Vol. 4. P. 447–457.

Поступила в редакцию 01.09.2017 г.

PRAGMATIC ASPECT OF USING PRESUPPOSITIONS IN PSAs SLOGANS

E. V. Yureva

This research is carried out within the framework of linguistic pragmatics and semantics. The article examines the approaches of domestic and foreign scholars to the definition of the concept “presupposition”. The author analyzes presuppositions, which can be used in the slogans of social advertising. The difference in quantity of using existential, propositional and value presuppositions by the addresser of PSAs slogan is determined.

Key words: presupposition, PSAs slogan, linguistic pragmatics.

Юрьева Елена Владимировна

Кандидат филологических наук.
Доцент кафедры русского и украинского языков
ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический
университет», г. Донецк
e-mail: uriev79@mail.ru

Yureva Elena Vladimirovna

Candidate of Philology.
Associate Professor at Department of Russian and
Ukrainian languages
Donetsk National Technical University
e-mail: uriev79@mail.ru

УДК 811.111`373.7

ТИПЫ ОБЪЕКТА ГРАДУИРОВАНИЯ В СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

© 2017. С.Г. Ткаченко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

В статье описаны лингвокультурные особенности английских фразеологических единиц с градуальной семантикой. Материалом исследования послужили английские фразеологические единицы, в лексикографических толкованиях значений которых зафиксирован градуальный маркер. Комплексный анализ семантики отобранных ФЕ позволил определить частотность объекта градуирования и выделить предметы, явления и действия как объекты градуирования, обладающие наибольшей культурной значимостью.

Ключевые слова: градация, градуальная семантика, фразеологическая единица, объект градуирования

Введение: Градуальность является одной из важных антропоцентрических категорий языка, отражающей способность человеческого сознания соотносить и сравнивать объекты окружающей действительности. Развитие лингвистической науки привело к расширению объема и содержания понятия «градация» – начиная с его интерпретации как психологического процесса (Э. Сепир) и до рассмотрения градации (в дальнейшем «градуальности») как лексико-грамматической или семантической категории (Н. Д. Арутюнова, М. Бирвиш, Ч. Осгуд, Дж. Суси, И. Г. Соколова, Л. Тондл, И. И. Туранский, Е. И. Шейгал). На данный момент градуальность все чаще рассматривается как функционально-прагматическая категория (С. М. Колесникова, Н. Н. Горшкова, Л. Н. Марчук, Т. М. Спильнык), которая представляется в виде функционально-семантического поля, со своим ядром и периферией. К ядру категории градуальности традиционно относятся степени сравнения прилагательных и наречий, а к периферии – все остальные языковые средства, передающие градуальную семантику, среди которых особое внимание заслуживают фразеологические единицы.

Изучение особенностей вербализации национальной картины мира находится в рамках современной тенденции к исследованию принципов организации и структуры человеческого опыта. По мнению О. Л. Бессоновой «результат переработки информации об отражении окружающего мира в сознании человека фиксируется в картине мира, причем концептуальная и языковая картины мира находятся в сложных отношениях пересечения и наложения» [1: 78]. В этой связи все большую актуальность приобретает исследование фразеологических единиц (далее – ФЕ) с градуальной семантикой, с одной стороны, такие ФЕ являются средством выражения универсальной категории градации, а с другой, отражают лингвокультурную специфику конкретного языка. Особая роль фразеологических единиц в изучении градации обусловлена тем, что ФЕ передают отношение субъекта к реальным фактам, усиливают логическое и эмоциональное содержание, выражают интерпретацию и оценку окружающего мира [2: 148-149]. Фразеологизмы с градуальной семантикой являются устойчивыми, воспроизводимыми единицами, наделенными целостным значением, в структуре которых обязательно наличие градусемы [3: 5]. Основанием для отнесения ФЕ к числу исследуемых единиц служило совпадение как минимум двух условий – наличия в семантике ФЕ признака, способного к градуированию, и градуального маркера в

лексикографическом толковании фразеологизма, выраженного прилагательным или наречием в сравнительной / превосходной степени, усилительным наречием или средством квантитативной интенсификации, например: *actions speak louder than words* ‘дела громче слов’ (something that you say which means that what you do is **more important** than what you say), *above board* ‘абсолютно честный, открытый, прямой’, (**completely** honest and legal).

Градуальная семантика может быть представлена как иерархически организованная структура, и включает следующие компоненты: субъект, объект, характер и основание градуирования [4: 16-23]. Объект градуирования фиксирует количественные изменения качественных характеристик признака, описывающего окружающую действительность. Основание градуирования направлено на объект и является тем свойством, которое подвергается количественным модификациям. Характер градуирования указывает на степень признака (высокую / низкую) в зависимости от нулевой ступени измерения (нормы) на шкале градаций.

Определяя градуальность как «категорию фиксирующую, и отражающую основные свойства, признаки объекта градуирования», С. М. Колесникова подчеркивает, что его качественно-количественные изменения являются следствием глубинных процессов, фиксирующих «оформление представления об индивидуальном смысле в «мировой иерархии», фиксации полученной информации через ... языковые единицы» [5: 85-86]. Таким образом, градуальный предикат может служить важным источником культурной информации, так как он передает понятия и явления в их мерительном аспекте. Одним из способов актуализации национально-специфической информации может служить культурная значимость объекта градуирования.

Понятие «значимости» введено Ф. де Соссюром для обозначения места знака в системе, определяемое на основе противопоставления другим знакам. Под значимостью понимаются семантические отношения, возникающие между коррелирующими единицами. Культурная значимость является разновидностью семантических отношений между языковыми единицами, отражающей аспекты концептуализации и категоризации культурного знания, обусловленного сложившейся в определенной лингвокультурной общности ценностной шкалой [6: 75]. Иными словами, повторяемость языковых средств выражения конкретного факта или явления действительности отражает значимость этого явления для представителей определенного этнокультурного сообщества. Степень градуирования направлена на описательные (дескриптивные) признаки объекта и выявляет его сущностные для национальной картины мира свойства. Следовательно, анализ частотности того или иного объекта градуирования позволит выявить те явления действительности, которые значимы для представителей данного лингвокультурного сообщества именно в их количественном аспекте.

Целью данного исследования является выявление культурных особенностей объекта градуирования в английских ФЕ. Объектом исследования послужили 3837 фразеологических единиц английского языка, в семантической структуре которых градуальный предикат был зафиксирован лексикографически. ФЕ были отобраны методом сплошной выборки из специализированных англоязычных словарей. Предметом изучения являются семантические особенности предметов, свойств или действий, чьи свойства подвергаются градуированию.

Основная часть: Объект градуирования представляет собой один из эксплицитных компонентов градуальной семантики в структуре фразеологического значения, который зафиксирован в лексикографическом толковании ФЕ. Объект

градуирования чаще всего выражается именем существительным, прилагательным и глаголом, что до определенной степени коррелирует с типом градуируемого признака. В случае, если объект выражен существительным, градации подвергаются степени интенсивности качественной характеристики предмета, прилагательным – степени интенсивности статичного признака, глаголом – степени интенсивности проявления динамического признака. В рамках данного исследования целесообразно рассмотреть культурную значимость каждого из этих типов объекта градуирования по отдельности в порядке их частотности.

Количественный анализ показал, что наиболее частотными являются понятия, представленные в таблице 1, после чего повторяемость лексических средств выражения объекта градуирования значительно понижается и составляет менее 3 % от выборки.

Таблица 1

Культурная значимость объекта градуирования

Тип объекта	Название объекта	Кол-во ед.	Примеры
ПРЕДМЕТ	PEOPLE	181	<i>the scum of the world</i> ‘отребье’ (the worst <u>people</u> you can imagine)
	MONEY	149	<i>bet the farm / ranch</i> ‘заложить последнее’ (to spend almost all the <u>money</u> you have on something that you think might bring you success)
	WAY	132	<i>broad (brush) strokes</i> ‘в общем виде’ (in a very general <u>way</u> without giving any details)
ПРИЗНАК	Общественный (GOOD/BAD)	209	<i>take a turn for the better/worse</i> ‘изменяться к лучшему / худшему’ (to get much <u>better</u> or <u>worse</u> suddenly)
	Эмотивный (ANGRY)	120	<i>pour oil on troubled waters</i> ‘лить масло на воду, пытаться успокоить’ (to try to make people less <u>angry</u>)
	Социальный (SUCCESSFUL)	119	<i>the smart money</i> ‘умное капиталовложение’ (money which is spent by people who are very <u>successful</u> in business)
ДЕЙСТВИЕ	DO	110	<i>give it your all</i> ‘отдавать все силы’ (to <u>do</u> everything you can in order to achieve something)
	KNOW	83	<i>stick to your knitting</i> ‘знать свое место’ (continue to do what they have always done instead of trying to do something they <u>know</u> very little about)
	FEEL	76	<i>breathe easier / easy</i> ‘вдохнуть с облегчением’ (to <u>feel</u> safer or more relaxed)

1. Как следует из таблицы 1, наибольшей культурной значимостью обладает градация степени интенсивности характеристик человека, который в свою очередь относится к предметному типу объекта градуирования. Группа английских ФЕ, в которых объект градуирования указывает на предмет и выражен именем существительным, включает 1650 единиц. Материал исследования содержит примеры как качественных (общественных), так и количественных модификаций. Диапазон градуирования единиц этой группы тяготеет к полюсам градуальной шкалы, т. е. наиболее употребляемыми градуаторами являются показатели высокого/низкого количества, ср.: *the back of beyond* ‘задворки цивилизации’ (used about a place that is far away and difficult to get to, especially one where few people live) и *to be in the eye of the*

storm ‘быть в эпицентре событий’ (a situation when you are deeply involved in a difficult or controversial situation which affects or interests *a lot of people*).

Группа ФЕ, содержащих в себе указание на количество денег, характеризуется наибольшим диапазоном градуирования, т.е. разнообразием градуаторов, квантифицирующих количество признака. Для наиболее точной передачи количества в отобранных ФЕ используются более 15 разных вариантов градуаторов, относящихся как к зоне высокого, так и низкого количества признака. Следует отметить, что в случае принадлежности к отрицательной зоне на шкале градации, градуальные маркеры характеризуются наибольшим разнообразием средств выражения, например: *be hard up* ‘быть не при деньгах’ (to have *too little money*), *be hard pushed* ‘быть в тяжелом положении’ (to be having difficulty doing something, especially because there is *not enough money*). Градуаторы, относящиеся к положительной зоне на шкале градации, дают более общую количественную оценку.

Большинство понятий, выступающих в качестве объекта градуирования, являются абстрактными. Из них наибольшей частотностью характеризуется «способ» как метод достижения желаемого результата. В данном случае более распространенной является качественная модификация признака, актуализирующая гранд-признак объекта, то есть релевантное для конкретной ситуации качество, например: *Act your age!* ‘брось ребячиться!’ (something that you say to somebody who is being silly to tell them to behave in a *more serious way*), *to get your act together* ‘взять себя в руки’ (to do something in a *more organized / effective way* than before).

2. Градация степени интенсивности статичного признака, языковым выражением которого является имя прилагательное или наречие, наблюдается в 1496 единицах (39%). Как видно из таблицы, наиболее часто градуированию подвергается общеоценочный признак, который представлен двумя экстремумами – «хороший» «плохой», находящимися на противоположных концах шкалы оценки. Средства градуирования оценочного признака достаточно лимитированы и являются преимущественно эксплицитными (выражены степенями сравнения), например: *paint a rosy picture* (of something) ‘рисовать радужную картину’ (to describe (a situation) as *better* than it really is), что свидетельствует о тенденции использовать оценочный признак при сопоставлении объектов. Имплицитные градуаторы объективизируют крайне высокую степень положительного признака – *blow your socks off* ‘считать что-то поразительным, восхитительным’ (to find something *extremely good* or exciting), *the crème de la crème* ‘лучший из лучших’ (the *very best*). Соотношение положительной и отрицательной оценки в семантике градуальности можно представить как 7:3, что отличается от общей тенденции к более детальной вербализации негативной оценки. Преобладание положительного оценочного признака, выступающего в качестве объекта градуирования, может быть обусловлено сценарным характером фразеологических единиц. Являясь до некоторой степени продуктом переосмысления прототипических ситуаций, фиксирующих положительный опыт, ФЕ включают в себя набор национальных стереотипов и установок, ориентированных прежде всего на положительный результат, что объясняет использование положительной оценки.

Градуирование эмотивного признака чаще всего происходит путем указания на негативные эмоции. Признак «злой, раздраженный» проявляет наибольшую частотность среди всех средств объективации эмоций и отличается крайне узким диапазоном градуирования – в подавляющем большинстве случаев градуатором выступает интенсификатор *very*, например: *go spare* ‘выйти из себя, вспылить’ (to become *very angry*), таким образом, проявление злости тем более значимо, чем выше

степень ее интенсивности. Отрицательная зона на шкале градации представлена редкими случаями употребления *less*, маркирующего эксплицитную градацию.

Успех является одним из важных ценностных ориентиров английской нации, что находит свое отражение в значении английских ФЕ с градуальной семантикой. Однако, в качестве объекта градуирования, признак «успешный» проявляет не самую высокую частотность. Это понятие имеет достаточно широкий диапазон градуирования, равномерно охватывающий положительную и отрицательную зону на шкале градации, и представленный средствами как эксплицитного, так и имплицитного градуирования (*top dog* ‘хозяин положения’ (the winner or **most_successful** person) и *beat somebody at their own game* ‘победить кого-то на его территории’ (to do or try to do something **more successfully** than somebody else).

3. Степени интенсивности проявления динамического признака, выраженного глагольными формами, лексикографически зафиксированы в 691 отобранной единице. Градация действия или процесса происходит путем указания на его качественные (степень завершенности процесса, интенсивность действия) или количественные характеристики. Во многих случаях объект градуирования указывает на переход из одного состояния в другое, начало новой фазы действия.

Рассматривая действие в качестве объекта градуирования, интерес для культурологического анализа может представлять не столько семантика выражающего его глагола, сколько выделяемые аспекты, подвергающиеся количественным модификациям. Как видно из таблицы 1, наибольшей частотностью характеризуется глагол «do», обладающий высоким уровнем абстракции, т. е. передающий понятие действия в наиболее общем его понимании. Таким образом, в фокусе исследования находятся градулируемые аспекты действия: качество (*lose ground* ‘терять почву под ногами’ (to **do worse** or **become less effective**)), количество (*go the extra mile* ‘делать все возможное’ (to make a special effort or **do more** than you have been asked to in order to achieve something)), вовлеченность других участников (*go it alone* ‘взять все на себя’ (to **do something without help** from other people)) и др. Используемые имплицитные градуаторы тяготеют к крайним значениям на шкале градации – *everything*, *without*, распространены также эксплицитные градуаторы.

Глагол «know» указывает на обладание некоторой информацией о другом объекте. Это понятие подвергается градуированию в основном в своем количественном аспекте, что передает культурную ценность владения информацией в обществе. Диапазон используемых градуаторов охватывает как отрицательную, так и положительную зону на шкале градации, например: *a nodding acquaintance* ‘шапочное знакомство’ (to **know** someone **slightly** or have a slight knowledge of a subject), *a man / woman of the world* ‘человек, умудренный опытом’ (someone who **knows a lot** about life and is not easily shocked by things).

Глагол «feel» является еще одним примером продуктивности языкового средства выражения абстрактного значения с целью передачи градуальной семантики. Выступая в качестве объекта градуирования, «feel» сочетается с показателями оценки. Также как и в случае градуирования оценочного признака, положительная оценка преобладает.

Заключение: Исследование частотности объекта градуирования открывает перспективы для изучения культурной значимости того или иного явления для нации-носителя. Анализ градуального предиката в семантике английских ФЕ позволил выделить ключевые градулируемые признаки и объекты. Наибольшей культурной значимостью обладает градация общеоценочного признака, представленная двумя экстремумами – «хороший» «плохой». Доминирование положительного оценочного

признака, выступающего в качестве объекта градуирования, может быть обусловлено сценарным характером фразеологических единиц. Являясь продуктом переосмысления прототипических ситуаций, фиксирующих положительный опыт, ФЕ включают в себя набор национальных стереотипов и установок, ориентированных прежде всего на положительный результат, что объясняет использование положительной оценки. Следующими по частотности объектами градуирования являются люди (количественная характеристика), деньги (количественная характеристика), способ (количественная и качественная характеристика) как метод достижения желаемого результата. Другими культурно значимыми признаками являются «злой, раздраженный» и «успешный». Градация динамического признака, выраженного глагольными формами, тяготеет к градуированию объекта с максимально обобщенной семантикой, что выводит на первый план градулируемые аспекты действия: качество, количество или образ действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова О. Л. Негативные эмотивные наименования лица в английской и украинской национальных картинах мира / О. Л. Бессонова // *Studia Linguistica*. – Санкт-Петербург, № XXII. 2013. – С. 78-87.
2. Трофімова О. В. Фразеологія негативних емоцій в англійській та українській мовах : монографія / О. В. Трофімова // *Лінгвокогнітивні та лінгвокультурологічні дослідження*. – Том 1, Донецьк : ДонНУ, 2013. – 269 с.
3. Горшкова Н. Н. Фразеологические единицы с градуальной семантикой в современном русском языке / Н. Н. Горшкова // Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Моск. гос. обл. ун-т, – 2004. – 21 с.
4. Колесникова С. М. Компонентный состав семантики градуальности / С. М. Колесникова // *Вопросы лингвистики: Межвузовский сборник научных трудов*. – М.: МПУ, 1998. – С. 16-23.
5. Колесникова С. М. Градуальность: системные связи и отношения в русском языке. / С. М. Колесникова. – М.: МПГУ, 2012. – 294 с.
6. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): монография / Г. В. Токарев. – Волгоград: «Перемена». 2003. – 211 с.

Поступила в редакцию 01.09.2017 г.

TYPES OF OBJECT OF GRADING IN THE SEMANTICS OF THE ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS

S.G. Tkachenko

The article focuses on the linguocultural peculiarities of the English phraseological units of gradual semantics. The group of idioms under study comprises the units possessing gradual markers in their definitions. Frequency of occurrence of things, features or actions that function as an object of grading refers to the cultural value of these phenomena in the language community.

Key words: gradation, gradual semantics, phraseological unit, object of grading.

Ткаченко Софья Геннадьевна

аспирант

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк

e-mail: curuxa.sabia@gmail.com

Tkachenko Sofiia Gennadiivna

Postgraduate student

Donetsk National University, Donetsk

e-mail: curuxa.sabia@gmail.com

ПЕДАГОГИКА

УДК [796.011.3:797.212]:796.015.68

КОНТРОЛЬ УРОВНЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ УЧАЩИХСЯ ПО СПОРТИВНОМУ НАПРАВЛЕНИЮ «ПЛАВАНИЕ» В ПРОФИЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ

© 2017. *А.П. Андросова*

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье рассматривается процесс контроля уровня физической подготовленности учащихся по спортивному направлению «Плавание» в профильном обучении. Дается характеристика контроля в плавании, общие его положения, рекомендации специалистов данного вида спорта. На основании анализа научной и учебно-методической литературы по плаванию с учетом материально-технического обеспечения данного процесса даются рекомендации по контролю уровня физической подготовки пловцов в профильном обучении.

Ключевые слова: профильное обучение, спортивное направление, плавание, физическая подготовленность

Введение. Современное развитие образовательной системы связано с созданием условий непрерывного обучения на протяжении всей жизни человека касательно его профессионального становления и развития. Как известно, система профильного обучения обеспечивает возможность учащимся, начиная с получения начального среднего образования, овладевать основами будущей профессиональной деятельности, что создает возможность избежать «неправильного» выбора профессии. Данная система обучения предусматривает такие подходы как дифференциация и индивидуализация, что определяет профили обучения с направлениями в зависимости от выстраиваемого вектора образования конкретным учащимся. Так, одним из профилей обучения является спортивный, который имеет в своей структуре направления по видам спорта. Говоря о спортивном направлении «Плавание» в системе профильного обучения, мы можем констатировать, что это вид учебно-тренировочной деятельности, который направлен как на оздоровление учащихся, так и на повышение уровня физической подготовленности, спортивного мастерства в соответствии со спецификой будущей спортивно-педагогической деятельностью.

Исследованием проблемы профильного обучения по спортивному направлению занимались Т. Жукова, М. Зубалий, В. Бальсевич, Л. Лубышева, Е. Бликов и другие. Отдельные вопросы обучения плаванию в школах спортивного профиля отражены в диссертационных исследованиях С. Гордона, В. Гречанникова, В. Гринева, О. Красикова, Г. Узуновой и других. Однако, несмотря на исследования, спортивное направление «Плавание» требует разработки методического обеспечения, которое включает контроль уровня подготовленности учащихся.

Цель статьи – теоретически обосновать процесс контроля уровня физической подготовленности учащихся по спортивному направлению «Плавание» в профильном обучении.

Задачи статьи: определить виды контроля уровня физической подготовленности в плавании; дать практические рекомендации для контроля уровня физической

подготовленности учащихся по спортивному направлению «Плавание» в профильном обучении.

Основная часть. Анализ научной и учебно-методической литературы по плаванию показал, что успешное обучение плаванию невозможно без контроля функционального состоянием учащихся. Изучение в динамике отдельных показателей учащихся в течение периодов и этапов учебно-тренировочных занятий позволяет выявить сильные и слабые стороны их подготовленности [1, 2]. Следовательно, контроль позволяет определить наличие отклонений и выявить их характер, что позволяет спланировать деятельность по их коррекции.

В процессе проведения контроля можно выделить два направления: педагогическое и врачебное. Так, врачебный контроль необходим для отслеживания функционального состояния организма под воздействием учебно-тренировочных занятий и уровня здоровья учащихся. Педагогический контроль, позволяет оценивать эффективность используемых учебно-тренировочных нагрузок, способствует выполнению плана учебно-тренировочных занятий, служит для разработки контрольных нормативов, способствует выявлению динамики развития спортивных результатов и прогнозированию достижений, является способом отбора талантливых учащихся для дальнейшей спортивной карьеры [3].

Следует отметить, контроль в процессе учебно-тренировочных занятий требует выполнения ряда условий. Основное из них – рациональный подбор комплекса тестов, которые должны отвечать условиям: объективно отображать качества, для оценки которых они применяются, быть понятными тем, для кого они предназначены, быть доступным для широкого использования.

В плавании можно выделить следующие виды тестирования:

1. Поэтапное (определяет изменения под воздействием относительно длительного периода).

2. Текущее (осуществляется для оценки изменений вызванных действием одного или нескольких учебно-тренировочных занятий, а также суммарной их нагрузкой).

3. Оперативное (контроль изменений связанных с действием упражнений, употребляемых в течение одного занятия) [4].

Следовательно, контроль уровня подготовленности является важной составляющей частью учебно-тренировочного процесса по спортивному направлению «Плавание», поскольку дает возможность своевременной коррекции этого процесса за счет выявления его недостатков по результатам проведенных тестов.

Относительно тестов для определения уровня подготовленности в плавании, как показывает анализ литературы по плаванию, существуют разные мнения. Это хорошо отражено в исследованиях И. Ганчара [5].

Так, Г. Полевой [6] считает, что важное значение имеют исходные и конечные результаты тестирования. Для этого предлагается проведение таких тестов: для определения быстроты – преодоления 25 – 50-метровых отрезков, для скоростной выносливости – 200 м, для общей выносливости – 1000–1500 м.

Однако, у пловцов высокого класса, по мнению В. Платонова [2], специальная выносливость ограничена в основном четырьмя факторами: анаэробные возможности, которые можно выявить с помощью плавания 75 м с максимальной скоростью; лактатный порог – 4х50 м с отдыхом 10 с между отрезками; аэробные возможности – 6х50 м с отдыхом 30 с или плавание на 1000 м; производительность дыхания – определяется по МПК (максимальное потребление кислорода) или же по величине легочной вентиляции; эффективность использования скоростно-силового потенциала

(отношение темпа и шага) по коэффициенту использования силовых возможностей, чем выше его показатель, тем меньшей силой можно владеть для создания необходимой силы тяги.

Также можно использовать контрольные тесты в виде физических упражнений, поскольку они тесно связаны с динамикой спортивного мастерства учащихся. Так, для кроля на груди и на спине – сгибание и разгибание предплечья, разгибание и приведение плеча; для брасса – разгибание бедра и голени, сгибание и приведение плеча; для баттерфляя – разгибание и сгибание предплечья, разгибание туловища, разгибание и приведение плеча.

По мнению М. Набатниковой [7], для выявления уровня специальной выносливости эффективным будет использование метода повторных нагрузок. Например, тест 6х50 м при скорости 90% от максимальной, интервалы отдыха 10 с.

Анализ исследования М. Годика [8] подчеркивает, что направленность физической нагрузки может быть определена критериями: физическими и физиологическими. Они позволяют определять преимущество специальных компонентов их выполнения в воде сравнительно с традиционными упражнениями физической подготовки на суше. Однако и неспецифические тесты, например: подтягивание, жим штанги и другие, обеспечивают приблизительно одинаковый прирост показателей, поэтому мы считаем, что такие тесты вполне допустимы для контроля уровня подготовленности в плавании.

Сущность педагогических методов, по мнению Б. Оноприенко [9], заключаются в измерении работоспособности пловца по изменению скорости его плавания. К наиболее распространенным вариантам измерений относят: пловец осуществляет работу за заданное время с заданной интенсивностью; устанавливают время преодоления определенных частей заданной дистанции; устанавливается время преодоления 10 и 20 отрезков дистанции (25, 50, 75 м и т. п.) с регламентированным отдыхом между ними.

Существует мнение, что выносливость можно определить и проанализировать, используя физиологические методы. К таким методам относят исследования: дыхательной системы, которая осуществляется по спирометрическим показателям (ЖЕЛ – жизненная емкость легких); влиянию физических нагрузок на деятельность сердечнососудистой системы (измерение ЧСС (частота сердечных сокращений) и длительность периода восстановления пульса); состоянию опорно-двигательного аппарата пловца (по показателям динамометрии).

Поэтому в качестве критерия оценки способности пловца реализовать свои функциональные способности, как отмечает Ю. Санду [10], может быть использован тест «плавание на привязи» в течение 60 с в полную силу. Он усреднено отображает наиболее характерные условия плавания дистанции 100 м всеми способами.

Анализ работы В. Парфенова, В. Платонова [11] указывает, что быстрота оценивается по уровню максимальной скорости, которая доступна пловцу на отрезке такой длины, при которой не наблюдается падения работоспособности в результате утомления. Время, в течение которого возможно выполнение работы максимальной интенсивности без снижения скорости плавания, как правило, не превышает 15 – 22 с.

Поэтому лучшим тестом для оценки уровня скоростных возможностей является преодоление отрезков длиной 25 м. Для повышения точности результатов при оценке скоростных возможностей целесообразно применять тест, основанный на преодолении нескольких 25-метровых отрезков с максимальной скоростью и паузами, достаточными для восстановления работоспособности.

Также, по мнению указанных специалистов, уровень специальной выносливости может быть определен такими методами: использование результата, который регистрируется на соревновательной дистанции; длительное выполнение специфической работы заданной интенсивности; преодоление отрезков со строго регламентированными длиной, скоростью плавания и длительностью интервалов отдыха.

Отметим, что при оценке уровня специальной выносливости, которая наиболее полно проявляется в условиях соревнований, спортивный результат сам по себе не является информационным показателем. Также преодоление соревновательной дистанции не всегда возможно по многим причинам. К ним следует отнести нецелесообразность проведения регулярных соревнований на отдельных дистанциях из-за большого нагрузочного фактора (дистанции 800 и 1500 м), возможно неблагоприятное действие на психическое состояние пловцов показанные ими на основной дистанции относительно невысокие результаты и др. Эти причины послужили многим специалистам основанием для разработки тестов, которые заметно отличаются по своему характеру от соревновательной деятельности, но которые воссоздают специфические условия, которые обеспечивают проявление выносливости. В основе тестов, рекомендованных ими, лежит главным образом регламентированная мышечная деятельность. Применяются тесты, основанные на повторном преодолении отрезков заданной длины с определенными скоростью и интервалами отдыха, на выполнении специфической работы заданной интенсивности в течение максимально доступного времени, на выполнении работы заданной длительности при максимально доступной интенсивности.

К тестам, которые определяют специальную выносливость пловцов на разных дистанциях, можно отнести следующие:

– дистанция 100 м: 1) преодоление 75-метрового отрезка с максимальной скоростью; 2) 4x50 м с максимальной скоростью и отдыхом между отрезками длительностью 10 с.;

– дистанция 200 м: 1) 4x50 м с максимальной скоростью и отдыхом между отрезками длительностью 10 сек.; 2) 6x50 м с максимальной скоростью и отдыхом между отрезками длительностью 20 с.;

– дистанция 400 м: 1) 8x50 м с максимальной скоростью и отдыхом между отрезками длительностью 10 с.; 2) 4x100 м с максимальной скоростью и отдыхом между отрезками длительностью 10 с.;

– дистанция 800 и 1500 м: 1) 1000 м с максимальной скоростью; 2) 10x50 м с максимальной скоростью и отдыхом между отрезками длительностью 30 с.

Все указанные тесты, по мнению В. Парфенова и В. Платонова [11], достаточно информативны и доступны для широкого применения. Однако в практике при оценке специальной выносливости целесообразно использовать один из указанных тестов. Это позволяет проследить динамику изменения специальной выносливости пловца в течение определенного периода.

Следовательно, из указанного выше можно сделать вывод, что для контроля уровня физической подготовленности в плавании существуют разные его виды и тесты, которые являются информативными. Однако каждый тренер может использовать тесты, которые считает целесообразными.

Для решения задачи нашего исследования по определению практических рекомендаций для контроля уровня физической подготовленности учащихся по спортивному направлению «Плавание» в профильном обучении мы провели анализ

специализированной литературы. Как мы видим из описанного ранее анализа, любые из рассмотренных тестов можно использовать в процессе обучения плаванию в школах спортивного профиля при наличии необходимых для этого условий.

Считаем целесообразным дифференцировать для рекомендации тесты, которые являются реальными для проведения в условиях учебно-тренировочных занятий по плаванию в профильном обучении, то есть которые не требуют особого оборудования и обычно имеются в наличии в бассейнах. Но тренер может сам подбирать тесты для определения уровня подготовленности.

На наш взгляд, для тестирования уровня физической подготовленности лучше применять тесты на суше и в воде для получения большей информации о функциональных возможностях учащихся.

Целесообразность тестов на суше мы обоснуем с точки зрения анатомии плавания, поскольку они отличаются от тестирования в воде и не всем является понятным выбор именно этих тестов. Поэтому рассмотрим основные мышечные группы, которые несут нагрузку при плавании.

Так, главными мышечными группами для пловца являются, прежде всего, мышцы туловища (прямая мышца и косые мышцы живота, квадратные мышцы поясницы, трапецевидная, зубчатая мышца). Как отмечают Л. Макаренко [12], I. McLeod [13], они обеспечивают стойкое положение тела в воде и являются как будто основным стержнем двигательного механизма пловца. Мышцы рук и плечевого пояса несут основную нагрузку при плавании любым спортивным способом плавания, за исключением брасса, где роль рук и ног приблизительно одинакова.

Мышцы, которые разгибают и приводят плечо (большая грудная мышца, широчайшие мышцы спины, подлопаточная, большая круглая, длинная головка трехглавой мышцы плеча) осуществляют мощный и длинный гребок руками. Вторую половину гребка в основном выполняют задние пучки дельтовидной мышцы и широчайшей мышцы спины. Высокое положение локтя в первой половине гребка обеспечивается пронаторами плеча (большая грудная мышца, широчайшая мышца спины, подлопаточная мышца). Основная часть гребка выполняется сгибанием руки в локтевом суставе, а окончание гребка (кроме брасса) – с энергичным разгибанием предплечья. Степень напряжения мышц высока, поскольку кисть и предплечье являются основными опорными плоскостями. В первой половине и в конце гребка рукой активными являются мышцы-пронаторы предплечья, которые осуществляют небольшое вращение предплечья внутрь (круглый и квадратный пронатор).

Мышцы-сгибатели кисти (длинная ладонная мышца, мышцы-сгибатели пальцев) работают в основном в режиме статического напряжения, противодействуя силам реакции воды. Без сильных мышц ног пловцам трудно выполнять полноценное отталкивание от стартовой тумбочки или стенки бассейна во время старта и поворота, а спортсменам, которые специализируются в плавании брассом и в комплексном плавании, – достичь высокой скорости на дистанции.

Как считает М. Курепина, А. Ожигова и А. Никитина [14, С. 103-105], при плавании брассом большую роль играют мышцы ног, а именно прямая мышца бедра, большая и средние ягодичные мышцы, напрягатель широкой фасции бедра, широкие головки четырехглавой мышцы и передняя группа мышц голени.

Силу и развитие этих мышечных групп наряду с развитием физических качеств, на наш взгляд, можно проверить, используя на суше такие тесты:

1) жим штанги руками лежа (на горизонтальной скамье) – в этом упражнении участвуют трехглавая мышца плеча, локтевая мышца, большая грудная мышца,

клювовидно-плечевая мышца, передняя часть дельтовидной мышцы, передняя зубчатая мышца [15, С. 26-27];

2) жим ногами – упражнение выполняется на специальном тренажере. В этом упражнении в большей степени задействованы – большая ягодичная мышца, широкая фасция, четырехглавая мышца бедра (медиальная широкая, промежуточная широкая, латеральная широкая и прямая мышца бедра)[16, С. 100]. Если нет такого тренажера, можно выполнять приседание со штангой на плечах, поскольку в этом упражнении также участвуют те же мышцы;

3) подтягивание на перекладине – в этом упражнении участвуют двуглавая мышца плеча, плечевая мышца, плечелучевая мышца, широчайшая мышца спины, большая круглая мышца, большая грудная мышца, задняя часть дельтовидной мышцы, ромбовидная и трапециевидная мышца [15, С. 64];

4) «складка» за 10 секунд – наибольшее напряжение получает верхняя и нижняя часть брюшного пресса (прямая мышца живота) [17, С. 155];

5) подтягивание на перекладине (широким хватом сверху) за 10 секунд – работают те же мышцы, как и в упражнении без учета времени;

6) работа на тренажере «хьютель» за 10 секунд – рекомендованное упражнение для проверки на суше уровня специальной силы пловца по максимальному количеству рабочих движений, выполненных на тренажере Хьютеля в определенном режиме [12].

Упражнения с учетом времени указывают на скоростно-силовые возможности учащихся.

Тесты на суше дают возможность увидеть развитие силовых и скоростно-силовых способностей учащихся по спортивному направлению «Плавание».

В воде, на наш взгляд, целесообразно проводить тесты, которые указывают на развитие специфических физических качеств, характерных для плавания. Это такие тесты:

1) плавание 25 м отрезка со старта вольным стилем – это является наиболее показательным тестом на быстроту;

2) плавание дистанции 50 м со старта вольным стилем – это является наиболее показательным тестом на развитие скоростно-силовых качеств в плавании;

3) плавание дистанции 100 м со старта вольным стилем – это является наиболее показательным тестом на скоростную и силовую выносливость;

4) плавание 1500 м со старта вольным стилем – этот тест дает возможность осуществлять контроль специальной выносливости пловцов.

Тесты в воде дают возможность увидеть уровень развития скорости, скоростно-силовых качеств, силовой выносливости и специальной выносливости пловцов, то есть наиболее доминирующих физических качеств, необходимых для плавания.

Предложенные тесты проверки уровня физической подготовленности учащихся по спортивному направлению «Плавание» гармонично входят в состав любого учебно-тренировочного занятия, а следовательно, являются удобными для использования.

Заключение. Таким образом, можно сделать выводы. Профильное обучение по спортивному направлению «Плавание» является частью образовательной системы, направленной на подготовку учащихся к будущей профессиональной деятельности и поступлению в профильные вузы. В процессе обучения плаванию важным компонентом является контроль уровня подготовленности учащихся в избранной ими спортивной специализации. Частью системы контроля уровня подготовленности учащихся по спортивному направлению «Плавание» является контроль уровня физической подготовленности, который включает как врачебный контроль, так и

педагогический. Следовательно, при контроле возможно применение, как функциональных тестов, так и физических упражнений. На основании анализа научной и учебно-методической литературы по плаванию, а также наличия материально-технической базы, на которой осуществляется учебно-тренировочный процесс по спортивному направлению «Плавание» мы можем рекомендовать проведение тестирования на суше и в воде. На суше можно рекомендовать проведение тестов отображающих силовые и скоростно-силовые способности учащихся. К ним относим: жим штанги руками лежа, жим ногами, подтягивание на перекладине, «складка» за 10 секунд, подтягивание на перекладине, работа на тренажере «хьютель» за 10 секунд. В воде можно рекомендовать тесты на развитие специфических физических качеств, быстроты и выносливости. К ним относим плавание со старта в максимальном темпе вольным стилем: 25 м, 50 м, 100 м, 1500 м. Перспективой дальнейших исследований и научных публикаций является процесс контроля других сторон подготовленности учащихся по спортивному направлению «Плавание» в профильном обучении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гречанников В. Н. Система оценки спортивных результатов в плавании как фактор совершенствования учебно-тренировочного процесса : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук : спец. 13.00.04 «Теория и методика физического воспитания и спортивной тренировки» / В. Н. Гречанников. – Л., 1983. – 22 с.
2. Платонов В. Н. Тренировка пловцов высокого класса / В. Н. Платонов, С. М. Вайцеховский. – М. : Физкультура и спорт, 1985. – 256 с.
3. Кашкин А. А. Плавание : примерная прогр. спорт. подготовки для детско-юношеских спорт. шк., специализированных детско-юношеских шк. олимп. резерва / А. А. Кашкин, О. И. Попов, В. В. Смирнов – М. : Сов. спорт, 2004. – 216 с.
4. Терещенко В. А. Оперативная оценка специальной подготовленности и регулирование тренировочных нагрузок высококвалифицированных пловцов : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук : спец. 13.00.04 «Теория и методика физического воспитания и спортивной тренировки» / В. А. Терещенко. – Киев, 1981. – 21 с.
5. Ганчар И. Л. Плавание: теория и методика преподавания : учеб. для студентов фак. физ. культуры пед. ин-тов и ун-тов Беларуси, Украины и России / И. Л. Ганчар. – Минск : Четыре четверти : Эксперспектива, 1998. – 352 с.
6. Полевой Г. Ф. К проблеме управления спортивной тренировкой пловцов / Г. Ф. Полевой, В. Г. Полевой // Плавание. – М. : Физкультура и спорт, 1980. – Вып. 2. – С. 26 – 30.
7. Набатникова М. Я. Специальная выносливость спортсмена / М. Я. Набатникова. – М. : Физкультура и спорт, 1972. – 261 с.
8. Годик М. А. Педагогические основы нормирования и контроля соревновательных и тренировочных нагрузок : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра пед. наук : спец. 13.00.04 «Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры» / М. А. Годик. – М., 1982. – 48 с.
9. Оноприенко Б. И. Биомеханика плавания / Б. И. Оноприенко. – Киев : Здоров'я, 1981. – 191 с.
10. Санду Ю. Б. Измерение силы тяги и гидродинамического сопротивления пловцов / Ю. Б. Санду, В. Х. Иванюк // Теория и практика физ. культуры. – 1986. – № 1. – С. 12 – 14.
11. Парфенов В. А. Тренировка квалифицированных пловцов / В. А. Парфенов, В. Н. Платонов. – М. : Физкультура и спорт, 1979. – 166 с.
12. Макаренко Л. П. Юный пловец : учеб. пособие для тренеров ДЮСШ и студентов тренерского фак. ин-тов физ. культуры / Л. П. Макаренко. – М. : Физкультура и спорт, 1983. – 288 с.
13. McLeod Ian. Swimming anatomy / Ian McLeod. – Champaign, 2009. – 200 p.
14. Курепина М. М. Анатомия человека : учеб. для вузов / М. М. Курепина, А. П. Ожигова, А. А. Никитина. – М. : Владос, 2003. – 384 с.
15. Марк Велла. Атлас анатомии силовых упражнений и фитнеса / Марк Велла. – М. : АСТ, Апрель, 2007. – 144 с.
16. Фредерик Делаویه. Анатомия силовых упражнений для мужчин и женщин / Фредерик Делаویه; пер. с фр. О. Е. Ивановой. – М. : РИПОЛ классик, 2006. – 144 с.

17. Брунгардт К. Бодибилдинг. Тренировка мышц живота : пер. с англ. / К. Брунгардт. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; ООО «Издательство Астрель», 2004. – 255 с.

Поступила в редакцию 01.09.2017 г.

CONTROL OF STUDENTS' PHYSICAL EFFICIENCY LEVEL AT SWIMMING IN PROFILE TRAINING

A.P. Androsova

The article examines the process of controlling the level of students' physical fitness in "Swimming" in profile training. The general description of control in swimming, its basic assumptions, experts' recommendations are presented. Recommendations as to the control of the level of physical training of swimmers in profile training are suggested. They are based on the analysis of scientific and educational literature on swimming, taking into account the material and technical support of the training process.

Key words: profile training, sports field of training, swimming, physical efficiency

Андросова Алёна Павловна
Кандидат педагогических наук
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
университет имени Тараса Шевченко»
e-mail: baterflu@ukr.net

Androsova Alyona Pavlovna
Candidate of Pedagogy
Taras Shevchenko Lugansk National University
e-mail: baterflu@ukr.net

УДК [811:159.9]-057.87:004.738.52

ПСИХОЛОГО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ РАЗГОВОРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ ШКОЛЬНИКА

© 2017. *Г.В. Мерхелевич*

Предприятие АРПИ (учебно-методический комплекс иностранных языков)

В статье приведены основные аспекты процесса обучения учащихся средней школы иностранному языку, имеющие психологическое происхождение и выполняющие педагогическую функцию. Раскрыты связанные с ними понятия и сформулированы проблемы, оказывающие влияние на эффективность процесса обучения иностранному языку из числа относящихся к рассматриваемым аспектам. Приведены модели и даны описания системы повышения квалификации преподавателя-филолога и системы создания единого психологического пространства «учитель-ученик». Приведены выводы относительно обязательных условий достижения цели и возможные направления дальнейшего развития исследования.

Ключевые слова: аудиторная работа, внеаудиторная деятельность, досуг, психологический аспект, педагогический аспект, познавательная самостоятельность, коммуникативная самостоятельность, филолог, повышение квалификации, общекультурная тематика, учебный процесс, иностранный язык, монологическая основа, «черно-белое» чтение, вербально-скелетная формула-оборот.

Введение. Одним из мотивов, обуславливающих необходимость опережающего формирования иноязычных разговорно-познавательных навыков у детей школьного возраста, является стремление превратить иностранный язык, преподаваемый в школе, в своеобразный инструмент обмена информацией, осуществляемого средствами этого языка. Актуальность решения этой проблемы подтверждается результатами анализа существующей практики обучения иностранному языку в школе, выражением которых явилось отсутствие у выпускников средней школы необходимых навыков практического владения иностранным языком как следствие недостаточной эффективности соответствующего педагогического процесса на этапе получения ими среднего образования [1, с.111-112]. При этом основной проблемой является отсутствие у учащегося школы – как будущего студента вуза или специалиста рабочей профессии – разговорных навыков, с формирования которых должен начинаться процесс овладения любым языком, включая иностранный. Другой проблемой является отсутствие у учащегося умения свободно обращаться с иноязычной информацией общекультурной тематики, позволяющего познавать информацию и выражать мысль средствами иностранного языка, без применения родного языка в качестве промежуточного.

В связи с этим нерешенная в школе проблема полноценной иноязычной подготовки учащегося перемещается на этап его обучения в вузе, целью которого в противном случае должна была бы быть профильная иноязычная подготовка будущего специалиста в той или иной области народного хозяйства. Помимо этого, нерешенность проблемы полноценного овладения языком в школе приводит к утрате учащимися возможности более раннего получения дополнительного интеллектуального развития за счет познания новой информации, отсутствующей на родном языке и относящейся к жизни мирового сообщества. Этот факт имеет место, несмотря на наличие процесса так называемого изучения языка в школьной программе, которая предполагает, что информация используется в учебном процессе как содержательный наполнитель учебного материала, так и не превратившись в цель процесса общения и познания,

нацеленность на достижение которой оправдывала бы «затрачивание» нескольких лет на процесс обучения, связанный с иностранным языком. Эта проблема тем более актуальна в связи с тем, что в школьном возрасте у учащихся уже возникает интерес и способность к познанию средствами иностранного языка новой информации, которая относится к области их увлечений, но отсутствует на родном языке.

Если рассматривать вышеупомянутую задачу как цель, которую предстоит достичь посредством иноязычной подготовки школьника, назначением такого акта как педагогического процесса является формирование готовности учащегося к свободному обращению с иноязычной информацией в условиях его пребывания в иноязычной среде общекультурного содержательного наполнения.

Обязательными условиями, подтверждающими факт достижения поставленной цели являются приобретение учащимся способности воспринимать иноязычную информацию как в устной, так и в письменной форме непосредственно на языке ее изложения (то есть на монолингвистической основе), а также достижение им полной коммуникативной и познавательной самостоятельности за счет субъективной независимости от преподавателей-филологов и от родного языка.

Объекты и методы исследования. В педагогической литературе широко рассматриваются проблемы, связанные с формированием иноязычной компетентности у обучающихся на различных этапах их психофизиологического развития. В связи с этим решение проблемы исследования осуществлялось на основе анализа научных трудов отечественных и зарубежных специалистов, которые принадлежат к определённым научным школам, специализирующимся в решении проблем преподавания иностранного языка:

а) русскоязычным и украиноязычным учащимся средних учебных заведений;

б) русскоязычным и украиноязычным преподавателям-филологам, а также специалистам лингвистических профилей в системе повышения их квалификации.

Помимо вышеупомянутых, были проанализированы исследования иностранных специалистов, которые касались преподавания иностранного языка в зарубежных учебных заведениях: США (Ausubel, D.P and Robinson, F.G) [2], Испании (Alcaciz, E and Mucos, C) [3], Великобритании (Arnold, W and Rixon, S; Brewster, J and Ellis, G; Ellis, R) [4–6], Канады (Yi Zhou) [7], Австралии (Boutler, C) [8], Таиланда (Vibulphol, J) [9] и Индонезии (Pardede, P) [10].

К числу учёных, посвятивших свои работы проблемам обучения иностранному языку в школе, относятся М.Л. Вайсбург [11], И.Л. Бим [12], В.Л. Скапкниа и Г.А. Рубинштейн [13].

В связи с важностью внеаудиторной работы как обязательного компонента процесса обучения иностранному языку были проанализированы исследования российских учёных Г.М. Бурденюк, Н.П. Иващенко, Н.П. Грековой, И.П. Задорожной, В.И. Шепелевой, Ю.Ю. Тимкиной и Т.В. Сидоренко, а также А.О. Лановенко (Украина), которые посвящены проблемам самостоятельной работы как ресурса непосредственного влияния на эффективность процесса обучения иностранному языку.

Учитывая специфику проблемы исследования, обзор распространился на выполненные до настоящего времени научные работы с его углублением к рассмотрению отдельных компонентов и специфических аспектов учебного процесса, которые касаются разработки и анализа эффективности методологических подходов [14], психолого-методических решений и методических приёмов [15]. Речь идёт об этапах получения высшего филологического образования [1] и повышения квалификации дипломированных специалистов, включая преподавателей иностранного языка [16].

Цели и задачи статьи. Целью учебно-педагогического процесса является формирование готовности школьника к естественной интеграции средствами иностранного языка в международную информационную среду общекультурной тематики как основы для создания в дальнейшем его полной субъективной независимости от преподавателей-филологов.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач: а) формирование способности к устному общению (понимание иностранной речи на слух и умение бегло и лаконично выразить мысль в устной форме); б) формирование способности к обмену информацией в письменной форме (смысловое восприятие текстовой информации и умение выразить мысль в письменной форме).

Результаты и их обсуждение. Процесс формирования полноценной иноязычной готовности школьника является комплексным и охватывает следующие аспекты, характеризующие его эффективность: лингвистическую основу процесса, преподавательский ресурс и психолого-педагогический подход.

Одной из основных особенностей учебного процесса является то, что на начальном – чисто учебном – этапе обучения решается задача овладения языком как инструментом обращения с информацией как в устной (навыки разговорной речи), так и в письменной форме (навыки упрощенного понимания текста). При этом язык является предметом учебного процесса, продолжительность которого должна быть по возможности минимальной. На этом этапе информация играет роль средства, способствующего решению задачи. На последующем – учебно-практическом – этапе решается задача познания иноязычной информации, которая становится предметом учебного процесса, а язык принимает на себя роль средства познания этой информации, поскольку к этому моменту обучающийся уже овладел им на коммуникативной и коммуникативно-когнитивной основах. Таким образом, в начале учебного процесса язык является предметом освоения, а овладение языком – целью процесса. Информация при этом играет роль средства, или смыслового «наполнителя» процесса овладения языком как инструментом, позволяя обучающемуся создать в памяти необходимый ресурс, который состоит из вербально-«скелетных» формул-оборотов, создаваемых на основе служебных слов.

Имея тренировочную, а не познавательную основу, такой методологический подход основан на механическом запоминании «скелетных» формул в процессе их многократного повторения со сменным смысловым наполнением, но при неизменном звуковом выражении их «скелетной» части. При этом обеспечение смыслового наполнения формируемых законченных предложений и оборотов речи является «обязанностью» информации, которая на этом этапе играет вспомогательную роль средства освоения языка.

На последующем этапе язык как таковой постепенно утрачивает роль предмета обучения, уступая эту роль информации и при этом принимая на себя роль средства освоения этой информации посредством ее познания. С этого момента начинается формирование практической составляющей учебного процесса, доля которой начинает постепенно увеличиваться как в абсолютном объеме, так и в процентном отношении, если сравнивать ее с долей, которая приходится на чисто учебную составляющую. Именно на основе практической составляющей и формируется будущая коммуникативная и познавательная самостоятельность обучающегося, а психологическая основа ее развития в процессе обучения обуславливает возможность сохранения приобретенных навыков владения языком на протяжении последующего обучения в вузе и его профессиональной деятельности, осуществляемой по окончании процесса обучения.

Лингвистическая основа учебного процесса. Под этим подразумевается совокупность качественных характеристик языка, определяемых его происхождением и прочностью связи с естественной культурной средой его повседневного применения на современном этапе развития общества как инструмента обмена информацией во всех формах его существования [17, с. 55-73]. Актуальность проблемы вызвана негативными последствиями многолетней практики повсеместного обучения иностранным языкам с использованием учебных и методических материалов, разработанных в условиях изоляции от среды их «обитания». Являясь «тяжелым наследием» советского периода развития общества, такой искусственно созданный и инкубируемый в условиях изоляции иностранный язык и на современном этапе продолжает характеризоваться серьезными смысловыми и стилистическими отклонениями от основных характеристик своего сородича, используемого его носителями в естественных условиях их жизненного пространства.

Иностранный язык, преподаваемый в настоящее время, нередко имеет переводное происхождение, основанное на «пословном» формировании иноязычных фраз на стилистической основе родного языка, что приводит к искажению передаваемой мысли ввиду стилистических различий, свойственных родному и иностранному языкам. К негативным последствиям относятся также неверное толкование смысла передаваемой мысли ввиду нарушения сочетаемости используемых слов, ошибочное понимание функции знаков препинания и смысловое применение созвучных слов из категории «ложных друзей переводчика», осуществляемое ошибочно на интуитивной основе. В связи с этим нередко наблюдается смешение стилей, а также обеднение речи ввиду отсутствия возможности ее художественного и эмоционального окрашивания с помощью специальных оборотов речи (идиомы), художественных приемов (метафоры) и образных определений (эпитеты), имеющих фразеологическую основу. Существующее положение отрицательно влияет на качество иноязычной подготовки школьника, чем обуславливается необходимость обновления языковой базы, начиная с ее опережающего освоения преподавателем и с отказа от привычной практики преподавания иностранного языка на словарной, но не фразеологической основе.

Преподавательский ресурс. Это понятие предполагает участие в учебном процессе преподавателей, способных привести обучающегося к требуемому результату благодаря наличию у них соответствующих личностных и профессиональных качеств. В связи с этим преподаватель-филолог должен владеть навыками практического применения преподаваемого им иностранного языка в качестве рабочего инструмента, а также – технологией познания иноязычной информации средствами этого же (а не родного) языка, не ограничиваясь традиционной передачей учащемуся лишь теоретической информации о языке как учебной дисциплине.

Иными словами, целесообразным является прохождение преподавателем курса повышения квалификации, программа которого преследует цель превращения теоретических знаний преподавателя о языке, наличие которых характеризует его как лингвиста, в навыки филолога, не только способного, но и стремящегося чувствовать себя уютно в среде преподаваемого им языка, тематический мир которой ему не только интересен, но и близок по духу. Ведь именно этому, а не собственно языку, преподавателю и надлежит не только учить (сосредоточенность на процессе), но и научить (достижение цели как результат) учащихся.

С целью решения задачи повышения квалификации филолога была создана система отбора и подготовки, разработанная автором статьи и успешно применяемая в возглавляемом им Учебно-методическом комплексе иностранных языков АРПИ (г. Донецк, ДНР) [18].

Разработанная система предусматривает возможность управления самостоятельной работой преподавателя-филолога на основе мониторинга. Проведение мониторинга дает возможность убедиться в наличии и эффективности его самостоятельной познавательной деятельности путем анализа качества результатов познавательной деятельности, осуществляемой за пределами основного педагогического процесса.

Психолого-педагогический подход. Суть этого понятия заключается в преобладающем влиянии психологического и педагогического аспектов учебного процесса на конечный результат, который должен выражаться не только в формировании у учащегося навыков свободного обращения с иноязычной информацией, но и создания условий для их сохранения на весь период последующей активной жизни, включающей и профессиональную деятельность [17, с. 196-201; 18]. При этом педагогический аспект включает в себя не только преподавание языка, но прежде всего воспитание и развитие школьника, обеспечивающее достижение обучающимися цели и предполагающее ответственность преподавателя за ее достижение [17, с. 177-228; 18; 19]. Что касается психологического аспекта, то его роль следует считать определяющей и доминирующей над педагогическим и лингвистическим компонентами процесса обучения, поскольку правильность психологического подхода является средством создания у учащегося желания не «работать» над языком, а получать с его помощью удовлетворение от познания интересующей его иноязычной информации, что является основным условием непрерывности этого процесса и главным ресурсом сохранения навыков владения языком.

Внедрение этого подхода осуществляется с помощью разработанной системы «учитель-ученик». Функциональная структура системы основана на том, что обязательным первичным условием эффективности учебного процесса является готовность преподавателя научить учащегося познавать информацию с помощью иностранного языка. Таким же обязательным, но вторичным условием является стремление ученика познавать средствами этого же языка. При этом состояние учителя считается первичным, а ученика – вторичным потому, что к моменту вступления в учебный процесс учитель должен уже постичь технику владения языком, научившись проводить в обществе преподаваемого языка не только рабочее время, но и досуг. Последнее означает наличие у учителя потребности в языке не как в специальности – то есть в качестве средства зарабатывания денег – а в потребности у учителя познавать информацию, вызывающую у него интерес, следовательно, доставляющую ему удовольствие.

Этот психологический аспект играет определяющую роль, которая – не обеспечивая успеха сама по себе – все же, в случае пренебрежения психологическим аспектом процесса, делает невозможным достижение поставленной цели, какими бы эффективными не выглядели его педагогическая и лингвистическая составляющие.

Процесс познания в различных (отдельной для учителя и учащегося) тематических областях, осуществляемый на единой психологической основе, позволяет учителю обеспечить необходимые условия для содействия учащемуся в создании у него соответствующего душевного настроения. Наличие у учителя опыта в формировании и сохранении в себе необходимых навыков обеспечения устойчивого психологического климата в отношениях с учащимся позволит ему осуществлять сопровождение тех действий ученика в перерывах между занятиями, которые не относятся непосредственно к учебному процессу, а составляют духовную часть его времяпрепровождения в обществе не собственно языка, а в мире фактов и событий, познаваемых с его помощью.

В этом случае нужны просто советы одного увлеченного человека другому, готовому разделить эту увлеченность. При этом речь идет о партнёрском и участливом погружении учителя в среду увлеченности своего ученика, из которого последний каждый раз выходит все более одухотворенным и обогащенным новыми впечатлениями.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. На основании анализа исследований, приведенных в статье, можно сделать следующие выводы:

1. Целью процесса обучения ребенка школьного возраста иностранному языку следует считать не овладение теоретическими основами языка, а формирование у него готовности использовать язык в качестве инструмента для полноценного смыслового восприятия и адекватного формулирования иноязычной информации без применения родного языка. При этом овладение иностранным языком следует рассматривать в качестве промежуточного педагогического ориентира на пути к достижению этой цели.

2. Решение задачи полноценной иноязычной подготовки школьника требует наличия у преподавателя-филолога навыков применения преподаваемого языка для обращения с иноязычной информацией общекультурной тематики, относящейся к области его интересов и увлечений, которые не имеют отношения к профессиональной деятельности.

3. Учебный процесс следует рассматривать с организационной стороны как совокупность аудиторной и внеаудиторной работы, а с функциональной – как сочетание учебной работы и практической деятельности, из которых последняя осуществляется во внеурочное время и является основополагающей в достижении конечного результата.

4. Основополагающим условием достижения педагогической цели учебного процесса является формирование у учащегося навыков свободной ориентации в иноязычном пространстве на основе практической составляющей учебного процесса, заполняющей промежутки между аудиторными занятиями.

5. Цель учебного процесса можно считать достигнутой только в случае, когда обращение ученика с иноязычной информацией превращается в привычку, осуществляется на монологической основе и мотивируется устойчивым стремлением к познанию интересующей его информации.

В качестве ближайшей перспективы дальнейших исследований автор рассматривает разработку и внедрение следующих образовательных проектов:

а) система формирования готовности школьника к работе в условиях международного информационного пространства на протяжении и по истечении школьного периода;

б) система опережающего формирования иноязычных разговорных навыков у студентов-первокурсников вуза (до начала обучения по основному курсу иностранного языка).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузлякина, Е.В. Развитие профессиональных коммуникативных умений будущего учителя иностранного языка в ситуативно-направленном обучении иноязычному общению (на примере немецкого языка): Дис. канд. пед. наук: 13.00.08; 13.00.02. – Курск. 2006. – 180 с.

2. Ausubel, D.P. and F.G.Robinson.1969. School learning: An introduction to educational psychology. New York: Holt, Rinehart and Winston

3. Alcaciz, E and Mucoz, C (2011) The influence of parental and extramural factors on young learners of English. Unpublished manuscript: University of Barcelona.

4. Arnold, W and Rixon, S (2008) 'Materials for teaching English to young learners', in Tomlinson, B(ed) English language learning materials: A critical review (pp. 38–58). London: Continuum.

5. Brewster, J and Ellis, G (2002) The primary English teachers' guide. London: Penguin.

6. Ellis, R (2008) The study of second language acquisition, 2nd edition. Oxford: Oxford University Press.

7. Yi, Zhou. A Study of Chinese University EFL Teachers and Their Intercultural Competence Teaching : diss. ... Ph. D / Yi Zhou. – Windsor : University of Windsor, 2011. – 265 p. (p. 179)

8. Boutler, Carmen. 2007. EFL and ESL Teacher Values and Integrated Use of Technology in Universities in the Asia-Pacific Region. PhD diss., Queensland University of Technology, Brisbane, Australia.

9. Vibulphol, Jutarat. 2004. Beliefs about Language Learning and Teaching Approaches of Pre-Service EFL Teachers in Thailand. PhD diss., University of Bangkok.

10. Pardede, Parlindungan. 2007. The Inevitability of Incorporating Culture into a Foreign language Classroom. The Inevitability of Incorporating Culture into a Foreign Language Classroom. Universitas Kristen Indonesia.
11. Вайсбург, М.Л. Цели обучения иностранным языкам и журнал «Иностранные языки в школе» // Иностранные языки в школе, 1995. – №3. – С. 6-8.
12. Бим, И.Л. Перестроечные процессы в обучении иностранным языкам в средней школе // Иностранные языки в школе. – 1991. – № 5 – С.13-15.
13. Скапкин, В.Л., Рубинштейн, Г.А. Речевые ситуации как средство развития неподготовленной речи // Иностр. язык в школе. – М.: Просвещение, 1966. – № 4. – С. 7-12.
14. Невмержитская, Е.В. Этноориентированная методика обучения иностранному языку в системе среднего профессионального образования: Дис. докт. пед. наук: 13.00.02. – Москва. 2011. – 435 с.
15. Дерунова, Н.В. Системное обучение английскому языку. Фонетический стороной и словообразование современного английского языка: Методические указания / РГТА. – Рыбинск, 1995. – 29 с.
16. Полякова, Т.Ю. Диверсификация непрерывной профессиональной подготовки иностранному языку в инженерном образовании: Автореф. дис. докт. пед. наук: 13.00.08. – Москва. 2011. – 41 с.
17. Мерхелевич, Г.В. Английский язык: как учить(ся), чтобы обучить(ся) / Г.В. Мерхелевич. – 4-е изд., доп. – Донецк: ЧП АРПИ, 2014. – 260 с. (Серия «Научно-техническая библиотека»).
18. Мерхелевич Г.В. Система отбора и подготовки преподавателя-филолога к процессу обучения иностранному языку специалиста любого профиля / Г.В. Мерхелевич // Современные проблемы многоуровневого образования: сб. материалов IX Междунар. науч.-методического симпозиума. – Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 2014. – С. 102-109
19. Настольная книга преподавателя / под ред. Г.В. Мерхелевича. – 3-е изд., испр. и доп. – Донецк: ЧП АРПИ, 2011. – 272 с. (Серия «Научно-техническая библиотека») ISBN 978-966-2555-02-8.

Поступила в редакцию 28.06.2017 г.

PSYCHOLOGICAL AND METHODOLOGICAL ESL PRINCIPLES OF FIRST-GRADERS' PREPARATION FOR THEIR FURTHER INTEGRATION INTO THE INTERNATIONAL INFORMATION NETWORK

G.V. Merkhelevich

This paper is concerned with core aspects and conditions of the foreign language teaching/learning process. Relevant issues and problems, which affect the process effectiveness, ways of their solution are revealed. The new system of a teacher-philologist professional development as well as the “teacher – student” psychological cooperation system are discussed. The conclusions are made as to the prerequisites for the objectives to be reached and the possible perspectives of the research in question.

Key words: in-class teaching/learning activities; out-of-classroom learning activities; psychological principle; educational principle; learning /communication autonomy; philologist; low-culture learning background; teaching/learning process; foreign language; monolingual approach; simplified unprepared reading

Мерхелевич Геннадий Викторович

Кандидат педагогических наук
Генеральный директор
Предприятие АРПИ (учебно-методический
комплекс иностранных языков)
e-mail: info@arpi.com.ua forarpi@gmail.com

Gennady V. Merkhelevich

Candidate of Pedagogy
General Manager
The ARPI ELT & Translation Agency

e-mail: info@arpi.com.ua, forarpi@gmail.com

УДК 37.025.2

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ДОШКОЛЬНИКАМИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РАЗНЫХ ЖАНРОВ

© 2017. *Е.А. Милушкина*

ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», РФ

В статье рассматривается важность приобщения детей к литературному чтению, роль воспитателя в этой учебно-образовательной функции. Автором даются отличительные характеристики художественно-эстетического восприятия и понимания детьми дошкольного возраста произведений разных литературных жанров, формирования у преемников эмоционального отношения к переживаниям и поступкам героев, умения разбираться в их мотивации, сравнивать с собственным опытом, что позволяет не назидательно, без дидактики воспитывать в детях чувство прекрасного, чувство патриотизма и доброжелательности к людям.

Ключевые слова: детская литература, литературные произведения, литературные жанры, художественно-эстетическое восприятие.

Дошкольный возраст – «самая благодатная пора для формирования у ребенка собственных вкусов в выборе тех или иных художественных жанров». В это время происходит переход от «первобытного» восприятия к самой эстетической деятельности. Ребенок сопереживает персонажам, переносит на себя их действия, чувства, мысли [3, с. 129].

Многие педагоги и психологи говорят о более глубоком и критическом понимании ребенком произведений, об отчуждении от позиции героя, рассматривая события с точки зрения автора. Детская книга воспитывает ум, нравственность и эстетический вкус ребенка.

Раскрывая значение детской литературы XIX-XX веков, журналист Алла Райц отмечает, что «традиция русской повести о детстве идет от Н.М. Карамзина. Традиция батальной и военной повести – от Л.Н. Толстого. Традиция зообеллетристики – от С.Т. Аксакова и И.С. Тургенева. Традиция сказочно-фантастической повести – от Погорельского, традиция стихотворной сказки – от А.С. Пушкина и В.А. Жуковского. Все эти образцы создали для русской детской литературы прочный фундамент, на котором она стоит и донныне» [4, с. 8-9].

Говоря о детской литературе, поэтесса И.П. Токмакова считает ее «первоосновой воспитания». По В.А. Сухомлинскому, «чтение книг – тропинка, по которой умелый, умный, думающий воспитатель находит путь к сердцу ребенка». Потому как книги формируют нравственные чувства, оценки и нормы поведения, воспитывают эстетическое восприятие.

По Е.А. Флериной «при чтении художественной литературы ребенок использует в своей речи готовые языковые формы, определения». Тем самым, он еще до школы осваивает грамматику и лексику русского языка.

По замечанию Н.С. Карпинской разные жанры художественной литературы учат детей: «рассказы – лаконизму и точности языка, стихи – музыкальности, напевности, ритмичности речи, сказки – меткости, выразительности». На восприятие и понимание детьми произведений разных литературных жанров оказывают влияние их психологические особенности и интересы, присущие определенному возрасту.

В развитии восприятия художественного произведения О.И. Никифоровой выделяются три стадии: восприятие, воссоздание и переживание образов, понимание идейного содержания произведения, влияние художественной литературы на личность читателя.

Еще в раннем возрасте начинает возникать детский интерес к книге. Ребенку нравится перелистывать странички, слушать чтение взрослого, рассматривать иллюстрации.

В три года детям интересны события и судьба героя произведения, его эмоции. На протяжении всего дошкольного возраста идет развитие волевого, мыслительного и речевого процесса. Вот почему в этом возрасте у ребят важно развивать умение воспринимать содержание и элементы художественной выразительности литературного произведения.

В.В. Гербовой в художественно-эстетическом развитии дошкольников выделены особенности двух возрастных периодов восприятия литературы: от 2 до 5 лет – малыш еще неотчетливо отделяет жизнь от искусства, после 5 лет – искусство становится для ребенка самоценным [1, с. 2].

Рассмотрим особенности восприятия художественных произведений различных жанров у детей разных возрастных групп.

Для детей младшего дошкольного возраста характерны следующие:

- зависимость понимания текста от личного опыта ребенка;
- возможность установления последовательности событий;
- в центре внимания персонаж, а не его эмоции и мотивы поступков;
- тяга к ритмическому складу речи.

В младшей группе необходимо учить детей слушать сказки, рассказы, стихи, следить за развитием сюжета, сочувствовать положительным героям. Произведения, в которых есть четкий ритм, мелодичность особенно привлекают детей этого возраста. Им рекомендуются рассказы и стихотворения А.Л. Барто «Игрушки», З.Н. Александровой «Мой Мишка».

Народные сказки, песенки, потешки, загадки дают образцы ритмической речи, знакомят с красочностью и образностью родного языка. Ребенок хорошо запоминает образы «петушка-золотого гребешка», «козлятушек-ребятушек», «козы-дерезы», «лисички-сестрички» и др.

В средней группе, по словам К.И. Чуковского, «дети уже воспринимают не только содержание произведения, но и подтекст и некоторые особенности литературного языка» (эпитеты и сравнения). После прочтения воспитателем художественного произведения дошкольники отвечают на вопросы, анализируют, приходят к правильным выводам.

В старшей группе дети начинают осознавать события, не относящиеся к их личному опыту, глубже понимают содержание и подтекст произведений, различают их жанры и специфические особенности литературного языка.

При анализе сказки ребенком осознаются устойчивые обороты, ритм, рифма. Он старается понять и почувствовать глубокое идейное содержание сказки, ее художественные достоинства.

При ознакомлении с поэзией нужно помочь детям почувствовать ее красоту и напевность, глубже осознать содержание и настроение произведения.

Знакомя детей с рассказами, воспитатель обращает внимание на то, какими словами и средствами литературной выразительности автор раскрывает описание явлений природы и взаимоотношений между героями, их поступками.

В исследованиях Л.М. Гурович, отмечается, что «ребенок 4-5 лет начинает понимать смысл воспринятого текста. В 6-7 лет этот механизм понимания содержания связного текста, уже считается вполне сформированным».

В подготовительной группе педагогу необходимо развивать у детей:

- любовь к книге, к художественной литературе;
- способность чувствовать и понимать образный язык сказок, рассказов, стихотворений;
- поэтический слух и интонационную выразительность речи.

Старшие дошкольники уже могут дать собственную оценку персонажу под влиянием воспитания норм поведения человека в обществе, точнее понимать реалистические рассказы, сказки, перевертыши, небылицы помогают ребенку — эмпатия, умение следить за развитием сюжета и сопоставлять сюжет произведения с жизненными событиями.

Восприятие таких жанров, как басни, пословицы, загадки затруднено. Это подразумевает помощь взрослого, поскольку отвлеченное мышление ребенка еще недостаточно развито.

Таким образом, чтобы привить детям любовь к художественному слову, уважение и любовь к книге, необходимо обратить их внимание на содержание и выразительные средства языка сказки, рассказа, стихотворения и др.

Кроме особенностей восприятия и понимания литературных произведений разных жанров существенное значение имеет определение цели и задач литературного образования в детском саду.

Словами С.Я. Маршака цель ознакомления дошкольников с художественной литературой можно определить, как формирование будущего большого «талантливого читателя», культурно образованного человека.

К задачам и содержанию ознакомления детей с книгами относятся:

- воспитание интереса к художественной литературе;
- развитие способности к целостному восприятию и усвоению произведений разных жанров и эмоциональной отзывчивости на них;
- формирование представлений об особенностях художественной литературы;
- воспитание литературного вкуса, способности понимать и чувствовать настроение произведения;
- развитие поэтического слуха, музыкальности, звучности, ритмичности, красоты и поэтичности рассказов, сказок, стихов;
- формирование способности анализировать произведение.

Задачей детского сада, по словам Л.М. Гурович, является «подготовка детей к долгосрочному литературному образованию, которое начинается в школе» [2, с. 20].

К выпуску из детского сада ребенок должен уметь: определять основных героев, анализировать поступки героев и выражать свое отношение к ним, определять жанр (стихотворение, рассказ, сказка), улавливать примеры образности языка (определения, сравнения).

Детский сад формирует обширный литературный багаж, знакомит ребенка с разными литературными жанрами (сказка, загадка, пословица, небылица и др.) и произведениями авторов русской и зарубежной классики (А.С. Пушкина, К.Д. Ушинского, братьев Гримм, Ш. Перро и др.).

Проблема отбора книг, рассказывания и исполнительской деятельности раскрывается в работах О.И. Соловьевой, В.М. Федяевской, Н.С. Карпинской, Л.М. Гурович и других. Ими же разработано несколько критериев [2, с. 50]:

- идейная направленность детской книги, моральный облик героя способствует воспитанию любви к родине, к людям, к природе;

- высокое художественное мастерство, литературная ценность развивают художественно-эстетический вкус, прививают эталон родного языка;

- доступность произведения, соответствие индивидуально-возрастным особенностям детей способствуют развитию внимания, памяти, мышления, формируют круг интересов детей, их жизненный опыт;

- сюжетная занимательность, простота и ясность композиции;

- конкретные педагогические задачи.

Критерии отбора позволяют определить круг детского чтения и рассказывания. В него входят произведения: русского народного творчества и творчества народов мира (загадки, пословицы, поговорки, песенки, потешки, небылицы, лирические и шуточные стихи, сказки русской и зарубежной классической и современной литературы (поэмы, рассказы, повести и др.).

Таким образом, требования современной жизни нацеливают воспитателя следить за изменениями круга интересов детского чтения, дополняя его новыми произведениями в соответствии с данными критериями и творческим подходом к выбору книг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гербова В.В. Приобщение детей к художественной литературе: программа и методические рекомендации для занятий с детьми 2-7 лет / В. В. Гербова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мозаика-Синтез, 2006. – 79 с.

2. Гурович Л.М. Ребенок и книга: пособие для воспитателей детского сада / Л.М. Гурович и др.; Под ред. В.И. Логиновой. – СПб: Детство-ПРЕСС, 2000. – 64 с.

3. Запорожец А.В. Психология восприятия сказки ребенком-дошкольником / А.В. Запорожец // Психология дошкольника: Хрестоматия. – М.: 2000. – С.129-137.

4. Райц А.Г. Русские классики о детской литературе / А.Г. Райц // Сказочное Обозрение, Союз писателей. – 2015. – № 2. – С. 8-9.

Поступила в редакцию 28.07.2017 г.

PECULIARITIES OF PRESCHOOLERS' PERCEPTION AND UNDERSTANDING OF LITERARY WORKS OF DIFFERENT GENRES

Ye.A. Milushkina

The importance of exposing children to reading and the role of the educator in the process are touched upon in the article. The author reveals distinctive characteristics of artistic and aesthetic perception of preschool children's understanding of works of different literary genres. He tackles the problem of the formation of an emotional attitude to the characters experiences and deeds, as well as the ability to understand their motivation as compared to their own experience. The conclusion is made that the suggested approach enables to educate children emotionally, promote a sense of patriotism and goodwill towards people.

Key words: literature for children, literary works, literary genres, artistic-aesthetic perception.

Милушкина Екатерина Александровна
Магистр специального (дефектологического) образования
ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», РФ
e-mail: emilushkina93@gmail.com

Milushkina Yekaterina Aleksandrovna
Master of special (defectology) education
Shadrinsk State Pedagogical University
e-mail: emilushkina93@gmail.com

УДК 81' 24:316. 774 (1-87)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ И ФАКТОРЫ УСПЕШНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

© 2017. *Н.А. Новоградская-Морская*

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики», г. Донецк

Статья посвящена анализу процесса восприятия и понимания иноязычной информации из различных источников в сопровождении видеоряда. В статье определяются и рассматриваются факторы, обеспечивающие успешность восприятия студентами экономических специальностей профессионально значимой информации.

Ключевые слова: процесс восприятия, иноязычная профессионально значимая информация, факторы успешности, понимание.

Введение. Восприятие и понимание речевого сообщения представляет собой неоднородный многоплановый процесс, который был исследован В.А. Артемовым, Б.Г. Беляевым, М.И. Жинкиным, З.И. Клычниковой, В.И. Ильиной, Н.И. Гез, Р.К. Миньяр-Белоручевым, И.О. Зимнею, Е.И. Есениной, Л.Ю. Кулиш, О.Б. Тарнапольским, А.Н. Соколовым, В.П. Зинченко, А.В. Запорожцем и многими другими учеными. Сложность этого психологического процесса обуславливается тем, что с одной стороны, это явление связано с чувственным познанием, а с другой стороны, оно сопровождается осмыслением, т.е. раскрытием и установлением связей и отношений, опосредованных словами. Это совокупность тех психо-физиологических процессов, результатом которых является наглядное осознание определенного объекта. Иноязычное профессионально-ориентированное аудирование требует включения умений понимать и интерпретировать тексты устноязычной коммуникации в звукозаписи, поскольку вне текстовой деятельности немислимы языковые контакты, невозможен обмен ценностными ориентирами и нормами. Поэтому, задачи обучения аудированию в плане конкретизации дидактических целей должны исходить из вопроса формирования у обучаемых умений восприятия устного текста в видео и звукозаписи с позиции его профессиональной ценности [7, с.182].

Восприятие речи на слух является перцептивной, умственно-мнемической деятельностью, которая осуществляется в результате выполнения целого ряда сложных логических операций, таких, например, как анализ, синтез, дедукция, индукция, сравнение, абстракция, конкретизация и проч. Целью статьи является анализ психологических механизмов аудирования профессионально значимой информации и определение факторов успешности процесса восприятия и понимания этой информации студентами неязыковых вузов.

Основная часть. Характеризуя сущность восприятия (слухового и зрительного), необходимо различать два понятия: 1) восприятие как процесс выделения информативных разных признаков (т. е. формирование образов) и 2) восприятие как узнавание сформированного образа в результате сравнения его с эталоном. Анализируя особенности восприятия и понимания, психологи указывают, что в большинстве случаев оно не имеет характер развернутого сознательного действия, а если такое

действие возможно, то оно наблюдается лишь на стадии начального формирования образов. Восприятие аудиоинформации происходит на сенсорном и перцептивном уровнях. Сенсорный уровень – это кодирование внешних воздействий в коде нервных связей. При этом происходит аналитическая обработка акустического образа и переход с акустического кода на код нервных импульсов. Сенсорный уровень также характеризуется выделением и удержанием в памяти знаков на время, необходимое для принятия решения, касающихся смысла фразы.

В процессе ознакомления с материалом узнавание осуществляется мгновенно с помощью самых необходимых информативных признаков. Если этих признаков недостаточно, а опознавание не состоялось или оказалось ошибочным, то восприятие слова набирает более развернутую форму и превращается в сознательную перцептивную деятельность, включающую ряд последовательных действий.

М.И. Жинкин подчеркивал, что восприятие и его результат связан с “перекодированием” сообщения. Восприятие на слух проходит процесс обработки простыми сигналами или образами, которые при восстановлении текста декодируются в эквиваленты языка [3, с. 122]. В связи с этим необходимо упомянуть Д. Гартли, который исходил из материалистического представления о том, что внешнее воздействие вызывает действие нервной ткани, в которой возникают большие и малые вибрации, которые создают “орган”, являющийся посредником дальнейших реакций на новые внешние влияния. Благодаря этому организм становится обучающей системой [2, с. 124].

В результате восприятия и осознания речевого сообщения происходит понимание информации. Понимание рассматривается как “положительный результат процесса осмысления в акте речевого восприятия” [4, с. 5], как высший уровень приёма и переработки вербального сообщения. На наш взгляд, понимание – это активная, отражающая и интерпретирующая мир деятельность. Понимание речи не ограничивается только умственной деятельностью. Оно обусловлено всем предшествующим опытом человека, его знаниями, культурой и воспитанием. Чтобы перейти к пониманию смысла сообщения, человек должен иметь представление об его предмете или теме, выяснить основную мысль и спрогнозировать сообщение. Мы вкладываем в понимание и часть своего внутреннего мира, того языкового опыта, что был накоплен в процессе осознания новых понятий реального мира.

Восприятие, в результате которого происходит формирование и узнаваемости образов, носит фазовый характер, и хотя у отдельных авторов имеются расхождения в наименовании и в определении последовательности этих фаз, во всех работах подчёркивается тесная взаимосвязь этих процессов. Членение потока речи при декодировании иноязычного аудиотекста происходит путём восприятия и понимания отдельных слов и словосочетаний, затем структуры целого предложения (поверхностно-синтаксической структуры и глубинно-синтаксической структуры), что ведёт к пониманию общего содержания, и только после этого происходит понимание целого сообщения.

Итак, основой аудирования является его аналитико-синтетическая часть, что представлена полнее, чем в говорении. Однако эти этапы не осознаются и представлены мгновенным процессом, что заканчивается пониманием содержания высказывания. Более конкретно про эти этапы будет сказано ниже.

Л.Е. Выготский, А.Г. Лурия, А.А. Леонтьев, И.А. Зимняя, Т.В. Рябова и другие выделили побудительно-мотивационную, аналитико-синтетическую и исполнительную фазы на перцептивном уровне восприятия информации, когда происходит переход

закодированной в нервной системе информации в предметные образы. Рассмотрим их подробнее (рис.1).

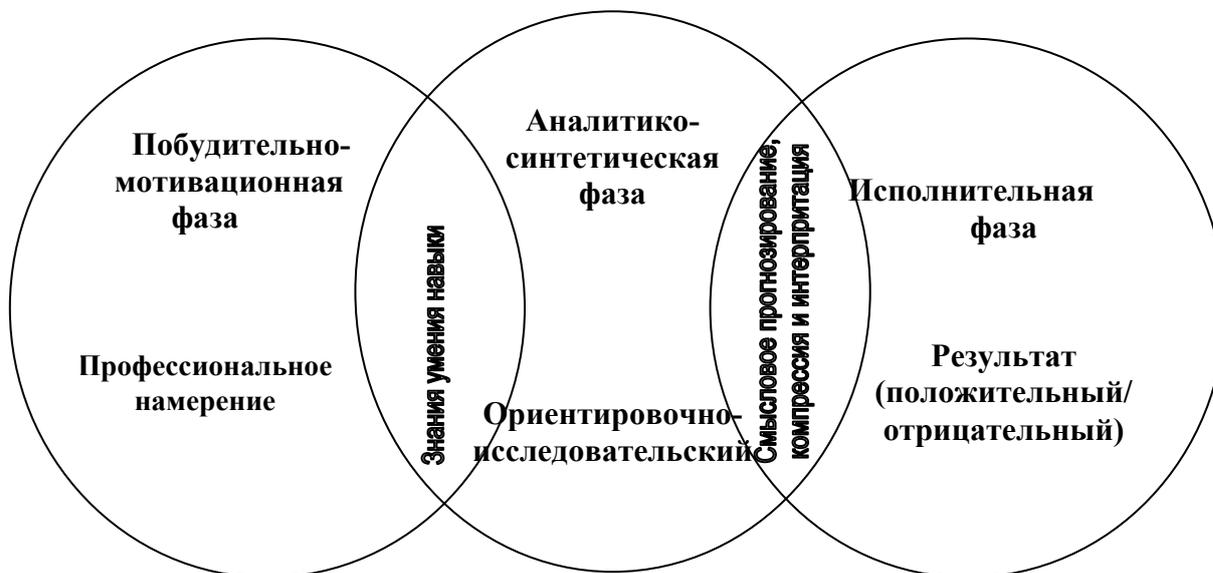

Рис. 1 Фазовая система восприятия информации

Первая фаза фазовой системы восприятия информации определяется мощной системой возникающих у человека внешних стимулов и внутренних мотивов, которые образуются у слушателей к восприятию информации. Существует необходимость учитывать способности студентов, их интересы, а также мотивы обучения. Психологами давно определена прямая связь между успешностью учебной деятельности и мотивированностью.

Так, Н.М. Симонова обосновывает необходимость создания динамической системы управления различными типами мотивации на всех этапах обучения в вузе. Была установлена связь между успешностью учебной деятельности и мотивированностью учебной ориентации студента. Для студентов 1-3 курсов обучения выявлена высокая зависимость от успешности учебной деятельности и мотивационной ориентацией на процесс и результат деятельности. Исследования в этой области свидетельствуют, что уровень интересов студентов имеет тесную взаимосвязь с уровнем владения иностранным языком (ИЯ). Такая же зависимость установлена между мотивационной ориентацией и уровнем сформированности иноязычных навыков и развития умений. Для студентов побудительно-мотивационная фаза может стимулироваться профессиональным намерением [8].

Что касается эмоциональной стороны восприятия иноязычного вещания, то необходимо обратить внимание на явление асимметричной деятельности больших полушарий головного мозга человека: левой, которая является центром осуществления логических, математических и умственных действий, к которым относится и речь, и правой, где активизируются эмоции, представления и прочее. Эмоциональное возбуждение обеспечивает деятельность важных центров, тонизирует кору больших полушарий головного мозга человека и повышает её функциональную производительность [1, с. 10]. Однако, как мы уже отмечали ранее, речевая деятельность студентов в состоянии эмоционального напряжения теряет гибкость, пластичность и адаптивность. Установлено, что процент адекватно воспринятых на

слух слов и фраз в состоянии эмоционального напряжения снижается в сравнении с обычным состоянием. Это связано с чрезмерным нарушением системы гипоталамуса, несовместимого с дифференцированным действием коры, необходимой для внимания и высших психических процессов. Поэтому, отбирая материалы для просмотра и слушания, необходимо придерживаться “золотой середины”.

Вторая фаза динамической системы аудирования, как и других видов речевой деятельности, определяется ориентировочно-исследовательским процессом и является аналитико-синтетической частью. Она включает операции отбора элементов сообщения, установление понятийной соответствия между ними. В процессе восприятия учитывается необходимость целостного впечатления или образа, что, в соответствии с уровнем знаний языка, будет уточняться в процессе восприятия. Эта фаза направлена на исследование условий деятельности, выделение предмета деятельности, раскрытие его свойств. Здесь “реализуется отбор средств и способов формирования и формулировка чужой (заданной извне) мысли” [4, с. 47]. При аналитико-синтетической обработке сообщения происходит смысловое прогнозирование, анализ, компрессия и интерпретация. Как психологический механизм, посредством которого реализуется эта деятельность, выступает единство потребностей, эмоций, мышления, памяти, восприятия, внимания. Для студентов, будущих экономистов, которые сориентированы в своей учебной деятельности на вопросы ценообразования и продажи товаров на рынке, необходимой является информация о выходе новых товаров с описанием их функций, потенциальных потребителей, основных конкурентов.

Если вторая фаза аудирования направлена на выделение предмета деятельности, раскрытие его свойств, привлечение орудий деятельности, то третья фаза связана с осмыслением и является фазой реализации или исполнительной фазой. Осмысление имеет результативную сторону, которая может быть положительной и отрицательной. Положительный результат процесса осмысления во время речевого восприятия является пониманием, тогда как отрицательный результат этого процесса выражается в непонимании.

Роль психологических связей в обучении иностранного языка свидетельствует, что нам нужно опираться не только на слуховые ощущения, но и на другие факторы, сопровождающие речь и её восприятие. Нам стоит учитывать то, что языковой синтез осуществляется также за счёт зрительного анализатора. Воспринимая речь, слушатель преобразует с помощью речевого и моторного анализаторов звуковые образы в артикуляционные. Между слуховыми, речевым и моторным анализаторами устанавливается функциональная связь. Что касается зрительного анализатора, то известно, что оптические сигналы преобладают над другими в получении информации о внешнем мире.

Описывая психологические процессы восприятия речи на слух правомерно вспомнить о таком жизненно важном физиологическом процессе, как зрение. Зрение может быть определено как восприятие человеком величины, формы и цвета предметов, их взаимного расположения и расстояния между ними, дающее возможность ориентироваться в окружающем мире. При аудировании зрительный анализатор значительно облегчает восприятие и понимание речи на слух. Такие визуальные опоры как жесты, мимика ведущего, видеокadres с логотипом компании, витринами магазинов, показом одежды и т. п. подкрепляют слуховые ощущения, облегчают внутреннее говорение и выяснение содержания воспринятой информации.

Самое важное в естественной коммуникации – это возможность обратной связи. Как известно, в аудировании обратная связь осуществляется по внутренним каналам

смысловых решений, механизм которых недостаточно ясен. Если в процессе чтения эффект обратной связи более-менее видимый в процессе движения глаз и в паузах фиксации текста, то при аудировании, к сожалению, этот процесс вообще не наблюдается и, практически, не контролируется. Это вызывает необходимость тщательной подготовки упражнений перед слушанием видеозаписей, которые относятся к техническому типу коммуникации, что имеет специфику – отсутствие обратной связи, то есть живого контакта. Преподаватель, используя видеозаписи в процессе обучения профессионально ориентированного аудирования, частично осуществляет обратную связь, создавая возможность для студентов активно реагировать на показанные события.

Основываясь на вышеизложенной информации, мы можем утверждать, что аудирование видеофономатериалов – сложный структурный процесс, внешне не выраженный, но, однако, активный, направленный на определение, различение и смысловое восприятие заданной информации. Аудирование профессионально значимой информации сочетает перцептивную и умственную деятельности.

Итак, факторы успешности обучения профессионально ориентированному аудированию с использованием видео включают: индивидуально-психологический фактор: предварительное ознакомление с необходимыми для понимания лексическими единицами и синтаксическими моделями и их акустическими образами; подготовленность артикуляционного аппарата к восприятию телевизионного или иного вещания с поддержкой видеоряда; антиципация содержания с помощью установки, основанной на оперативной памяти; подготовленность к восприятию ритма и темпа вещания при одновременной демонстрации видеоряда; психолингвистический фактор – визуальные опоры: органы речи, жесты, мимика, кинемы, тембр голоса, подкрепляют слуховые ощущения; экстралингвистический фактор – психологические эффекты, который может создать телевидение или видеофонограмма: музыка, световые решения, внешность ведущих или участников сюжета и др.; профессионально значимый фактор – кадры событий, которые имеют отношение к экономике, маркетингу и бизнесу и стимулируют познавательную деятельность студентов.

Заключение. Итак, для того, чтобы студенты успешно воспринимали профессионально значимую информацию, понимали и интерпретировали полученные данные, преподаватель должен учитывать психологические механизмы аудирования, максимально использовать преимущества видеофонограмм над другими техническими средствами при обучении ИЯ, создавая профессионально направленные коммуникативные ситуации. Это будет способствовать ускорению процесса усвоения нового языкового и речевого материала, активизации познавательной деятельности и стимулированию речевой активности студентов, что поможет сформировать навыки и развить умения аудирования профессионально значимой информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бичкова Н. І. Основи використання відеофонограми та фонограми для навчання іноземних мов : [монографія] / Наталія Іванівна Бичкова. — К. : ВППОЛ, 1999. — Ч. 1. — 107 с.
2. Гез Н. И. О факторах, определяющих успешность аудирования иностранной речи / Н. И. Гез // Иностранные языки в школе. — 1977. — № 5. — С. 32—42.
3. Жинкин Н. И. Механизмы речи / Н. И. Жинкин. — М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. — С. 132.
4. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке в школе / Ирина Алексеевна Зимняя. — М. : Просвещение, 1985. — 160 с.
5. Зимняя И. А. Педагогическая психология : [учебник для вузов] / Ирина Алексеевна Зимняя. — [2-е изд., доп., испр. и перераб.]. — М. : Логос, 2000. — 384 с.

6. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : // genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

7. Новоградская-Морская Н. А. Психологические особенности аудирования и их учет в обучении профессионально направленной устной речи / Н. А. Новоградська-Морська // Теоретичні питання культури, освіти та виховання : [зб. наук. праць]. – К. : Вид. центр КНЛУ – НМАУ, 2002. — №23. — С. 182—188.

8. Симонова Н. М. Экспериментальное исследование структуры мотивации при усвоении иностранного языка в вузе : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Симонова Нина Михайловна. — М., 1982. — 172 с.

Поступила в редакцию 28.08.2017 г.

PSYCHOLOGICAL MECHANISMS AND FACTORS OF SUCCESSFUL LISTENING COMPREHENSION OF FOREIGN PROFESSIONALLY RELEVANT INFORMATION

N.A. Novogradskaya-Morskaya

The article deals with the analysis of listening comprehension process of foreign language information from different sources, accompanied by video. The factors ensuring the success of students majoring Economy in listening comprehension of professionally relevant information.

Key words: the process of listening comprehension, foreign language, professionally relevant information, factors, understanding.

Новоградская-Морская Нинель Антоновна,
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры
иностраных языков
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики», г. Донецк.
e-mail: nnovogradskaya@mail.ru

Novogradskaya-Morskaya Ninel Antonovna
Candidate of Pedagogy, Associate Professor

Donetsk Academy of Management and Public
Administration under the aegis of the Head of
Donetsk People's Republic"
e-mail: nnovogradskaya@mail.ru

УДК 372.8: 73/70

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2017. *Н.Н. Самохина*

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В работе исследованы особенности творческой самореализации детей 6–10 лет, определена значимость творчества, как условия для полноценной духовной жизни ребёнка, конкретизирована роль дополнительного музыкального образования в процессе творческого развития и саморазвития подрастающего человека. В статье акцентировано внимание на том, что усвоение учащимися специальных и общеразвивающих музыкальных знаний (в рамках дополнительного музыкального образования), развитие исполнительских умений и навыков активизирует процессы самопознания личностных переживаний детей, способствует осознанию собственных впечатлений, ощущений уникальности и неповторимости в общении с миром искусства. Дополнительное музыкальное образование – эффективная зона творческого развития ребёнка, позволяющая на каждом этапе его личностного роста создавать собственную образовательную продукцию.

Ключевые слова: творчество, самореализация, дополнительное музыкальное образование, младший школьный возраст, обучение, развитие, саморазвитие, личность.

Современное отечественное образование переживает период глобальных трансформаций, обусловленных новыми тенденциями в развитии общества. Нынешняя стратегия образовательной системы заключается в предоставлении обучающимся возможности реализовать свой творческий потенциал, начиная с младшего школьного возраста. Особенно эффективна творческая самореализация младшего школьника в учреждениях дополнительного музыкального образования, ориентированных на музыкально-творческое развитие детей.

Проблема творческой самореализации подрастающего поколения является предметом научного исследования многих исследователей. Философско-методологические основы самореализации рассмотрены в работах К. А. Абульхановой-Славской, Н. А. Батищева, Л. П. Буевой, Л. Н. Когана, В. И. Муляра, М. Н. Недашковской, Л. В. Сохань и др. Психологический аспект проблемы содержится в трудах Б. Г. Ананьева, Л. И. Анциферовой, А. Г. Асмолова, Н. И. Бюлер, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Маслоу, В. С. Мерлина, Г. Олпорта, А. В. Петровского и др. В отечественной педагогической науке вопросы самореализации младших школьников рассматривались в диссертационных исследованиях С. С. Гиля, В. В. Коврова, К. Н. Петренко и др.

Так, акцентируя значимость самореализации в жизни человека, В. В. Демиденко отмечает, что самореализация является собой осознанное воплощение человеком своих творческих возможностей в жизни [1]. По мнению О. С. Газмана, самореализация является собой раскрытие человеческой природы. Как один из основных структурных компонентов саморазвития она предполагает постановку цели, овладение способами их достижения и реализации задуманного [2]. По определению Н. А. Лазарева, «самореализация – сознательный исполнительно–результативный процесс саморазвития с внутренними и внешними продуктами этого процесса» [3, с. 126].

Несмотря на то, что проблема творческой самореализации младших школьников в дополнительном музыкальном образовании находится в поле зрения педагогов, психологов, тема сохраняет свою злободневность. В современной педагогической науке не существует единого, чётко отработанного механизма творческой самореализации младших школьников, недостаточно изучены глубинные особенности данного процесса. Исследование проблемы обычно ограничивается либо теоретическим анализом некоторых аспектов творческой самореализации младших школьников, либо рассмотрением отдельных моментов исследуемого процесса. В связи с этим тема публикации является актуальной. Цель публикации – исследовав сущность феномена самореализации личности, выявить особенности творческой самореализации младших школьников в системе дополнительного музыкального образования.

Одним из существенных факторов успешной творческой самореализации младшего школьника является обеспечение его всестороннего вхождения в творческую жизнь. В связи с этим, возрастает значимость дополнительного образования, ориентированного на творческое развитие и саморазвитие личности. Следует отметить, что именно во внешкольной деятельности активизируется процесс творческого самовыражения ребёнка, максимально раскрываются задатки и способности обучающегося, удовлетворяются осознанные и неосознанные креативные устремления детей.

Творчество, как человеческая деятельность по осуществлению качественно нового, отличающегося неповторимостью, оригинальностью, уникальностью, имеет особое значение в жизни ребёнка. В модусе творчества ребёнок наиболее интегрирован и целен, способен обращаться к своим бессознательным и первичным процессам, он более спонтанен и экспрессивен. Акцентируем внимание на том, что всё творчески усвоенное детьми становится их прочным достоянием на протяжении всей последующей жизни. Процесс познания в атмосфере творчества приобретает развивающий характер, жизнь ребёнка обогащается новыми чувствами и эмоциями. По мере творческого развития происходят определённые качественные изменения психики: перестройка психических функций, приобретающих особую окраску, переход от простейших творческих проявлений к более сложным, становление качеств, присущих творческой личности (инициативности, творческой активности, целенаправленного произвольного внимания, творческих способностей).

Творчество, оказывающее влияние на человека на протяжении всей его жизни, особенно значимо в период детства (дошкольный возраст). В возрасте 6 – 10 лет ребёнок отличается особой изобретательностью, фантазией, развитым воображением, ему свойственна природная активность, вера в свои творческие возможности. Именно на данном жизненном этапе ребёнок свободен от защитных реакций и ориентирован на естественное, природное творческое самоосуществление. Как свидетельствуют исследователи, дети младшего школьного возраста активно реализуют собственные возможности, выступают авторами новых идей, склонны к нетрадиционному мышлению и спонтанному самовыражению. Не случайно, великий немецкий педагог Ф. Фребель, определял детские творческие самостоятельные проявления краеугольным камнем педагогики, а главный её корень видел в развитии «инстинкта творческой активности» [4].

Творчество для ребёнка 6–10 лет – необходимое условие для полноценной одухотворённой жизни. Обучение через творчество непосредственным образом способствует проявлению универсальной креативности, которая есть в каждом ребёнке и развитие которой становится всё более очевидной задачей современного образования.

Эффективность творческой самореализации детей младшего школьного возраста в системе дополнительного образования обусловлена спецификой данной системы, а также возможностями, которые предоставляет дополнительное образование подрастающему человеку. Конкретизируем данные возможности:

- возможности непринуждённого, неформального самовыражения;
- приоритет внутренних мотивов в процессе использования разнообразных форм и средств деятельности;
- альтернативность общения (как со сверстниками, так и с педагогами, руководителями кружков и секций);
- дифференцированность по интересам и увлечениям;
- уникальные возможности интеллектуального и творческого развития личности.

Достаточно важным является тот факт, что организация деятельности детей в учреждениях дополнительного образования весьма разнообразна. Вся внешкольная воспитательная работа направлена на развитие личности, её инициативы с учётом потребностей и способностей. В результате подобной организации деятельности детей во внешкольных учреждениях активизируется творческая заинтересованность обучающихся, стремления к нестандартности и оригинальности являются их свободным выбором.

Несмотря на то, что внешкольные учреждения являются составной государственно-общественного образования и воспитания ребёнка, они имеют определённую автономию и составляют самостоятельную систему воспитания, обучения и образования младших школьников в свободное время. Структурными составляющими системы дополнительного музыкального образования выступают Детские музыкальные школы (ДМШ), Детские школы искусств (ДШИ), Детские хоровые школы и студии, Детские этнографические музыкальные центры и др. Если ДМШ ориентированы на более узкое, профессионально-ориентированное музыкальное образование, то ДШИ, а также другие внешкольные детские творческие организации нацелены на полифункциональное художественно-эстетическое развитие детей. В первом случае обучение призвано обеспечить удовлетворение интересов учащихся, обладающих определёнными задатками и способностями; во втором случае – обучение удовлетворяет потребности широкого круга обучающихся. Однако, несмотря на различные задачи, которые ставят перед собой организации дополнительного музыкального образования, их деятельность объединена общей целью – гармоничное развитие личности и творческая самореализация подрастающего человека.

Усвоение учащимися специальных и общеразвивающих музыкальных знаний, развитие исполнительских умений и навыков активизирует процессы самопознания личностных переживаний детей, способствует осознанию собственных впечатлений, ощущений уникальности и неповторимости в общении с миром искусства. Акцентируем внимание на том, что подобные принципы музыкального обучения открывают широкие перспективы развития способности учащихся к творческой самореализации – максимальному воплощению собственных возможностей, способностей, творческого потенциала в жизнедеятельности. Сольное пение, инструментальное исполнительство, коллективное музицирование являются собой эффективные средства в выявлении собственной идентичности; демонстрируют уникальный путь к открытию собственного «Я» ребёнка.

Следует отметить, что для детей младшего школьного возраста специфика дополнительного музыкального образования является достаточно привлекательной.

Образность мышления, отсутствие стереотипов, эмоциональность, эстетическое отношение к действительности – все эти качества активизируют процесс творческой самореализации детей 6–10 лет. Недостаточность жизненного опыта и знаний компенсируется фантазией. Следует отметить, что после шести лет у детей активизируется процесс развития музыкальных способностей (ладовое чувство (способность эмоционально отзываться на музыку); слуховое восприятие (слуховой компонент музыки); музыкально-ритмическое чувство (способность переживать музыку с помощью движений). Именно в данный возрастной период дети неосознанно стремятся к творческому самоосуществлению и самореализации [5].

В рамках системы дополнительного музыкального образования возможно как обучение музыке, так и обучение посредством музыки. Процесс обучения музыке предполагает знакомство с новой информацией, знаниями из области музыковедения и искусствознания, формирование и развитие навыков инструментального, вокального исполнительства, коллективного музицирования. Обучение посредством музыки способствует эстетическому, нравственному воспитанию ребёнка. Музыка, как один из самых эмоциональных видов искусства, в значительной мере влияет также на сферу чувств подрастающего человека. На это неоднократно указывали современные отечественные и зарубежные учёные. Преобладающие в обществе представления о музыке, как о высоком духовном опыте, который открывается в процессах, имеющих свойство мистического, трансцендентного познания, заслоняет те функции музыки, которые реально актуализируют детство. Именно гедонистическая, прагматическая (организация игры), коммуникативная функция музыки способствуют развитию психологически здорового ребёнка, способного к естественной трансляции своих чувств и эмоций. Благодаря насыщенности эмоционального содержания музыка предстаёт в учебном процессе источником раскрытия целостной и гармоничной картины мира, полной сенсорных ощущений, с полноценным отражением явлений культуры, духовного опыта многих поколений.

Творчески организованные занятия музыкой в учреждениях дополнительного образования способствуют решению проблемы гармонизации младшего школьника, инициируют раскрепощение глубинных слоёв его внутреннего «Я», создают условия для высвобождения первичной креативности, спонтанных импровизационных проявлений. Музыкально-творческая деятельность способствует активному формированию области эстетических потребностей, глубине и прочности усвоения знаний, качества формируемых умений и навыков, стимулирует развитие индивидуальных способностей. Постоянное обращение к музыкальному творчеству, в рамках дополнительного музыкального образования, способствует формированию музыкально-творческой активности, выражающейся в активном слушании музыки, музыкальной рефлексии, сочинении собственной музыки. Это, в свою очередь, помогает ребёнку глубже воспринимать музыку, сознательнее усваивать средства музыкальной выразительности и особенности музыкального языка, более глубоко понимать музыкальное произведение. В связи с тем, что в музыкальном творчестве ведущую роль играет синтез эмоциональной отзывчивости с мышлением, абстрактного и конкретного, логики и интуиции, процесс творческой самореализации младших школьников в системе дополнительного музыкального образования конкретизируется следующими задачами:

- научить ребёнка эффективно и экологично использовать собственные возможности;
- способствовать развитию фантазии и творческого воображения;

• активизировать развитие навыков выражения чувства посредством музыкального звука;

• совершенствовать музыкально-слуховые способности;

• развивать способности к концентрации внимания;

• тренировать нервно-психические процессы;

• развивать общую музыкальность;

• способствовать развитию личностных качеств обучаемого (способность экспериментировать, импровизировать, наблюдать и выдерживать собственные чувства, знать возможности организма и др.).

Результатом творческой самореализации детей младшего школьного возраста в системе дополнительного музыкального образования, является формирование и развитие у обучающихся таких психических новообразований, как: самостоятельная творческая активность, творческое воображение; способность быстро принимать решения; умение сознательно и полезно использовать своё свободное время с целью гармоничного саморазвития; повышение личностного статуса ребёнка во внешкольном коллективе; активизация творческого мышления; раскрытие способностей ребёнка. Творчество ребят связано с самостоятельными действиями, с умением оперировать известными им музыкально-слуховыми представлениями, знаниями, навыками, применять их в новых условиях, разных видах музыкальной деятельности. Именно занятия музыкой, будучи необязательными, естественно «достраивают» незаполненные промежутки социального становления личности подрастающего человека, инициируют развитие его нравственности и духовности.

Таким образом, творческие способности младших школьников мы рассматриваем как совокупность свойств и качеств личности, которые позволяют осуществлять творческий поиск, используя при этом нестандартные средства, догадку, решать интеллектуальные проблемы с установкой на открытие нового, неизвестного для себя. К тому же, способности к творчеству – универсальная способность личности. Универсальность её заключается в том, что сложившиеся её компоненты в любом виде творчества, например, художественном, игровом и т.д., могут проявляться и приобретать своё дальнейшее развитие в других видах творческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демиденко В. В. Самореалізація : сутність, становлення, розвиток / В. В. Демиденко // Педагогіка і психологія. – 2004. – № 2. – С. 32–37.

2. Газман О. С. Педагогика свободы : путь в гуманистическую цивилизацию XXI века / О. С. Газман // Клас. руководитель. – 2000. – № 3. – С. 6–33.

3. Педагогічна творчість : методологія, теорія, технології : монографія / за ред. С. О. Сисоєвої, Н. В. Гузій. – К. : НПУ ім. Н. П. Драгманова, 2005. – 183 с.

4. Личностное развитие: прогностические модели, факторы, вариативность : кол. моногр. / под ред. И. С. Морозовой ; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Томск : Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2008. – 464 с.

5. Дмитриева Л. Г. Творческое развитие школьников на уроке музыки / Л. Г. Дмитриева // Музыкальное воспитание в школе: сб. статей / Сост. О. Апраксина. – М. : Музыка, 1982. – Вып. 15. – С. 98–111.

Поступила в редакцию 05.08.2017 г.

**FEATURES OF JUNIOR STUDENTS' CREATIVE SELF-REALIZATION IN THE SYSTEM
OF ADDITIONAL MUSICAL EDUCATION**

N. N. Samokhina

The article addresses the features of creative self-realization of junior students in the system of additional musical education. The system specificity is explored as well as the significance of creative initiative in the life of children aged from 6 to 10. The possibilities of their creative self-fulfilment in the system of additional musical education are identified. The results of students' creative self-realization are concretized by the activization of their independence, initiative, deliberate motivation to study and also by their interest in the process of comprehension of new pieces of knowledge.

Key words: creation, self-realization, additional musical education, junior student age, teaching, development, self-development, personality.

Самохина Наталья Николаевна

Кандидат педагогических наук, доцент
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
университет имени Тараса Шевченко»
E-mail: samokhina71@mail.ru

Samokhina Natalya Nikolayevna

Candidate of Pedagogy, Associate Professor
Taras Shevchenko Lugansk National University

E-mail: samokhina71@mail.ru

ИСТОРИЯ

УДК 237(44)

ФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ОСНОВЫ ФРАНКО-АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1950-Е ГГ.

© 2017. *О.А. Тягливая*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

В данной статье проанализирован процесс послевоенного сотрудничества и налаживания политических взаимоотношений Франции и США. Произведен анализ предпосылок сложившейся обстановки на международной арене, внутривнутриполитической ситуации во Франции, внешнеполитической стратегии США. Автор концентрирует внимание на таких исторических событиях, как реализация Плана Маршалла и подписание Североатлантического договора, представляющих собой основу законодательной базы отношений Франции и США в рассматриваемый период.

Ключевые слова: План Маршалла, ЕЭС, сотрудничество, франко-американские отношения, НАТО.

Франция, пребывавшая в глубоком экономическом кризисе после тяжелых последствий Второй мировой войны, требовала поддержки извне. Находясь в поисках внешнеполитических ориентиров, страна колебалась от Востока к Западу [1]. В то же время сложившаяся международная обстановка образовала два противоборствующих лагеря – две Сверхдержавы – США и СССР. Целью данной статьи является исследование конкретных шагов налаживания франко-американских взаимоотношений, выстраивание линии сотрудничества в условиях послевоенной обстановки.

Крупный вклад в разработку проблемы франко-американских отношений внесли научные труды Н.Н. Молчанова, И.А. Колоскова, В.Ф. Коломийцева, В.П. Славенова, Ю.А. Матвеевского, В.Г. Шадурского и др., в которых авторы определили место и роль Франции в западноевропейском интеграционном процессе в контексте военно-политических отношений после Второй мировой войны [2]. В. Есин, William Butt, В.А. Манжол, А.О. Сороко-Цюпа отразили внешнеполитическую стратегию Франции в ядерной сфере с учетом специфики отношений с НАТО и США [3]. Однако вопрос формирования основы франко-американских политических отношений, а именно закрепления их на законодательном уровне, не нашёл достаточного отражения ни в отечественной, ни в зарубежной историографии, что и составляет новизну данного исследования.

Ориентацию Франции в сторону Советского Союза, и, как следствие, распространение коммунизма на ее территории, не могли допустить Соединенные Штаты. Для них социализм на европейском пространстве был неприемлем. Так, администрацией Трумена был создан План Маршалла с целью помощи странам Западной Европы в восстановлении своей экономики. Пострадавшие от войны европейские страны присоединились к Плану. В их числе была и Франция. Помощь США была спасительна для страны: американцы снабжали французов как денежными ресурсами, так и материальными. С 1948 по 1958 годы эта помощь в сумме составила 12 млрд. долл. Активно брали кредиты предприятия сферы машиностроения, металлургии и химической промышленности, восстанавливалось сельское хозяйство.

В основном средства использовались для закупки нового и современного оборудования. Вскоре производственный потенциал страны не только достиг довоенного уровня, но и был в значительной степени модернизирован [4].

В экономическом плане у США на территории Франции появились дополнительные возможности: французское сырье теперь было доступно американским монополиям, которые теперь были вправе как приобретать французские предприятия, так и создавать на территории страны дочерние предприятия своих компаний.

В 50-е годы в стране начинается экономический расцвет. Франция немного отставала от ФРГ и Италии, но опередила Великобританию. Помимо реализации Плана Маршалла на экономику Франции также позитивно влияли процессы интеграции, которые в то время начались в Западной Европе. Первым их проявлением стало образование в 1951 году Европейского объединения угля и стали, в состав которого вошли шесть стран: Франция, Италия, ФРГ, Нидерланды, Бельгия, Люксембург. В рамках объединения были отменены таможенные пошлины. В марте 1957 года Франция принимает участие в создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС).

Так, к 1958 году выпуск промышленной продукции вдвое превысил довоенный уровень [5]. Правительство тогда еще Четвертой республики активно внедряло государственный контроль в экономику страны, проводило модернизацию, уделяло внимание фундаментальным и прикладным наукам. Тогда же появились современные отрасли промышленности: газо- и нефтедобывающая, нефтеперерабатывающая, химическая, атомная, электронная. Благодаря стремительному экономическому развитию Франции, влияние коммунизма в этой стране ослабилось.

Вместе с тем французские правящие круги начали опасаться чрезмерного влияния Соединенных Штатов, так как американский капитал стал играть весомую роль в жизни страны и поставил ее в положение финансовой зависимости, подрывая экономический суверенитет. Обостряющим фактором стало участие США в Корейской и Вьетнамской войнах.

Важная и неотъемлемая часть истории франко-американских отношений – это создание и функционирование НАТО. Обе державы стояли у истоков создания организации и всегда являлись наиболее весомыми членами Альянса.

Изначально идею создания организации поддержали большинство стран Европы. Главным мотивом для учреждения организации по военному и политическому сотрудничеству было обеспечение безопасности от «угрозы с Востока» - коммунизма. Франция так же опасалась возрождения Западной Германии и нуждалась в новых гарантиях защиты своих интересов [6]. Учитывая упадок французской экономики после войны, осуществление давней французской мечты – быть абсолютным лидером Европы – стало под угрозой. Возможно, в создании Альянса Франция видела для себя последнюю возможность вернуться в разряд держав-лидеров.

В марте 1948 года Бельгия, Люксембург, Великобритания, Франция и Нидерланды заключают Брюссельский пакт, который стал основой «Западноевропейского союза» (Western European Union). Его, в свою очередь, принято считать началом оформления Североатлантического Альянса. Шли переговоры о создании союза, в основу которого легло бы цивилизационное единство США, Канады и Великобритании. Вскоре предметом переговоров стало создание единого союза стран Европы, Канады и США.

Итогом переговоров стало подписание 4 апреля 1949 года Североатлантического Договора представителями двенадцати стран: Великобритании, Франции, США,

Канады, Бельгии, Дании, Исландии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии и Португалии. Так была создана система коллективной безопасности [7]. Все стороны взяли обязательство коллективно защищать любого участника договора, на которого будет совершено нападение. Статья 5 этого договора гласит: вооруженное нападение на одного из членов Альянса «будет расценено как нападение на всех его членов». Окончательно соглашение вступило в силу после его ратификации 24 августа 1949 года. Английский и французский стали официальными языками НАТО, а Париж был выбран для штаб-квартиры организации.

Со дня своего основания НАТО была ориентирована на противодействие СССР и, впоследствии, странам-участницам Варшавского договора 1955г. [8].

Во второй половине 40-х - первой половине 50-х годов отношения Франции и НАТО были более чем дружественными, а действия первой были скоординированы с другими участниками Альянса, прежде всего с США. Часть французских вооруженных сил оказалась под объединенным командованием НАТО.

Таким образом, необходимо заключить, что США играли значимую роль в послевоенной Европе. Связано это было с тем, что большая часть европейских стран были разорены и ослаблены Второй мировой войной, а Соединенные Штаты – напротив, утвердили свое положение мировой державы. Так, правящие круги США вмешивались в общеевропейскую политику и не стремились считаться с интересами самих европейских стран. Франция, ослабленная немецкой оккупацией, как в экономическом, так и в политическом плане, не стала исключением. План Маршалла и создание Блока НАТО явились тем самым основополагающим пластом, на котором базировались франко-американские отношения после Второй мировой войны. Несмотря на то, что отношения Франции и США находились в постоянной динамике от конфронтации к разрядке, именно законодательная база, оформившаяся в послевоенные годы, представляла собой связующее звено на последующие три нелегких десятилетия голлистского курса Франции, во многом предопределившего дальнейшую судьбу франко-американских политических отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gaddis J. L. The Cold War: a new history/ J. L. Gaddis – P. 70
2. Молчанов Н.Н. Внешняя политика Франции (Пятая республика). – М.: ИМО, 1961. – 120 с.; Колосков И.А. Внешняя политика Пятой республики. Эволюция основных направлений и тенденций 1958–1972 гг. – М.: Наука, 1976. – 302 с.; Коломийцев В.Ф. Де Голль и внешняя политика Франции/ В.Ф. Коломийцев // Вопросы истории. – 1974. – №7. – С. 25; Славенов В.П. Очерки внешней политики Франции (1961-1986 гг.)/ Славенов В.П. – М.: Международные отношения, 1986 г. – 316 с.; Матвеевский Ю.А. Интеграционные процессы в Западной Европе: учеб.пособие / Ю.А. Матвеевский. – М: 2001. – 150 с.; Шадурский В.Г. / Внешняя политика Франции (1945-2002): Учеб. Пособие / В.Г. Шадурский. – Мн.: БГУ. – 2004. – 175 с.
3. Есин В. Ядерная Франция/ В. Есин// Военно-промышленный курьер - №18 – (<http://vpk-news.ru/articles/20345>); BurrWilliam. TheFrenchBomb, withSecretU.S. HelpNationalSecurity/ ArchiveElectronicBriefingBook/ W.BurrNo. 346. - May 26, 2011. – (<http://nsarchive.gwu.edu/nukevault/ebb346/index.htm>); Манжола В.А. Ядерное оружие Франции и вопросы европейской безопасности/ В.А. Манжола. – К. – 1989.; Сороко-Цюпа А.О. Внешняя политика и ядерная стратегия Франции в годы Пятой республики: эволюция и взаимосвязь. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук/ А.О. Сороко-Цюпа. – М. – 1989.
4. Голль Ш. де Мемуары надежд/ Ш. де Голль – М.: Международные отношения. – 2000. – С. 112.
5. Йен Л. История Франции с древнейших времен до наших дней. – М.: Соитология, 2009. – С. 130.
6. Коломийцев В.Ф. Де Голль и внешняя политика Франции/ В.Ф. Коломийцев // Вопросы истории. – 1974. – №7. – С. 25.

7. Райнер Бернд. Американская внешняя политика от Трумэна до наших дней: дебаты о внешнеполитических принципах и стратегии США / Б. Райнер. - М.: Международные отношения – 1986. – 175 с.

8. La base de données de la vie politique française// Politiquemania// интернет-ресурс: <http://www.politiquemania.com/referendums-1961-france.html>

Поступила в редакцию 05.10.2017 г.

FORMATION OF THE LEGISLATIVE FRAMEWORK OF FRANKO-AMERICAN POLITICAL RELATIONS IN THE 1950s.

O. A. Tyaglivaya

This article tackles the process of post-war cooperation and the establishment of political relations between France and the United States. The analysis of the preconditions, the prevailing situation on the international arena, the domestic political situation in France, as well as the US foreign policy strategy has been made. The author concentrates on such historical events as the implementation of the Marshall Plan and the signing of the North Atlantic Treaty, which are the basis of the legislative framework for France relations with the United States in the period in question.

Key words: Marshall Plan, EEC, cooperation, Franco-American relations, NATO.

Тягливая Ольга Александровна

Аспирант

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк

e-mail: olga.leontieva.donnu@gmail.com

Tyaglivaya Olga Alexandrovna

Post-graduate student

Donetsk National University

e-mail: olga.leontieva.donnu@gmail.com

УДК 327.39[(410)+(44)]”197”

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ФРАНЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРОПЕ В 1970-Х ГГ.

© 2017. *Е.Ю. Ширма*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

В статье проанализированы этапы строительства Европейского Сообщества и роль Франции и Великобритании в его институциональном оформлении. Проанализированы экономические факторы европейской интеграции Франции и Великобритании с учетом их внутренней экономической ситуации. Так же в статье отображено взаимодействие двух государств на пути строительства европейских надгосударственных институтов.

Ключевые слова: Европейское Сообщество, Европейский совет, Совет Министров, Европейский парламент, Ассамблея, Общий рынок, Европарламент.

Актуальность исследуемой темы определяется рядом факторов. Проблема становления сотрудничества Великобритании и Франции именно как сотрудничества, а не как компонент двусторонних отношений, в русскоязычной научной литературе не исследовалась; в англо- и франкоязычной её историографии (посвящённой именно сотрудничеству) описание фактически подменяется анализом. Недостаточно исследованы международно-политические и военно-политические аспекты этого сотрудничества из-за того, что в течение длительного времени внимание исследователей привлекали, прежде всего, экономические аспекты, которые составляли в тот период главный смысл западноевропейской интеграции.

Необходимость специального и всестороннего развития сотрудничества Великобритании и Франции в контексте европейской интеграции в 1970-х гг. безусловна. Проблемы развития отношений двух стран оказывались в центре внимания многих исследователей, как в советской / российской, так и зарубежной науке. Рассмотрение историографии проблемы позволит сформулировать цели и определить направление научного исследования. Поэтому автор ставит цель проанализировать историографический научный задел для выяснения степени изучения проблемы франко-британских отношений в указанный период, выявить вопросы, освещённые предшественниками в достаточной мере, а также те, что остались вне их внимания.

Ведущая роль в институциональном строительстве Сообщества принадлежала Франции. Великобритания присоединилась к нему. Прежде всего, следует отметить деятельность Жанны Моннэ, француза по происхождению, который занимал различные должности в европейских структурах. В конце августа 1973 г. он составил проект Временного европейского правительства, где утверждалось: «1. В настоящее время проходят международные изменения, которые имеют важное значение, для будущего Европы... Если Европа сама не будет озабочена своим единством, решение относительно её будущего, будут принимать другие за её пределами. Поэтому страны образующие Европейское Сообщество решили образовать Временное европейское правительство... 2. При необходимости и после консультаций с председателями советов министров и Комиссией европейских обществ он даёт инструкции министрам, которые представляют страны-члены в Совете европейских обществ. Он действует в соответствии с уже подписанными соглашениями. В течение шести месяцев он

образует организационную комиссию Европейского Союза. Правительство даёт необходимые директивы; принимает проект Европейского союза, подлежащим ратификации странами-членами. Институты Союза будут включать в себя европейское правительство и европейскую Ассамблею, которая избирается всеобщим голосованием. 3. Временное европейское правительство собирается раз в триместр. Его обсуждение ограничиваются кругом лиц, входящих в него, и не подлежат разглашению. Временное европейское правительство не имеет собственного административного аппарата. Оно назначает секретаря, в обязанности которого входит лишь протоколирование принятых решений» [1]. Итак, как видим, предложенный проект стал шагом вперёд в дальнейшем развитии интеграционных процессов в Европе. Он имел целью усовершенствовать институциональную организацию Сообщества. Но впереди была длительная дипломатическая работа, участие в которой приняли правительственные круги и Франции, и Великобритании.

Помочь Моннэ в деле лоббирования данного проекта согласились Мишель Жибер, министр иностранных дел Франции, Роберт Армстронг, начальник кабинета Эдварда Хита. Хотим обратить внимание, что активное участие в этом процессе принимала и ФРГ, но данный аспект за пределами нашего исследования. Поэтому главный акцент будет сделан нами именно на франко-английских инициативах.

М. Жобер показал проект Помпиду во время официального визита в Китай. Встреча Моннэ с Хитом состоялась 16 сентября, и в целом идея нашла поддержку премьер-министра Великобритании. Но ему не понравился сам термин «Временное правительство». Хит предложил название «Верховный Совет» и более интенсивный график консультаций. Моннэ возразил, что более частые встречи приведут к обсуждению технических вопросов, в то время как подобные Сборы имеют целью решение политических проблем общего характера. В конце разговора Хит согласился с предложениями Моннэ.

Президенту Франции Помпиду сначала не понравилась организационная комиссия, но через неделю он выступил с заявлением на пресс-конференции: «Не будет подлинного европейского единства до тех пор, пока не будет общей европейской политики. И не думайте, что Франция настроена против этого, вовсе нет. И если, например, существует мнение, что для более быстрого развития политического сотрудничества необходимо, чтобы чиновники не очень часто, но регулярно встречались друг с другом для обсуждения важных вопросов, я выступаю в поддержку этого. Я готов взять на себя если не инициативу, то хотя бы обсудить это со своими коллегами» [2]. Таким образом, Помпиду всячески поддерживал этот проект.

Аналогичные заявления сделал и премьер-министр Великобритании. На съезде Консервативной партии, который проходил в Блэкпуле, Хит заявил: «Я считаю, что у некоторых из моих коллег, руководителей правительств, уже возникла потребность в регулярных встречах, при отсутствии многочисленных делегаций, для того, чтобы направлять Европейское сообщество в соответствии выбранного пути. Я бы хотел, чтобы главы стран-членов Сообщества встречались, возможно, дважды в год в сопровождении небольшого количества сотрудников и в присутствии председателя Комиссии. Я надеюсь, что мои партнёры присоединятся к этому предложению. Целью наших собраний будет определение общих ориентиров европейской политике, поддержка движения в направлении к большему единству в области внутренней и внешней политики, в общем – согласование важнейших вопросов Сообщества с тем, чтобы не возникало лишних споров, которые нередко затрудняют обсуждение в Брюсселе» [3].

Таким образом, в конце 1973 г. были подготовлены конкретные решения, отражая единую позицию «девятки» по важнейшим вопросам. В данном случае позиции Франции и Великобритании совпали.

В первой половине 1974 г. произошли изменения в руководстве государств ЕС: 5 марта Г. Вильсон заменил Е. Хита в Великобритании. Умер президент Франции. Помпиду, а 19 мая президентом был избран Жискара д'Эстен. Монне фактически был вынужден начать все сначала. 28 марта он был принят Вильсоном на Даунинг-Стрит. Но из-за сложной ситуации в Лейбористской партии, новый премьер-министр был вынужден требовать уступки со стороны Общего рынка. Только осенью 1974 г. ситуация изменилась. 19 сентября Жискара д'Эстен на встрече с Монне согласился с предложенным проектом, заявил при этом: «Я отношусь положительно к регулярным встречам руководителей государств и правительств, – это будет настоящий Европейский Совет. Я считаю, что следует определить срок, до истечения которого должны произойти европейские всеобщие выборы. А впоследствии необходимо отказаться от принципа единогласия и принимать решения квалифицированным большинством». Итак, Франция проявила больше инициативы, чем Великобритания по созданию нового европейского органа. В. Жискара д'Эстен попытался придать новый импульс евроинтеграционным процессам и выступил с инициативой развития институтов Европы [4].

Окончательное решение о создании Европейского совета было принято руководителями государств Сообщества в декабре 1974 г. в Париже. 9-10 декабря 1974 г. состоялась встреча «девятки» на высшем уровне. Открывая это собрание Жискара д'Эстен заявил: «Саммит умер, пусть живёт Европейский Совет!» [5]. Так состоялось оформление Европейского совета в составе глав государств и правительств стран-участниц, который увенчал систему центральных институтов интеграционного объединения.

Тем самым они закрепили за собой последнее слово в рассмотрении всех вопросов, которые возникают в ЕС. Европейский совет стал высшей инстанцией Сообщества как по экономическим, так и политическим проблемам. По итогам Парижской конференции было решено проводить регулярные встречи глав «девятки» не реже раза в год.

На Парижской встрече было принято решение о подготовке проекта превращения Европейского сообщества в Европейский союз. Основные принципы проекта должны быть представлены к концу 1975 г. Но противоречия между участниками «девятки» на долгие годы отодвинули реализацию идей, заложенных в проекте. Одним из основных препятствий было то, что Франция, рассматривая европейский проект как межгосударственный, выступила против усиления наднациональных органов, на котором настаивали ФРГ и Бельгия [6].

Вторым по своей значимости органом Сообщества был Совет Министров. В его рамках руководители 12 национальных функциональных министерств (экономики, сельского хозяйства и др.) рассматривали на своих сессиях соответствующие вопросы. Но особая роль в Совете принадлежала министрам иностранных дел, которые проводят между собой регулярные внешнеполитические консультации. На них также возложена значительная доля ответственности за решение институциональных проблем «европейского строительства», а начиная с 1977 г. министры взяли на себя подготовку сессий Европейского совета.

С большой заинтересованностью в официальном Лондоне и Париже относились к институту президентства в центральных органах Европейского Сообщества. Каждая из

стран-членов Сообщества на полугодовой период по очереди получала для своих представителей должности председателей одновременно и в Европейском Совете и в Совете министров ЕС [7].

В период председательства каждая из стран не только выполняла организационный контроль – она получала возможность выступать на различных международных форумах от имени всех членов ЕС. И Лондон, и Париж пытались в полном объеме использовать периоды своего председательства для демонстрации исключительно собственных методов ведения «европейских дел».

В 1979 г. французский президент Жискара д'Эстен предложил, чтобы правительства тогдашней «девятки» совместно избрали постоянного представителя Европейского совета, который, кроме прочего, мог бы представлять Сообщество как единое целое на таких международных совещаниях, семи ведущих государств. Лондон склонялся на поддержку французских предложений: должность постоянного представителя Европейского совета казалась тогда приемлемой для наиболее последовательного и известного из английских «европеистов» – Е. Хита, бывшего премьер-министра Великобритании.

Предложение было представлено на рассмотрение так называемому, комитету «трех мудрецов». В декабре 1978 г. Европейский совет поручил Роберту Маржолену подготовить доклад об институтах Сообщества. В написании этого документа приняли участие также два других известных политических деятеля – Б. Бижевел и Е. Делл, бывший министр торговли Великобритании. Окончательный текст доклада получил название «Доклад Комитета трех». Так что и Франция, и Британия имели своих представителей при разработке этого важного документа. Через год, в декабре 1979 г. эксперты представили свои размышления, которые вызвали значительный резонанс в руководящих кругах Сообщества. Было признано нецелесообразным введение должности постоянного председателя, хотя и пришли к выводу, что было бы полезным установить в Европейском совете более длительный, чем полгода, срок председательства для каждой из стран-участниц [8].

Важное значение имел Европейский парламент. В политическом отношении парламентская Ассамблея выполняла роль связующего звена между парламентскими группами разных партий парламентов стран-участниц «Общего рынка». Здесь согласовывалась и производилась общая тактика по многим экономическим и политическим вопросам. Довольно длительное время комплектование Европарламента проводилось путем назначения в его состав определённого количества депутатов из национальных парламентов. Великобритания препятствовала проведению прямых выборов, хотя это предусматривалось Римским соглашением. Президент Франции Помпиду также враждебно относился к этой идее, а его последователь Жискара д'Эстен с ней согласился, но в обмен на решение об институционализации Европейского Совета. Следует также отметить, что в самой Франции существовала оппозиция к новой системе выборов. Голлисты и коммунисты считали, что это прямая система европейских выборов ограничит влияние Франции по сравнению с ФРГ, поскольку при пропорциональной системе выборов Германия будет иметь больше депутатов из-за ее демографического доминирования [9].

В декабре 1974 г. главы государств и правительств стран ЕС приняли принципиальное решение об избрании Европейского парламента всеобщим прямым голосованием. Через год был определён и конкретный срок – май-июнь 1978 г. В это же время участники Римской встречи были вынуждены согласиться с тем, что Великобритания участия в них не примет. Но в 1976 г. Лондон изменил собственную точку

зрения. В сентябре министры иностранных дел подписали «Акт о введении всеобщих прямых выборов депутатов Ассамблеи». Теперь количество депутатских мест, которые получила и Франция, и Великобритания увеличилась с 36 до 91 депутата (каждая из названных стран). Итак, подписан документ был выгодным для Парижа и Лондона [10].

Соглашение вступило в силу 1 июля 1978 г., после того, как национальные парламенты стран ратифицировали его. Но вскоре Великобритания заявила, что не сможет через организационные причины провести выборы в установленные сроки. Поведение официального Лондона была обусловлено рядом обстоятельств. С одной стороны, правительство видело в Парламенте воплощение наднационального начала, а потому прямые выборы могут усилить сверхнационализм в институциональной структуре Европейского общества. С другой стороны, они вовсе не были склонны поощрять предоставление Европарламента действительных функций контроля над исполнительными институтами ЕС. Кроме того, британским «европеистам» приходилось постоянно оглядываться на внутривнутриполитическую ситуацию [11]. Итак, выборы были перенесены на 7-10 июня 1979 г.

Предвыборный процесс во Франции и Великобритании отличался. Французские партии приняли участие в формировании Европейской народной партии (апрель 1976 г.). Во Франции на избирательные участки пришло 60,9 % избирателей, в то время как в Англии – только 30,5 % [12]. Из этого мы можем сделать вывод, что здесь явно доминировали силы, критически настроенные к процессам евроинтеграции.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что первым президентом Европарламента стала Симона Вейль – представительница Союза за французскую демократию – Правоцентристский блок, от которого был избран Жискард д'Эстен.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о создании постоянного Секретариата, поскольку Франция и Великобритания демонстрировали разные подходы. Создание такого органа Франция предложила в 1959 г. вместе с другими предложениями об организации регулярных встреч министров иностранных дел «шестёрки». Секретариат должен был находиться в Париже. Но на то время партнёры Франции по Совместному рынку решили, что при условии главенства в нем Франции его образования может подорвать полномочия других институтов Сообщества, а потому отказались от него. Когда, в начале 1970-х гг. вновь был поднят вопрос относительно политического секретариата, представители большинства стран-участниц ЕС настояли на том, чтобы он находился в Брюсселе, то есть там, где и другие европейские институты. Франция выступала против такого решения, восстановив свои прежние предложения. Для Парижа размещения политического секретариата в Брюсселе символизировало, как утверждала французская сторона, подчинения «европейского строительства» американскому диктату из-за того, что там располагалась штаб-квартира НАТО [13].

В период подготовки Лондонского доклада Великобритания предложила или передачу соответствующих функций секретариата Совету министров ЕС и Комитету постоянных представителей стран-членов ЕС при Сообществе, или создание небольшого самостоятельного секретариата для решения чисто административных задач. Но ни один из этих проектов не был принят руководящими кругами Сообщества: оба проекта содержали в себе элементы отклонения западноевропейского внешнеполитического сотрудничества от выбранного пути укрепления межнациональных контактов. Эти опасения выразил западногерманский специалист В. Весселс: «Политический секретариат имел бы негативные последствия с точки зрения мобилизации национальных дипломатов». Второй вариант столкнулся с разногласиями относительно финансирования. Секретариат требовал бы единственного

источника финансирования – из бюджета Сообщества, или из специального фонда, что так же символизировало отрыв дипломатов, находившихся на службе в нем, от «национальных корней» [14].

Во время обсуждения предложенных Великобританией вариантов решения проблем политического секретариата особенно явно оказалось, что основным препятствием на пути его создания, несмотря на растущую потребность в его создании из-за расширения внешнеполитической деятельности, было отсутствие общих взглядов относительно будущего всего комплекса институтов западноевропейского интеграционного объединения.

Своеобразие ситуации заключалось в том, что попытки Франции отстоять собственную точку зрения по целому ряду международно-политических проблем, побудили Париж воздерживаться от выдвижения новых проектов организационного развития механизма внешнеполитического сотрудничества и критически относиться к соответствующим проектам своих партнёров по ЕС, тогда как в 50-е гг. именно Франция была инициатором первых планов такого сотрудничества.

Согласно Лондонскому докладу функции секретариата при механизме внешнеполитического согласования и сотрудничества, которые ранее выполнял персонал министерства иностранных дел председательствующей страны, были переданы своеобразной «троице». Туда входили не только дипломаты из страны, которая председательствует, но и представители стран, которые в списке стран на председательство находятся перед и за ней. Этим, бесспорно, была обеспечена определённая преемственность при том, что не был нарушен принцип межгосударственности. Это в целом соответствовало интересам Великобритании [15].

Рассматривая участие Франции и Великобритании в экономической интеграции в Европе, прежде всего, стоит рассмотреть экономическую ситуацию в этих странах. Это даст возможность оценить задачи, которые ставили перед собой правительства этих стран. В начале 1970-х гг. случился первый нефтяной кризис, что вызвало значительный рост цен на нефть. Больше всего пострадала экономика стран-членов Европейского Экономического Союза, которая покрывала 60 % своих энергетических потребностей за счёт импорта ближневосточной нефти. Снижение рентабельности производства привело к сокращению объёмов продукции, увеличение безработицы и ухудшение социального положения. В 1975 г. Западную Европу поразил первый после войны экономический кризис.

Роль Великобритании в мировом хозяйстве продолжала падать. Доля Великобритании в промышленном производстве сократилась с 10,2 % в 1948 г. до 5,4 % в 1975 г. По основным экономическим показателям она занимала в середине 70-х годов пятое место среди промышленно развитых государств. Промышленное производство сократилось на 10,6 %, в стране было свыше 1 млн. безработных. К концу 70-х годов экономическое положение страны вновь ухудшилось. Замедлились темпы промышленного развития, возросла инфляция.

В 1975 г. во Франции сократилось промышленное и сельскохозяйственное производство, что привело к падению жизненного уровня населения. В 1976 г. правительство разработало план жёсткой экономии, который предусматривал замораживание цен и ограничения заработной платы. Но эти меры оказались малоэффективными [16].

Итак, как видим, обе страны переживали сложные времена. Для преодоления кризисных явлений в экономике правительствам обеих стран необходимо было принимать определённые меры. Франция считала для себя необходимым углублять

экономическое сотрудничество с партнёрами по ЕЭС. Британское правительство действовало осторожно, оберегая национальные интересы.

Углубления интеграции в финансовой сфере на фоне мирового экономического кризиса стало одним из приоритетов французской дипломатии в первой половине 1970-х гг. Франк присоединился к европейской «валютной змее» в июне 1975 г. Хотя должен был выйти из неё менее чем за год – в марте 1976 г. Из-за высокой инфляции. Поэтому Париж считал необходимым вернуться к идее Европейского валютного союза, который превосходил в качестве координации валютной политики императивы «валютной змеи» [17].

В апреле 1978 г. франко-германский тандем выступил с инициативой создания Европейской валютной системы. Важная роль в этом принадлежит лейбористу Рою Харрису Дженкинсу, председателю Комиссии Европейских обществ в 1977–1981 гг., и Франсуа Ортоли, вице-председателю Комиссии по вопросам экономической и валютной политики. В 1964–1970 гг. Дженкинс в Великобритании занимал должности министра воздушного сообщения, министра внутренних дел и канцлера казначейства. Убеждённый сторонник европейской интеграции, он в 1972 г. временно покинул ряды Лейбористской партии в знак протеста против её решения поддержать референдум по вопросу участия Великобритании в ЕС. Правда, впоследствии Дженкинс вернулся в состав партии и в 1974 г. снова стал министром внутренних дел. На посту председателя Комиссии он гордился созданием ЕВС и считал это своей личной победой [18].

В апреле 1979 г. Европейский совет принял решение о создании механизма ЕВС, который предусматривал введение единой европейской расчётной единицы, которая получила сначала название «ЭКЮ» (European Currency Unit), а в будущем была переименована в «евро» за то, что эта аббревиатура очень напоминала название французской монеты эпохи Людовика IX. Расчёт экю определялся из корзины национальных валют в зависимости от места, которое занимает экономика каждой страны-участницы в Сообществе. Например, французский франк составлял 19,5 ЭКЮ. Реальное введение ЭКЮ состоялось лишь 1 января 1981 г. В зависимости от экю, устанавливалась сетка, которая ограничивала колебания курсов валют между собой. Центральные банки были обязаны прибегать к интервенциям каждый раз, когда любая валюта ЕВС оказывалась перед угрозой выйти за пределы установленных границ. Эта система, в отличие от «змеи», обеспечивала большую солидарность между собой. Сначала назначения этой системы было достаточно скромным, но создание ЕВС способствовало относительной стабилизации европейских валют, тогда как доллар переживал резкие колебания.

Но обратим внимание и на недостатки. Сам механизм ЕВС оказался не очень эффективным. В условиях либерализации мирового валютного рынка сохранение регионального золотого стандарта выглядело анахронизмом и ограничивало возможности по использованию валютного курса в качестве инструмента экономической политики. К тому же потенциал финансовых систем стран ЕЭС был слишком разным. Следовательно, страны-участницы проекта сделали беспрецедентный шаг сознательной передачи в коллективное ведение значительной части своего национального суверенитета в области валютной политики [19].

К ЕВС, который начал работать с 13 марта 1979 г., присоединилось девять стран, кроме Великобритании, родины председателя Европейской Комиссии. Причины отказа англичан со временем варьировались. Сначала это был скептицизм, присущий Лондону до всякого «европейского» начинания, особенно когда за ним стояла франко-германское согласие. Со временем появилась мысль о том, что британская валюта относится к нефтяным валютам и поэтому подчиняется другим законам, чем валюты

континентальных стран. Почти всегда присутствовали опасения, что участие в ЕВС так повлияло на курс фунта стерлинга, что будет снижена конкурентоспособность британского экспорта [20]. По нашему мнению, основной причиной, почему Великобритания, единственная из всех стран-членов ЕЭС, решила не присоединиться к ЕВС, заключалась в том, что британское правительство не хотело потерять свой национальный суверенитет в этой сфере.

С начала функционирования ЕВС британское правительство занимало очень неудобную для других партнёров позицию: британский фунт стерлингов принимал участие в формировании ЭКЮ, однако не принимал участия в механизме обменных курсов. Окончательно не отвергая, но и не принимая полностью участия в ЕВС, британские консерваторы расплывчато обещали со временем присоединиться к механизму совместного колебания валют. ЕВС держалась благодаря гегемонии немецкой марки и германской политики низкой инфляции, а также постоянных обменных курсов. Вхождение в ЕВС означало бы приобщиться к политике низкой инфляции, что объективно было бы выгодно Великобритании, но очень тесно привязывало бы фунт к марке и косвенно способствовало усилению именно немецкой валюты. Британский премьер-министр Маргарет Тэтчер считала, что такая привязка повредит финансовому суверенитету Великобритании и была категорически против. Так, лондонский Сити не проявил заинтересованности в проекте валютного союза в Европе. Ему принадлежало на тот момент 30 % мирового рынка конвертируемых валют, и лишь 10 % этой деятельности охватывало валюты стран-членов ЕС [21].

Таким образом, столкнувшись с кризисом мирового валютного порядка, Франция пришла к мысли о необходимости обновления проекта единой валютной единицы, которая должна способствовать сближению европейских экономик. Инициатива именно Франции, при поддержке ФРГ, сыграла ключевую роль в создании Европейской валютной системы. Введение ЭКЮ стало заметным прогрессом в европейской экономической и валютной интеграции. В то же время позиция Великобритании была совсем другой. Традиционно британцы с недоверием отнеслись к франко-германской инициативам, считая, что это нанесёт ущерб национальным интересам. Вопрос о вступлении Великобритании в экономический и валютный союз находилось главным образом в политической плоскости. Безусловно, минимализация экономических убытков необходима, но приобщиться к единой валюте без политического решения не было возможным. Правительство Великобритании не было готово к его принятию.

Стоит отметить и ещё такой аспект. Франция для введения единой валюты заручилась поддержкой именно Германии. Если Помпиду делал ставку на взаимодействие с Великобританией и ФРГ, то д'Эстен, который имел доверительные отношения с канцлером Г. Шмидтом и не простые с британским премьером, делал ставку на ось «Париж – Бонн» [22]. Великобритания была обеспокоена своим партнёром.

Другая финансовая проблема участия Великобритании в ЕЭС – регулирование вопроса о размере вноса в бюджет Сообщества. Вступив в уже сложившиеся Сообщества, Великобритания была вынуждена принять правила игры, которые существовали. Исходя из требований государств-основательниц, был определён размер вноса страны в бюджет ЕЭС. Великобритания также согласилась на проведение Общей сельскохозяйственной политики и изменения в налоговой системе. В 1970-е гг. экономическое положение Великобритании значительно ухудшилось, как уже отмечалось выше. Значительный размер её взносов в бюджет ЕЭС все больше внутри страны воспринимался как несправедливый. Это ухудшалось и тем, что основной статьёй расходов Общины было сельское хозяйство. Между тем доля занятых в

сельском хозяйстве Великобритании была самой низкой в ЕЭС (2,6 % от активного населения), в то время как две трети бюджета Общего рынка назначались на регулирование производства и сбыта сельскохозяйственной продукции [23].

С 1974 г. лейборист Г. Вильсон начал требовать пересмотреть правила финансирования сельскохозяйственного рынка, поскольку британцы покупали большую часть продукции вне ЕЭС. Париж предложил переориентировать английские закупки продовольствия на страны Общего рынка, но финансовые трудности, партнёры решили компенсировать убытки странам, которые находились в «неблагоприятных» условиях, благодаря чему, кстати, Вильсону удалось одержать победу на референдуме относительно участия Великобритании в ЕЭС [24]. Льготы действовали 7 лет. Но, забегая наперёд, отметим, что в начале 1980-х гг. М. Тэтчер поставила вопрос преференции для своей страны в 1982 г. и блокировала обсуждение вопроса о фиксированные сельскохозяйственные цены, такого важного для Франции. По сути, Тэтчер взяла на вооружение тактику «пустого стула», которую так часто применял де Голль, но французским дипломатам было ясно, что английская политика тормозит прогресс Сообщества (вопрос о британских взносах был решён лишь в 1984 г.) [25].

Участники конференции в Сассекском университете в 1979 г. отметили, что от экономической интеграции больше других стран выгоду имела ФРГ. Франция модернизировала свою промышленность и укрепила экономические позиции. А Великобритания оказалась в сравнительно худшем положении, чем эти страны [26].

Таким образом, можем прийти к следующим выводам: Франция и Великобритания приняли активное участие в создании новых и деятельности уже существующих институтов Европейского Сообщества. Это отвечало интересам как одной, так и другой страны. Не умаляя вклада Великобритании в это дело, по нашему мнению, «пальма первенства» все-таки принадлежала Франции. Это проявилось в большей последовательности французских правительственных кругов.

Политика Франции ориентирована на углубление экономической интеграции в Европе была более эффективной британской, которая характеризовалась осторожностью и недоверием к инициативам партнёров по Европейскому Сообществу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Европа: проблемы интеграции и развития. Монография. В 2-х томах. – Том 1. История объединённой Европы и теория европейской интеграции. – Ч. 1. Кол. авт. / Под общ. редакцией академика О. А. Колобова. – Нижний Новгород: ФМО / ИСИ ННГУ: Из-во АГПИ им. Гайдара, 2008. – С. 130-133.
2. Обичкина Е. О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркази (1940-2012): Научное издание / Е. О. Обичкина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 161.
3. Девিশев И. Я. Особенности политики Великобритании в отношении европейской интеграции. 1945-1990-е гг. – М., 2008. – С. 20.
4. Европа: проблемы интеграции и развития. Монография. В 2-х томах. – Том 1. История объединённой Европы и теория европейской интеграции. – Ч. 1. Кол. авт. / Под общ. редакцией академика О. А. Колобова. – Нижний Новгород: ФМО / ИСИ ННГУ: Из-во АГПИ им. Гайдара, 2008. – С. 137.
5. Обичкина Е. О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркази (1940-2012): Научное издание / Е. О. Обичкина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 163.
6. Шадурский В. Г. Внешняя политика Франции (1945-2002) / В. Г. Шадурский. – Минск: Электронная библиотека БГУ, 2004. – С. 53.
7. Шемятенков В. Г. Европейская интеграция / В. Г. Шемятенков. – М.: Международные отношения, 2003. – 134 с.
8. Европа: проблемы интеграции и развития. Монография. В 2-х томах. – Том 1. История объединённой Европы и теория европейской интеграции. – Ч. 1. Кол. авт. / Под общ. редакцией академика О. А. Колобова. – Нижний Новгород: ФМО / ИСИ ННГУ: Из-во АГПИ им. Гайдара, 2008. – С. 145.

9. Шадурский В. Г. Внешняя политика Франции (1945-2002) / В. Г. Шадурский. – Минск: Электронная библиотека БГУ, 2004. – С. 168.
10. Стержнева М. В. Великобритания и Западная Европа: политические аспекты / М. В. Стержнева. – М.: Наука, 1988. – С. 102.
11. Европейская интеграция / Под ред. О. В. Буториной. – М.: Издательский дом «Деловая литература», 2011. – С. 79.
12. Обичкина Е. О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркази (1940-2012): Научное издание / Е. О. Обичкина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 86; Стержнева М. В. Великобритания и Западная Европа: политические аспекты / М. В. Стержнева. – М.: Наука, 1988. – С. 73.
13. Шемятенков В. Г. Европейская интеграция / В. Г. Шемятенков. – М.: Международные отношения, 2003. – С. 129.
14. Европа: проблемы интеграции и развития. Монография. В 2-х томах. – Том 1. История объединенной Европы и теория европейской интеграции. – Ч. 1. Кол. авт. / Под общ. редакцией академика О. А. Колобова. – Нижний Новгород: ФМО / ИСИ ННГУ: Из-во АГПИ им. Гайдара, 2008. – С. 61.
15. Стержнева М. В. Великобритания и Западная Европа: политические аспекты / М. В. Стержнева. – М.: Наука, 1988. – С. 89-91.
16. Новейшая история стран Европы и Америки: XX век. – М.: Владос, 2001. – Ч.2. 1945-2000. – С. 124; 235.
17. Шадурский В. Г. Внешняя политика Франции (1945-2002) / В. Г. Шадурский. – Минск: Электронная библиотека БГУ, 2004. – С. 113.
18. Европа: проблемы интеграции и развития. Монография. В 2-х томах. – Том 1. История объединенной Европы и теория европейской интеграции. – Ч. 1. Кол. авт. / Под общ. редакцией академика О. А. Колобова. – Нижний Новгород: ФМО / ИСИ ННГУ: Из-во АГПИ им. Гайдара, 2008. – С. 66.
19. Шемятников В. Г. Две стороны одной монеты / В. Г. Шемятников. – М., 1998. – С. 74.
20. Стержнева М. В. Великобритания и Западная Европа: политические аспекты / М. В. Стержнева. – М.: Наука, 1988. – С. 32-33.
21. Великобритания. Эпоха реформ / Под ред. А. А. Громько. – М.: Весь мир, 2007. – С. 294-295.
22. Девишев И. Я. Особенности политики Великобритании в отношении европейской интеграции. 1945-1990-е гг. – М., 2008. – С. 20.
23. Великобритания. Эпоха реформ / Под ред. А. А. Громько. – М.: Весь мир, 2007. – С. 309.
24. Черкашов С. С. Лейбористская партия Великобритании и Европейское Сообщество в 1945-1994 гг.: автореферат дис. на соискание научной степени кандидат исторических наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / С. С. Черкашов. – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 18
25. Обичкина Е. О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркази (1940-2012): Научное издание / Е. О. Обичкина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 168-169.
26. Европа: проблемы интеграции и развития. Монография. В 2-х томах. – Том 1. История объединенной Европы и теория европейской интеграции. – Ч. 1. Кол. авт. / Под общ. редакцией академика О. А. Колобова. – Нижний Новгород: ФМО / ИСИ ННГУ: Из-во АГПИ им. Гайдара, 2008. – С. 167.

Поступила в редакцию 05.09.2017 г.

BRITAIN AND FRANCE IN THE PROCESS OF INTEGRATION IN EUROPE IN THE 1970 S.

Ye.Yu. Shirma

The article addresses the stages of formation of the European Community and the role of France and the UK in its institutional structure. Economic factors of the European integration of France and the UK with regard to their internal economic situation are analyzed. The interaction of the two states on the way to creating European supranational institutions is revealed in the article.

Ширма Елена Юрьевна

Аспирант

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк

e-mail: vsemirkaf@gmail.com

Shirma Yelena Yurievna

Postgraduate student

Donetsk National University

e-mail: vsemirkaf@gmail.com

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, филологии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать 15000 – 20000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии (terkulov@rambler.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

Абзацный отступ — 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год, инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова** (3-5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. А. В. Петров

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.

Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сб. / Пер. с англ., фр., нем. исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : // genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М. : Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

○ название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),

○ инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),

○ аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– В конце статьи обязательно указываются (10 кегль, полужирный, выравнивание по ширине) следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); должность; адрес электронной почты каждого автора.

Образец:

Петров Александр Владимирович.

Доктор филологических наук, профессор.

Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики.

E-mail: liza_nada@mail.ru

Petrov Alexandr Vladimirovich

Doctor of Philology, Professor

Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department

E-mail: liza_nada@mail.ru

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Разумный Виталий Витальевич**, канд.ист.наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонНУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Б. Гуманитарные науки

Научный журнал

2017. – № 3

На русском, украинском и английском языках

Технические редакторы: М.В. Фоменко, В.С. Хитеева

Свидетельство о регистрации СМИ № 000076 от 21.11.2016 г.

Подписано в печать 27.12.2016 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 18,9
Тираж 100 экз. Заказ № 17-Нояб118

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.